

**СОДЕРЖАНИЕ**

*VITA MEMORIAE. К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ*

От редактора.....	5
<b>Кротов А.А.</b> Наполеон и принципы формирования его библиотек.....	6
<b>Бендерский И.И.</b> К проблеме понимания сказанного об истории в книге «Война и мир» Л.Н. Толстого.....	12
<b>Ольхов П.А.</b> Историческая реконструкция как диалогический проект: категориально-речевые и нравственные доминанты А.Я. Гуревича.....	21
<b>Сабанчиев Р.Ю.</b> Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции.....	33
<b>Головин С.А.</b> Л.С. Багров – страницы биографии одного из основоположников истории картографии.....	39
К юбилею Александра Анатольевича Торопова.....	53

*РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ*

<b>Игнатьева О.В.</b> Коллекционирование в среде русской аристократии в XVIII – XIX вв. ....	54
<b>Лапин П.А.</b> Образовательная политика иностранных религиозных организаций в Китае в поздние годы династии Цин.....	63

*ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ*

<b>Спешилова Е.В.</b> Деятельность сельских культурно-просветительных учреждений Приморья в 1923-1925 гг. ....	73
<b>Гребенюк П.С.</b> Дальстрой и производительность труда в золотодобывающей отрасли СССР: опыт сравнительного анализа.....	78
<b>Усов А.В.</b> Морские спасатели Дальневосточного пароходства: аварийно-спасательная подготовка и учения (1957-1993 гг.).....	89
<b>Власов С.А.</b> Реформа жилищно-коммунального хозяйства в малом субъекте Российской Федерации (на примере Еврейской автономной области).....	97

*МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ*

<b>Мотовникова Е.Н.</b> О проблемах и стратегиях реконструкции русской традиции органического понимания истории.....	104
<b>Заякина Р.А.</b> Реальный сетевой дизайн: динамические дескрипторы.....	110

*PHILOSOPHIA PERENNIS*

<b>Демидова С.А.</b> Человек бунтующий: экзистенциальная концепция бунта у Леонида Андреева и Альбера Камю.....	118
<b>Юшкевич М.А.</b> Проблема национального сознания в творчестве Г.П. Федотова.....	124

## ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,  
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

## РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	доктор исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музея М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

## ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,  
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов  
допускается только с разрешения редакции.  
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г.  
размещены в сети Интернет по адресам:  
ДВФУ: [https://www.dvfu.ru/schools/school\\_of\\_humanities/publication/](https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/)  
РНЭБ: [http://elibrary.ru/title\\_about.asp?id=28209](http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209)

Подписано в печать 20.03.2018.  
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 15,11. Уч.-изд. л. 15,44.  
Тираж 500 экз. Заказ

Адрес редакции:  
690950, Россия, г. Владивосток, ул. Суханова, 8.  
Тел. (423) 245 77 48.  
E-mail: [gisdv@dvfu.ru](mailto:gisdv@dvfu.ru)

Отпечатано в типографии  
Дальневосточного федерального университета  
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

# HUMANITIES RESEARCH in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)  
ISSN 2076-8575 (Online)

*ACADEMIC JOURNAL*

№ 1 (43) 2018

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1](https://dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1)

Certificate  
ПИ № ФС 77 32359  
09.06.2008

## TABLE OF CONTENTS

<i>VITA MEMORIAE. TO THE CENTENNIAL OF POST-SECONDARY HISTORY EDUCATION IN THE RUSSIAN FAR EAST</i>	
From the editor.....	5
<b>Krotov A.A.</b> Napoleon and the principles of his libraries' formation.....	6
<b>Benderskiy I.I.</b> Towards the issue of understanding the statements about history in Leo Tolstoy's «War and peace».....	12
<b>Olkhov P.A.</b> Historical reconstruction as a dialogical project: categorical-verbal and moral dominants in historical thought of A.Ya. Gurevich.....	21
<b>Sabanchev R.Yu.</b> Pierre Nora's concept of «sites of memory» as a method of historical reconstruction.....	33
<b>Golovin S.A.</b> Towards a biography of Leo Bagrow, one of the founders of the history of cartography.....	39
Anniversary greetings for Alexander A. Toropov.....	53
<i>ANGLES OF SOCIAL DYNAMICS</i>	
<b>Ignatieva O.V.</b> Collecting practices among Russian aristocrats of the XVIIIth and XIXth centuries.....	54
<b>Lapin P.A.</b> Educational policy of the foreign religious organizations in late Qing China.....	63
<i>HISTORY OF RUSSIAN REGIONS</i>	
<b>Speshilova E.V.</b> The activities of rural cultural and educational institutions in Primorye, 1923-1925.....	73
<b>Grebnyuk P.S.</b> Dalstroy and labour productivity in the gold mining industry of the USSR: an attempt of comparative analysis.....	78
<b>Usov A.V.</b> Sea rescuers of the Far Eastern Shipping Company: emergency rescue training and exercises, 1957-1993.....	89
<b>Vlasov S.A.</b> The reform of housing and communal services in a small Russian region (the case of the Jewish Autonomous Oblast).....	97
<i>METHODOLOGY OF HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES</i>	
<b>Motovnikova E.N.</b> Reconstructing Russian tradition of organic interpretation of history: issues and strategies.....	104
<b>Zayakina R.A.</b> Real network design: dynamic descriptors.....	110
<i>PHILOSOPHIA PERENNIS</i>	
<b>Demidova S.A.</b> The rebellious man: the existential concept of rebellion of Leonid Andreyev and Albert Camus.....	118
<b>Yushkevich M.A.</b> The issue of national consciousness in the works of G.P. Fedotov.....	124

FOUNDED  
IN 2008

FOUNDER:  
FAR EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

PUBLISHED  
QUARTERLY

## EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,  
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

## EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Doctor of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

## EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,  
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:  
8, Suhanova str., Vladivostok, Russia, 690950  
Tel. (423) 245 77 48.  
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:  
DVFU: [https://www.dvfu.ru/schools/school\\_of\\_humanities/publication/](https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/)  
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

## VITA MEMORIAE. К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/5](https://dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/5)

**Ф.Е. Ажимов,**  
**доктор философских наук, профессор,**  
**директор Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ**

## ОТ РЕДАКТОРА

В октябре 2018 г. мы отмечаем 100-летие высшего исторического образования на российском Дальнем Востоке. Удивительно, что осенью 1918 г., в это непростое для страны и региона время, во Владивостоке был учрежден частный историко-филологический факультет, который стоял у истоков дальневосточной научной школы историков. Первым деканом историко-филологического факультета был известный русский философ, выпускник Казанской духовной академии, Матвей Николаевич Ершов.

Сегодня Департамент истории и археологии, входящий в состав Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, продолжает славные традиции

историко-филологического факультета, являясь форпостом исторического просвещения на Дальнем Востоке России.

Настоящим номером журнал «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» открывает специальную рубрику «Vita memoriae. К 100-летию исторического образования на Дальнем Востоке». В каждом из номеров юбилейного года в данной рубрике будут публиковаться интересные исследования, обзоры, статьи, заметки, воспоминания, связанные как с конкретно-историческими сюжетами, так и с осмыслением феномена исторического мышления в контексте современного гуманитарного познания в целом.



УДК 94(44).05  
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/6-11

А.А. Кротов\*

## НАПОЛЕОН И ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕГО БИБЛИОТЕК

В статье анализируются инструкции Наполеона относительно содержания его книжных собраний, факты, касающиеся состава его дворцовых библиотек. Автор анализирует связь между принципами формирования императорских библиотек и мировосприятием Наполеона. Его книжные собрания комплектовались, с одной стороны, исходя из личных предпочтений, с другой – с ориентацией на потребности в справочной, исторической литературе, учет которой казался ему необходимым в целях планирования государственной политики. Кроме того, библиотеки, как и театр, были призваны заполнить часы досуга императора, предоставить ему развлечение. Неудивительно, что исторические сочинения оставались объектом постоянного, никогда не ослабевавшего интереса со стороны Наполеона, равно как и романы. Изменения в мировоззрении Наполеона, выразившиеся в отказе от ряда его юношеских идей, непосредственно отразились и на структуре императорских книжных собраний, в частности, на уменьшении в них доли произведений философов эпохи Просвещения.

*Ключевые слова:* Наполеон, Франция, первая Империя, Тюильри, библиотеки Наполеона

**Napoleon and the principles of his libraries' formation.** ARTEM A. KROTOV (Lomonosov Moscow State University)

The article analyzes Napoleon's instructions concerning the content of his book collections and the facts about the composition of his palace libraries. The author focuses on the relationship between the principles of the formation of the imperial libraries and Napoleon's world perception. The emperor's book collections were completed, on the one hand, based on his personal preferences, on the other hand, with an orientation to the needs for reference, historical literature, which he considered necessary for the planning of public policy. In addition, libraries, like theater, were meant to enrich Napoleon's leisure time and entertain him. It is no wonder that historical works, as well as novels, remained the object of a constant, never-diminishing interest of the emperor. The changes in Napoleon's world perception and the rejection of a number of his youthful ideas directly affected the structure of the imperial book collections, resulting in reduction of Enlightenment philosophers' works.

*Keywords:* Napoleon, France, the first Empire, the Tuileries, Napoleon's libraries

Библиотека Наполеона в Тюильри не сохранилась, не дошла до нашего времени, как, впрочем, и другие книжные собрания, принадлежавшие французскому императору. Но судить о ее составе мы можем по ряду свидетельств: сохранившейся описи книг, инструкций, которые он давал своему библиотекарю Антуану Александру Барбье. В юности Наполеон много читал, документальным подтверждением этому служат выписки и заметки, составленные им во

время гарнизонной службы в Валансе и Оксонне. Страсть к чтению он сохраняет и в зрелые годы, по свидетельству А. Барбье, он требовал от своего библиотекаря отчетов обо всех книжных новинках, нередко приказывая читать вслух то или иное из заинтересовавших его произведений. Много читает он и в последние годы жизни, находясь в ссылке на острове Св. Елены. Собственные книги сопровождают его на всем протяжении жизненного пути. Поначалу его личное собрание совсем невелико, со временем становится значительным и, наконец, охватывает несколько библиотек.

Даже во время военных походов Наполеон не забывал о литературных новинках, старался уделять им время. Например, 10 июля 1809 г., находясь в Австрии, он диктует барону Меневалю письмо для своего библиотекаря: «Я должен известить господина Барбье, что два важных произведения дошли до Его Величества с позавчерашним курьером: *Отрывок из истории Англии*, Фокса, в двух томах, и сочинение господина Монгайяра, озаглавленное: *О восстановлении итальянского королевства, и о праве французской короны на герцогство римское*. Первое было взято у книготорговца и отправлено господину Маре; второе было прислано мне автором. Господин Барбье должен чувствовать необходимость быть в курсе новинок самым быстрым из возможных способов. Следовало бы забирать сочинения у книгопродавцев прежде, чем они будут предоставлены публике» [7, XIX, р. 237].

Во время похода в Россию, 7 августа 1812 г. он диктует секретарю письмо, предназначенное Барбье: «Император желал бы иметь какие-нибудь занимательные книги. Если бы имелись какие-нибудь хорошие новые романы, или старые, которых он не знает, или мемуары, приятные для чтения, то Вы бы правильно поступили, прислав их нам, так как у нас есть моменты досуга, которые нелегко здесь наполнить» [7, XXIV, р. 128]. Но чем заполнен этот день, когда Наполеон вспоминает о моментах досуга и требует новых книг? В этот августовский день его ставка находится в Витебске. По его распоряжению с разными интервалами три письма отправляются в Вильну, все адресованы министру Маре, герцогу Бассано. В первом из них он требует отчета о ходе формирования литовских контингентов, сообщает, что вооружение для них уже прибыло в Ковно. Назначение новых контингентов – составить гарнизоны Вильны, Ковно, Минска и Гродно, высвободив находя-

щиеся там войска. Хорошо известно, что расчет на быстрое создание литовских подразделений так и не оправдался. Во втором письме Наполеон требует от Маре, чтобы он передал его приказ генералу Хогендорпу о необходимости разрушить созданный русской армией укрепленный дрисский лагерь. Для этой цели надлежит выделить батальон солдат, который обязан справиться с задачей в течение восьми-десяти дней. Наполеон настаивает на важности полного уничтожения лагеря. В третьем он вспоминает о «двух или трех сотнях» повозок, оставленных в Вильне прямо на улицах и приказывает запереть их в арсенале (или какой-нибудь церкви), если этого до сих пор не было сделано. Тем же днем датированы распоряжения начальнику штаба Бертье, князю Невшательскому и Ваграмскому. В них характеризуется положение и тактика русской армии Витгенштейна, даются частные указания относительно характера действий левого фланга наполеоновских войск. «Война есть дело мнения», – настаивает Наполеон, и важное в его понимании искусство состоит в том, чтобы внушить врагу выгодное представление о своей позиции и возможностях [7, XXIV, р. 130]. В последующие дни он осуществляет приготовления к смоленскому сражению, рассчитывая, что оно станет генеральным. В этой обстановке типичны распоряжения, вроде, например, следующего, адресованного Бертье 10-го числа: «Мой кузен, напишите королю неаполитанскому: необходимо, чтобы корпус генерала Нансути выступил завтра, прошел за Рудней, был 12-го в Любавичах и пересек Днепр 13-го вечером» [7, XXIV, р. 141]. Уже после бородинского сражения, находясь в Москве, Наполеон направляет 30 сентября 1812 г. своему библиотекарю напоминание о необходимости присылать «как можно чаще книги и новые произведения», используя для этого эстафеты и вообще любой благоприятный случай. Он упрекает Барбье в том, что тот «не всегда аккуратно присылает появляющиеся хорошие сочинения» [7, XXIV, р. 234-235].

В мирные промежутки времени французский император уделял чтению, разумеется, гораздо больше внимания. Оно легко вписывалось в общий распорядок дворцовой жизни Тюильри. Жан Тюлар обоснованно утверждает, что при Наполеоне «жизнь императорского двора мало-помалу формировалась по образцу Версаля» [9, р. 281]. Первым наполеоновским библиотекарем был Денина, его заменяет Рипо, а с 9 сентября 1807 г. – Барбье. Как отмечал

\* КРОТОВ Артем Александрович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: krotov@philos.msu.ru

© Кротов А.А., 2018

Жюль Берто, по своей одежде и манере поведения А. Барбье «казался персонажем, вышедшим из старого порядка» [3, р. 164]. Императорский библиотекарь нередко выступал в роли чтеца Наполеона; в его обязанности входило регулярно знакомить повелителя со всеми книжными новинками, некоторые из которых не вызывали у того пристального интереса, иные же удоставались особого внимания. Зачастую библиотекаря вызывали во время ужина, и он приступал к выполнению своих обязанностей. В зависимости от рабочего графика императора обзор новинок мог затянуться, изредка случались и «ночные чтения». Как утверждал специально исследовавший этот вопрос Гюстав Морави, Наполеон обращался к книгам «одновременно как к орудию своей интеллектуальной работы и как развлечению в часы отдыха» [6, р. 8]. С этой точки зрения рабочим инструментом ему служили главным образом сочинения по истории различных стран, средством развлечения – романы. Как констатирует Морави, Наполеон не был завзятым коллекционером в том смысле, что никогда не стремился к обладанию дорогими или редкими изданиями. Его волновало только содержание книг, в гораздо меньшей степени – их внешний вид. Известно, что он отдавал предпочтение карманному формату, но исключительно по практическим соображениям, в связи с тем, что книги небольшого размера легче было перевозить с собой. Анри Гобер, подобно некоторым другим историкам, отмечает, что любимым автором Наполеона был Корнель [4, р. 197].

О книжных пристрастиях императора легко судить по указаниям, данным им в связи с обсуждавшимся вопросом о составе походной библиотеки. 17 июля 1808 г. в Байонне он диктует своему секретарю, барону Меневалю письмо, предназначенное для Барбье [7, XVII, р. 399-400]. Инструкции включают в себя общие соображения о структуре библиотеки, как и частные суждения, связанные с конкретными авторами. Предполагалось, что библиотека будет включать около тысячи томов, тематически распределенных приблизительно следующим образом: сорок отводилось на книги религиозного содержания, еще сорок – эпическим произведениям, сорок – пьесам, шестьдесят – поэзии, 100 – романам, 60 – историческим сочинениям, прочее место отдавалось мемуарам различных эпох. Специально оговаривалось, что среди религиозных текстов должны быть Ветхий и Новый завет, Коран, важнейшие сочинения Отцов

Церкви. Предполагалось, что эта же рубрика охватывает литературные мифологические сюжеты, а также книги, посвященные истории христианства, включающие сведения о различных сектах. Среди авторов трагедий были упомянуты Корнель, Расин, Кребийон, Вольтер. Романы следовало отбирать, непременно включая сочинения Руссо («Новая Элоиза» и «Исповедь» отмечены особо), Филдинга, Ричардсона, Лесажа и др. Исторические труды должны были включать в первую очередь произведения, способные выполнять роль своеобразных путеводителей в области хронологии. Кроме того, следовало включить в собрание главные труды античных историков. Отдельно были упомянуты Макиавелли («Рассуждения о первой декаде Тита Ливия») и Монтескье («Размышления о причинах величия и падения римлян», «О духе законов»). Предусматривалось также включить в библиотеку тома, в деталях раскрывающие историю Франции.

12 июля 1809 г. из Австрии Наполеон диктует еще одну инструкцию для Барбье, касающуюся подбора исторических сочинений в его походную библиотеку. Он выделяет в качестве обязательных рубрик хронологию всемирной истории, древнюю и новую историю, общую и частную историю Европы и отдельных стран, историю Церкви. Все греческие и латинские классики должны были быть представлены в переводе на французский язык. Инструкция предусматривала, что по окончании работы по составлению корпуса исторических сочинений к ним следовало добавить сходную по объему коллекцию, включающую книги по естественной истории, описания путешествий, художественные тексты.

Исходя из фактов, которые связаны с приведенными инструкциями и походными письмами, касающимися книжной тематики, до известной степени можно было бы согласиться с мнением Гюстава Морави: «Таким образом, на этот вопрос: в каких обстоятельствах или в какие часы Наполеон обращался к своим книгам?.. Наполеон читал, действительно, повсюду, в любой час, когда он не был занят» [6, р. 61].

В рабочем кабинете императора в Тюильри находилось, согласно описи, 350 томов (на 22 июня 1815 г.). Эта цифра сопоставима с известными нам данными о других рабочих кабинетах Наполеона: в Большом Трианоне – 339, в Мальмезоне – 426. Отдельные библиотеки были и в других резиденциях императора – в Фонтенбло, Рамбуйе, Сен-Клу.

Из 350 томов книжного собрания в Тюильри (рабочий кабинет императора) подавляющее большинство (307) составляли исторические сочинения. Среди них важное место занимали труды Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Павсания, Плутарха, Полибия, Саллюстия, Тита Ливия и др. Из произведений французских авторов в кабинете были представлены Расин, Корнель, Дюкло, Сен-Симон, Боссюэ, Монтескье, Руссо, Вольтер, мадам де Севинье и др.

В Большом Трианоне находились произведения Плутарха, Фукидида, Геродота, Ксенофонта, Гомера, Гесиода, Овидия, Вергилия, Горация, Овидия, Катутла, Саллюстия, Цезаря, Тита Ливия, Мольера, Корнеля, Расина, Кребийона, Лафонтена, Буало, Фонтенеля, Боссюэ, Сен-Симона, Фруассара, мадам де Севинье, Бюффона, Монтескье, Вольтера, Руссо, Рейналя, Макиавелли, Данте, Мильтона и др. Среди прочих томов видное место занимала «Энциклопедия» просветителей.

Присутствовала «Энциклопедия» и в Мальмезоне, где также имелись сочинения Полибия, Плутарха, Геродота, Фукидида, Гомера, Аристофана, Еврипида, Софокла, Вергилия, Плавта, Теренция, Катутла, Цезаря, Саллюстия, Тита Ливия, Мольера, Корнеля, Расина, Лафонтена, Кребийона, Бюффона, Фенелона, Дюкло, Мармонтеля, Дидро, Монтескье, Вольтера, Руссо, Шамфора, Ариосто, Макиавелли, Гоббса, Шекспира и пр. В целом труды по истории в библиотеке Большого Трианона насчитывали 151 том, Мальмезона – 195.

Примечательно, что, находясь на острове Св. Елены, Наполеон отобрал из своей «библиотеки изгнанника» 399 томов, которые по его замыслу предназначались для находящегося на континенте сына («римского короля»). Состав этого намеченного к отправке собрания позволяет судить о том, какие из имевшихся в его распоряжении текстов бывший император считал наиболее важными в деле воспитания предполагаемого правителя государства. В описи присутствуют произведения Мольера, Буало, Расина, Лафонтена Ариосто, Тассо, Мильтона, Стерна, Прево, Лесажа, Вольтера, Руссо, Дюкло, Бернарден де Сен-Пьера, Фенелона, Монтескье, Плутарха, Тацита, Тита Ливия, Саллюстия, Квинта Курция, Верто, Рише, Леконта, Обри и пр.

Очевидно, учитывая принципы комплектования различных разделов книжных собраний, о которых упоминается в походных распоряжениях французского императора, можно заключить о том, что он не оставлял на волю случая состав

своих библиотек, интересовался этим вопросом постоянно и напрямую определял способы его решения. Вполне справедливо в этом контексте звучит оценка Г. Морави: «В составление, как и в организацию своих частных библиотек, Наполеон вносит, следовательно, очень личностную инициативу» [6, р. 82]. Характерно, что интерес императора к романам Морави, отнюдь не бесспорно, связывал с его индивидуальными психологическими чертами: «Несомненно, что Наполеон в часы отдыха предпочитал скорее легкое чтение, отвечавшее его склонности к эпическому или романтическому героизму, некоторому внутреннему лиризму» [6, р. 56]. Отметим, что Патрик Равиньян, в свою очередь, пытался проводить далеко не очевидные параллели между психологическими чертами своего героя и внедряемыми им в систему образования представлениями: «Идеал, предложенный учащимся Империи, не в маленьком хорошем воспитаннике, среднем, добросовестном, честном и банальном; нет, это – герой, гений, человек вершины, почти ницшеанский сверхчеловек» [8, р. 199].

Важная особенность мировоззренческого плана, в значительной степени определявшая книжные пристрастия французского императора и состав его библиотек, связана с постепенным изменением его отношения к философии. В юности он уделял ей огромное внимание, был, по выражению А.З. Манфреда, «хорошо знаком с работами Жан-Жака Руссо и находился под их влиянием» [1, с. 36]. Как отмечал Е.В. Тарле, «больше всего его интересовали книги по военной истории, математике, географии, описания путешествий. Читал он и философов. Именно в эту пору он ознакомился с классиками просветительской литературы XVIII в. – Вольтером, Руссо, Даламбером, Мабли, Рейналем» [2, с. 15].

По окончании парижской военной школы, во время гарнизонной службы в Валансе и Оксонне, Наполеон сильно ограничен в средствах, провинциальная дворянская жизнь по большей части проходит мимо него. В свободное время он много читает, заносит в тетради понравившиеся ему суждения разных авторов, нередко сопровождая их своим комментарием. Его внимание обращено на философские тексты, исторические труды, мемуары, книги, посвященные его военной профессии артиллериста. Среди серьезным образом прочитанных юным Бонапартом томов мы встречаем произведения Мирабо, Руссо, Платона, Рейналя, Монтескье, Макиавел-

ли, Бернардена де Сен-Пьера, Роллена (древняя история), Серюрье де Сен-Реми (история артиллерии) и др. Начавшаяся революция отнюдь не побуждает Наполеона совсем забросить книжные занятия. Как отмечает Жан Тюлар, «после первых черновики юности и беспорядочного чтения, в 1789 г. для Наполеона открывается новый период, период литературного честолюбия (он участвует в конкурсе Лионской Академии, он переписывается с аббатом Рейналем) и первых публикаций (*Письмо к Буттафуочо; Ужин в Бокере*), не прерывающий по-прежнему обильного хода его чтения» [10, р. 11]. Анализ этих работ выходит за пределы заявленной темы статьи. Ограничимся констатацией того факта, что в указанный период Наполеон разделяет республиканские настроения, по ряду вопросов близок якобинцам. Но такого рода симпатии быстро проходят. Меняется и тон его оценок просветительской мысли. Хотя вплоть до конца жизни Наполеон остается ценителем литературных шедевров, созданных Вольтером и Руссо, их философское наследие характеризуется им в поздний период его политической деятельности отнюдь не в положительном ключе. Он хотел бы дистанцироваться от него, вычеркнуть из своей жизни. Оно слишком напоминает о недавней революции, последствия которой он стремился преодолеть на путях «объединения нации», устранения раздражающих общество противоположных интересов.

В упоминавшемся письме к Барбье (17.07.1808) он специально подчеркивал, что создаваемая по его приказу библиотека не должна включать ни множества писем, ни мемуаров, ни «бесполезных рассуждений» Руссо. Дополнительно им было отмечено, что «то же соображение» касается и сочинений Вольтера [7, XVII, р. 400]. Очевидно, что в этот период своей жизни Наполеон относил к числу «бесполезных» для проводимого им политического курса важнейшие в наследии интеллектуального кумира его юности тексты – «Рассуждение о науках и искусствах» (1750) и «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755). Неудивительно, что в императорских книжных собраниях, в противоположность периоду его юности, отсутствуют систематические подборки по философской тематике. Сочинения философов, конечно, в библиотеках Наполеона присутствуют, но проходят они по иным рубрикам: либо истории (как, например, «О духе законов» Монтескье), либо художественной литературы (как «Новая Элоиза» Руссо).

На острове Св. Елены Наполеон как-то заметил, что Вольтер и Руссо по своей воле управляли общественным мнением, но это им не удалось бы в ту эпоху, когда протекала записанная беседа [5, I, р. 726]. Подобное замечание показывает, что и в последние годы жизни он считал философские идеи выдающихся просветителей по большей части утратившими свое значение для политической сферы. Художественные же их достижения по-прежнему высоко оценивались Наполеоном. Он нередко упоминал в беседах Вольтера или Руссо, ссылаясь на персонажей из их произведений. Например, однажды он «сильно расхваливал» трагедию Вольтера «Эдип», заявив при этом, что все ее недостатки объясняются несовершенством нравов того времени и требованиями актрис, с которыми автор был вынужден считаться [5, II, р. 293]. В другой раз он читал «Новую Элоизу», «часто останавливаясь на искусстве и силе рассуждений, на обаянии стиля и выражений». Закончив чтение, Наполеон сказал: «Это сочинение включает огонь, оно волнует, беспокоит» [5, I, р. 242].

Несомненно, что принципы формирования императорских библиотек напрямую определялись мировосприятием их владельца. Французский император мало что в своей жизни соглашался оставлять на волю случая, стремился сам направлять течение событий. Не составляли исключение и книжные собрания, которые формировались исходя из личных предпочтений, с одной стороны, потребностей в справочной, исторической литературе, учет которой казался ему необходимым в целях планирования государственной политики, с другой. Кроме того, библиотеки, как и театр, были призваны заполнить часы досуга императора, предоставить ему развлечение, своеобразный отдых. Неудивительно, что исторические сочинения оставались объектом постоянного, никогда не ослабевавшего интереса со стороны Наполеона. Равно как и его увлечение романами, склонность иметь их под рукой в удобном карманном издании. Изменения в мировоззрении Наполеона, выразившиеся в отказе от ряда его юношеских идей, непосредственно отразились и на структуре императорских книжных собраний.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М.: Мысль, 1980.
2. Тарле Е.В. Наполеон. СПб.: Азбука, 2012.
3. Bertot, J., 1949. Napoléon I-er aux Tuileries. Paris: Hachette.

4. Gaubert, H., 1962. Conspireurs au temps de Napoléon I. Paris: Flammarion.

5. Las Cases, E., 1956. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I-II. Paris: Gallimard.

6. Moravi, G., 1905. Napoléon bibliophile. Recherches spéciales de psychologie napoléonienne, avec documents inédits. Paris: Lecampion.

7. Napoléon I. Correspondance. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. I-XXXII. Paris: Plon, 1858-1869.

8. Ravnant, P., 1969. Ce que Napoléon a vraiment dit. Paris: Stock.

9. Tulard, J., 1978. La vie quotidienne des français sous Napoléon. Paris: Hachette.

10. Tulard, J., 2001. Avertissement. In: Tulard, J. ed., 2001. Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. II. Paris: Claude Tchou, pp. 11-12.

#### REFERENCES

1. Manfred, A.Z., 1980. Napoleon Bonapart [Napoleon Bonaparte]. Moskva: Mysl. (in Russ.)

2. Tarle, E.V., 2012. Napoleon [Napoleon]. Sankt-Peterburg: Azbuka. (in Russ.)

3. Bertot, J., 1949. Napoléon I-er aux Tuileries [Napoleon I at the Tuileries]. Paris: Hachette. (in French)

4. Gaubert, H., 1962. Conspireurs au temps de Napoléon I [Conspirators at the time of Napoleon I]. Paris: Flammarion. (in French)

5. Las Cases, E., 1956. Le mémorial de Sainte-Hélène. T. I-II [The St. Helena memorial. Vol. I-II]. Paris: Gallimard. (in French)

6. Moravi, G., 1905. Napoléon bibliophile. Recherches spéciales de psychologie napoléonienne, avec documents inédits [Napoleon as bibliophile. Special research of Napoleon's psychology, with unpublished documents]. Paris: Lecampion. (in French)

7. Napoléon I. Correspondance. Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. T. I-XXXII [Napoleon I. Correspondence. Published by order of the Emperor Napoleon III. Vol. I-XXXII]. Paris: Plon, 1858-1869. (in French)

8. Ravnant, P., 1969. Ce que Napoléon a vraiment dit [What Napoleon really said]. Paris: Stock. (in French)

9. Tulard, J., 1978. La vie quotidienne des français sous Napoléon [The daily life of the French under Napoleon]. Paris: Hachette. (in French)

10. Tulard, J., 2001. Avertissement [Warning]. In: Tulard, J. ed., 2001. Napoléon Bonaparte. Oeuvres littéraires et écrits militaires. T. II. Paris: Claude Tchou, pp. 11-12. (in French)

УДК 167.1  
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/12-20

И.И. Бендерский\*

## К ПРОБЛЕМЕ ПОНИМАНИЯ СКАЗАННОГО ОБ ИСТОРИИ В КНИГЕ «ВОЙНА И МИР» Л.Н. ТОЛСТОГО\*\*

В статье предпринимается попытка рассмотреть историографические способы понимания высказываний Л. Толстого об истории в книге «Война и мир», опираясь на труды Н.И. Кареева, Е.В. Тарле и других русских историков. Автор проводит мысль о том, что в современных обстоятельствах продолжение предметного разговора о том, что было высказано в книге «Война и мир», затруднено. Научно-гуманитарному анализу по-прежнему поддается внешнее воплощение романного слова (исследования языка, стиля, формальной стороны образного строя произведения), а также история написания и рецепции книги, но содержательный, смысловой аспект высказанного в романе систематически ускользает.

*Ключевые слова:* историческое знание, диалог, историческая наука, Л.Н. Толстой, Н.И. Кареев, Е.В. Тарле

**Towards the issue of understanding the statements about history in Leo Tolstoy's «War and peace».** ILYA I. BENDERSKIY (The Leo Tolstoy State Museum)

The article attempts to consider historiographical methods of understanding Tolstoy's statements on history expressed in «War and peace», basing on the works of N.I. Kareev, E.V. Tarle and other Russian historians. The author points out that in the modern context it is difficult to continue the discussion about what was postulated in the book and that the substantive and semantic aspects of it systematically slip away.

*Keywords:* historical knowledge, dialogue, historical science, L.N. Tolstoy, N.I. Kareev, E.V. Tarle

### Реконструкция условий диалога

В современных обстоятельствах продолжение предметного разговора о том, что было высказано в книге «Война и мир», затруднено. Научно-гуманитарному анализу по-прежнему поддается внешнее воплощение романного слова (исследования языка, стиля, формальной стороны образного строя произведения), а также история написания и рецепции книги, но содержательный, смысловой аспект высказанного в романе систематически ускользает.

На пересечении различных перспектив анализа (различных «дискурсов» гуманитарного

знания) проблематика романа не схватывается. Представляется, что это происходит потому, что в самой познавательной практике гуманитарных наук в значительной мере утрачена связь с предшествующим знанию и мотивирующим поиском истины «затекстовым» событийно-онтологическим опытом, который охватывает собой как научное, так и художественное и практическое мышление. Или, если выразиться короче, утрачена взаимосвязь форм осмысления жизненного опыта.

Слово, сказанное в романе XIX в., как будто бы уже ни к чему не обязывает говорящих об

этом самом романе на специфических языках современной гуманитарии. Не стало общей почвы для разговора. Все труднее и труднее теперь нащупывать тот разноликий, но все же общий опыт, который мог быть и был в XIX в. предметом дискуссий между романистом, критиками, профессиональными историками и рядовыми читателями. Сегодня толстовское слово перестает работать как понуждающее к активно-ответному пониманию указание на актуальный смысл (как, например, раскрывал толстовское слово Н.Н. Страхов, первый критик, который смог прочесть роман «по сути дела» (см.: [5])), но служит лишь «материалом» для построения той или иной конструкции, для реализации того или иного «проекта» («научного», идеологического, педагогического и пр.).

Однако в отрыве от предметного мира, в изображении (или «изобретении», «конструировании», как зачастую можно услышать) которого состязаются разные формы мышления (в том числе и наука), «система образного мышления», изучаемая исследователями романа, превращается в искусственно изолированный от действительности «объект», доступный для изолированных построений, однако утративший связь с жизненным и историческим горизонтом, объединяющим автора и читателя. На отгороженных территориях «научного анализа» (филологического, историко-биографического, нарративного, психоаналитического и т.д.) художественное произведение замыкается, утрачивает силу высказывания, обращенного на тот или иной предмет, общий для автора и читателя, то есть перестает быть актом мышления (хотя бы даже и «образного»).

В свете этого методологического затруднения имеет смысл задаться вопросом о реконструкции условий диалога между современным научно-гуманитарным мышлением и романом Толстого перед тем, как приступить к очередной попытке «реконструировать мировоззрение» автора «Войны и мира». Ведь зависит в пустоте выхолащенных понятий реконструкция чужого сознания «сама по себе» (то есть вне диалога, вне соучастия в разговоре по предмету сказанного другим). В общем виде эта проблема возможности интерпретации художественного опыта в актуальных категориях знания легко может «утонуть» в сложнейших вопросах теории литературы и теории познания. Поэтому продуктивной представляется конкретизация (заземление общетеоретического вопроса) на материале более осязаемой (и узнаваемой)

взаимосвязи исторического романа («Войны и мира») с исторической наукой.

### Шаг назад

Традиционное рассмотрение «темы истории» в романе «Война и мир» запирается внутри художественного текста (и, соответственно, «художественного мира») откуда, как отмечено выше, сегодня уже почти нет выхода к предметной действительности высказанного. Даже чуткое к содержательной стороне художественного слова филологическое мышление, оставаясь собой, может тем или иным образом (посредством герменевтического «замедления над текстом», или же, напротив, – (де)конструктивистского охвата «институтов производства/потребления» текстов) указать на связь художественного опыта с опытом событийно-историческим. Однако, как правило, продуктивный разговор об этой взаимосвязи остается табуирован. Попытка войти непосредственно (как это делает историк) в событийный опыт внеположенный миру текста для того, кто имеет дело с романом, методологически осложнена.

Чтобы соотносить сказанное об истории Толстым в «Войне и мире» с тем, как это мыслится в исторической науке, необходимо выйти за пределы как собственно исторической науки, так и филологии. Это значит – сделать шаг назад от художественного мира, созданного Толстым. Но, конечно же, не в связи «с утратой доверия» к этому миру, а, скорее, не доверяя себе как читателю. Этот «шаг назад» необходим, чтобы впоследствии вернуться к произведению и к конкретному запечатленному в нем опыту. Но прежде стоит хотя бы в предельно общем виде нащупать содержательную взаимосвязь традиций романа и историографии (ведь именно историческая наука из всех речевых жанров мышления стоит ближе всего к исторически конкретному видению социальной действительности). В качестве отправной точки следует взять не текст книги, и уж, конечно, не «мировоззрение автора» (много раз исследованное на материале хорошо известного в науке корпуса источников), но само отношение толстовского слова к дискурсу историко-научного знания и внеположенному для текста романа, но изображенному в нем историческому опыту. Очевидно, что отношение это не выдуманно, полемика Толстого с историками известна. Тема истории в романе «Война и мир» – классическая тема. Однако сами условия диалогической взаимосвязи романа и исторического знания выстраиваются

\* БЕНДЕРСКИЙ Илья Игоревич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Государственного музея Л.Н. Толстого.

E-mail: bender.beni@yandex.ru

© Бендерский И.И., 2018

\*\* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 16-03-00826

валась еще до и помимо Толстого. Почва для разговора возделывалась веками.

### История и роман: напряжение границ

Еще античная историография формировалась как жанр по образцу повествований Геродота и Фукидида. Этому первому рождению в V в. до н.э. историографии предшествовало открытие в гомеровском эпосе, а затем в классической эллинской трагедии той действительности смертных судеб, что соткана из людских страстей и поступков. «Дела человеческие» стали предметом сначала поэтического, и только затем уже исторического повествования.

В дальнейшем «предметное содержание» истории осмыслялось античными авторами в тесной связи с ее уже существующей повествовательной формой, открытой Геродотом и Фукидидом. Именно к такому утверждению пришли авторы немецкого «Словаря основных исторических понятий», анализируя генезис понятия «история». Сама категория «исторического», насколько известно, впервые зафиксированная Аристотелем в IV в. до н.э., появилась лишь задним числом для обозначения содержания жанра литературного произведения.

В Средние века и на заре Нового времени различные формы творчества существовали в некотором едином, многосоставном, но взаимопроницаемом теле мышления, в котором истина религиозная не была отделена столь решительно от истины науки, красота и добродетель не были отделены от знания. Соответственно, мышление в категориях художественного опыта было по праву (то есть для нас уже как бы «наивно») собственно мышлением, а не только и не столько «формой творчества». Многие века своего развития античная, средневековая, а потом и новоевропейская историография сохраняла живую связь с другими литературными формами. При этом долгое время «история» считалась более высоким жанром, нежели «роман».

Только в эпоху Просвещения, по выражению авторов немецкого словаря основных исторических понятий, «как вода в двух сообщающихся сосудах, история и роман установились на одном уровне». Роман становился способом выражения ключевых идей той эпохи, которая уже и осознается как «переломное, седловое время» («Sattelzeit» – термин Р. Козеллека) европейской истории. В эту эпоху Вольтер, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, а затем И.В. Гете и Ф. Шиллер вовлекли романное слово в дело переосмысления и пре-

образования исторического мира. На рубеже XVIII и XIX вв. в европейском сознании выработываются ключевые понятия и установки, вне которых немислимы гуманитарные науки XIX и XX вв. Оформляется комплекс идей, составляющих понятие «историзм». О подлинном открытии историзма в поэтическом творчестве писал П.М. Бицилли: «Гердер и Гете были первыми ощутившими очарование эстетического погружения в непонятное, чуждое нам, далекое от нас прошлое» [1, с. 188].

Соответствующий сплав эстетических и познавательных установок в русской культуре выражен Н.М. Карамзиным. Успех его «Истории...» был обусловлен как раз тем, что его авторские задачи как историка были искусно встроены в задачи эстетического и эмоционального воспитания публики в духе литературных традиций XVIII в. Для русского просвещенного человека обостренное чувство прекрасного стало своего рода доминантой миропонимания, арбитром в мире человеческой культуры.

Уже четко дифференцированные между собой отдельные сферы культурного опыта на рубеже XVIII – начала XIX вв. все еще могли восприниматься как единый «текст». В метафизических системах «великих немцев» (И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Фихте, Ф. Шеллинга) наука, искусство, религия, мораль и право обрели последние контуры гармоничного сосуществования под общим сводом метафизического мышления.

В первой половине XIX в. формирование истории как науки и историзма как системы принципов мышления происходило в тесной связи как с общим движением европейского романа от романтизма к реализму, так и с формированием исторического романа как самостоятельного жанра (творчество Вальтера Скотта). Исторический роман и историческая наука взаимно обогащали друг друга. В этом напряжении на границах формировались интеллектуальные и эстетические запросы в рамках того и другого жанра.

Однако с середины XIX в. приоритет автономной по отношению к другим областям опыта науки уже довлел над иными формами переживания и осмысления действительности. Жизнь вообще претерпевает существенную историзацию. Действительность все чаще рассматривается как по преимуществу общественная и исторически-динамичная. Абсолютные же измерения вечности, бытия и небытия, идеалов красоты и добра теперь (примерно с конца

1830-х – начала 1840-х гг. на Западе и с 1850-х гг. в России) отходят в тень, как бы в слепую зону дисциплинарного мышления. Размывание авторитета религиозных и метафизических истин создало условия для невиданного доселе самоутверждения исторической критики.

Свойственные науке установки на «объективность описания», «исследование», то есть схватывание фактического положения дел, как бы без предвосхищающих интерпретаций, отразились в речевом мышлении художественной литературы. Реакцией литературы на будто бы вдруг открывшуюся познаваемость мира (уже вне абсолютных предпосылок) стала ориентация на «документальность», очерковость изложения. Романное слово находилось в поиске соответствующей формы – романа-проблемы, романа-исследования, хроники (излюбленный прием Ф.М. Достоевского).

Параллельно тому подъем позитивистской историографии во второй половине XIX в. сопровождался страстным поиском оснований синтеза за границами исторической науки: в психологии, политэкономии, философии познания и философии культуры. На этом фоне критика истории, пересмотр границ историко-научного знания, предпринятые Толстым в романе «Война и мир», не могут рассматриваться исключительно в категориях «художественного» или «философского» мышления яснополянца. Основания толстовской критики истории лежат вне Толстого. Они – в самом кризисном опыте тупиков и разрывов между открывающимися фактами и средствами их объяснения (в том числе образными, повествовательными средствами, теоретическое осмысление которых как инструментов познания откроется только в XX в.).

### «Война и мир» как опыт полемики дискурсов о прошлом

Л.Н. Толстой писал «Войну и мир» в духовно «спрессованное» десятилетие 1860-х гг., в атмосфере жесточайшей борьбы идей, лагерей, школ, направлений внутри литературы (которая, понятно, хотела быть и была «больше-чем-литература», т.е., по сути, превратилась в некую репрезентацию почти отсутствовавшей в стране «публичной сферы»). И с первых же страниц своего нового романа, который и на роман не был похож, Толстой бросил вызов распространенным схемам, готовым формам, как художественного, так и научно-дисциплинарного понимания истории. Ситуация формировала определенный запрос на пересмотр границ

исторического знания и художественной литературы. Традиционные границы были взломаны Толстым, чтобы в новом повествовательном пространстве только-только нащупываемого жанра «романа-эпопеи» синтезировать голоса совершенно различных по форме и по историческому происхождению речевых потоков, связанных с различными социально-историческими и духовными мирами (как современными, так и выпадающими в прошлое). Автор «Войны и мира» в своей наивно-титанической воле к сопряжению всего и вся сумел выразить зримое единство того, что еще было живо в опыте, еще не заострено в монолите окончательных и непримиримых друг к другу идейных и жизненных позиций, однако уже не вмещалось в границы отдельных форм осмысления бытия (философского или научного трактата, исторического исследования, романа, лирической или гражданской поэзии).

В 1860-е гг. синхронно с написанием «Войны и мира» Толстым Карл Маркс писал «Капитал». Несмотря на все различия в назначении, жанрах и судьбах этих книг в обоих случаях по отношению к истории решались сходные задачи, но разными способами. Несостоятельность абстрактно-философского конструирования и бесплодность исторических описаний как таковых русский писатель пытался преодолеть через обращение к художественному мышлению, немецкий философ – через опыт экономической науки. При этом сам предмет – проблематика исторического процесса – заставил одного автора преобразовать сферу художественного мышления, а другого – сферу политэкономического.

С середины XIX в. в литературе, как и в историографии, изображаемые события интересны уже не столько своим смыслом («возвышающем душу», как у Карамзина), сколько способностью к наглядно-смысловому оплотнению окружающего внешнего мира (даже внутренние переживания теперь изображаются как бы извне, в оптике «объективности», отстраненно). В строгом требовании точности и полноты передачи переживаемого опыта Толстой чувствовал некий водораздел, отделяющий современную ему литературу от наследия предшественников.

Новое, «радикально» реалистическое видение задач художественного творчества легло в основание изображения истории в «Войне и мире». Однако подход Толстого к художественному изображению истории направлен на преобразование не только эстетического, но и

историко-научного опыта. Тот факт, что впоследствии литературоведам пришлось изобретать для книги «Война и мир» гибридное жанровое определение («роман-эпопея») говорит о том, что в момент своего выражения слово Толстого освободилось от условностей наличных форм повествования. Эта энергия жанровой эмансипации не могла не отразиться на трансформации самой сущности отношений между художественным и внехудожественным дискурсами.

Можно опять провести характерную параллель с Карамзиным, по отношению к которому Толстой одновременно выступил и отступником, и продолжателем традиции. В духе времени Толстой порывает с карамзинской эстетикой чувства, изящным словом как таковым, с метафорикой, которая пронизывала сознание людей рубежа XVIII-XIX вв. Толстой модернизирует эстетическое переживание (в смысле поэтики реализма), но тем самым и возобновляет смысловую доминанту чувства. Наглядно-чувственная реальность, как это правильно отмечается современными исследователями, обожествляется Толстым [2, с. 128]. В «Войне и мире» Толстой, как это некогда делал Карамзин, как бы заново открыл историю, но уже в той фактичности и полноте человеческого опыта, которые не схватывались ни пером Карамзина, ни даже «голой», по словам Толстого, прозой Пушкина. Снова, хотя уже совсем по-другому, «кисть живописца» спасает то, что оледенелая мысль ученого способна была только разрушить.

Однако само возвращение эстетической доминанты в историю в «Войне и мире» происходит существенно иначе, чем в «карамзинский период». Тогда, обращаясь к истории, можно было играть по правилам дифференцированных, но все еще взаимопричастных жанров. Карамзин однозначно отделял свое художественное творчество от работы в качестве профессионального историка. У Пушкина «История Пугачева» и «Капитанская дочка» написаны в рамках разных соответствующих форм исторического исследования и художественной повести. Граница незыблема именно потому, что авторитет искусства и взаимосвязь форм духовного опыта еще позволяли поддерживать диалог на поверхности этой самой границы, не снимая и не преодолевая ее. Теперь же, в 1860-е гг., автономность дисциплин, сам «порядок дискурса» стали таковы, что никакое художественное слово для научного знания уже не авторитетно. Новация в эстетике как будто

ни к чему уже не обязывает (точнее, с середины XIX в. действительность эстетических императивов не исчезает, но как бы отходит в «бессознательное» научно-гуманитарного мышления). Чтобы быть услышанным, привычные границы жанров потребовалось демонстративно нарушить. Повествование «Войны и мира», как на рельсах, движимо одновременно по двум направляющим – творящего «свой» мир вымысла и нерукотворной фактичности мира исторических событий прошлого. Несмотря на свою романную природу толстовское повествование перешагивает границу художественного и открыто вторгается в область исторических исследований, а также работ по философии и методологии истории.

#### **Рецензия романа в историографии, или «Война и мир» как система зеркал**

Вероятно, все еще не написана полноценная история рецепции романа «Война и мир» в традиции отечественной историографии. Перспектива подобного исследования, по-своему, весьма плодотворна. Эта прекрасная тема для диссертации как для историка, так и для филолога даже сугубо в позитивистском ключе (справочное составление репрезентативного «каталога» упоминаний, развернутых откликов на роман, явных или скрытых отсылок к «Войне и миру» в историко-научной литературе). И все же заманчивая перспектива такого исследования не должна подменять собой проблемы предметной взаимосвязи и конкретно-тематического взаимоотношения «Войны и мира» и историографической традиции (как предшествовавшей Толстому, так и современной ему, и, наконец, дальнейшей вплоть до нашего времени).

Историография Отечественной войны 1812 г. дает богатейший материал, раскрывающий основные направления освоения художественного опыта романа специально-научным курсом: от первых заостренно полемических откликов со стороны историков, подобравших перчатку, прямо брошенную им в лицо на страницах «Войны и мира», до принятия романа как неотъемлемой составляющей культурной памяти о 1812 г. (к 100-летию юбилею войны, к 1912 г., в специальных работах о 1812 г. отсылка к роману (чаще позитивная) стала едва ли не дежурной). От раздраженно полемизировавшего с Толстым М.И. Богдановича, через всерьез взявшегося за разбор «Войны и мира» А.Н. Витмера к концептуализировавшему мотивы и образы романа в плоскости военной

теории М.И. Драгомирова и «советовавшегося с романом» А.Н. Попова до Н.П. Михневича, А.К. Джигелегова и др. можно проследить шаг за шагом как эмоционально-идеологическая тональность, образность (порой вплоть до внешнего стилистического воплощения) и сама предметная фокусировка романа последовательно входили в дискурс историко-научного осмысления событий 1812 г.

Даже строго теоретические интересы исторической науки шли навстречу проблематике «Войны и мира». С 1880-х гг. роман, уже вошедший в «плоть и кровь» русской культуры и национального самосознания, начинает осознаваться как вызов не только для специальной историографии 1812 г., но и для теоретико-методологического мышления в целом. Неслучайно один из застрельщиков комплементарно оцененной К. Марксом и Ф. Энгельсом «русской школы» историков и социологов, Н.И. Кареев, написал специальную работу о философии истории «Войны и мира» [3].

Это была уже не критика «историсофских» построений романиста, не просто отклик на «идейное содержание» романа с позиций своей «школы», но фактически первая попытка адекватно воссоздать вызов, брошенный Толстым историко-научному знанию, и ответить на него. Кареев видел внутреннюю взаимосвязь на его вкус технически негармонично «сшитого» между собой единства поэтических, исторических и философских элементов «Войны и мира». Жанровое многоголосие, само строение романа смущало Кареева эстетически<sup>1</sup>, но это не мешало ему распознать предметную основу этого синтеза («изображение человеческой личности и исторического движения в их взаимных отношениях») [3, с. 6] и соответствующий масштаб философского замысла «Войны и мира». У молодого ученого (брошюра была издана на основании материалов лекции, прочитанной в апреле 1886 г., когда Карееву было 35 лет) не было сомнения ни в актуальности затронутых в романе «принципиальных вопросов философии истории», ни в продуктивности утверждаемых Толстым реалистических способов изображения истории.

<sup>1</sup> «В «Войне и мире» как бы перепутаны страницы из трех отдельных книг: из романа в собственном смысле, т.е. семейной хроники Ростовых и Болконских, из исторического сочинения о войнах России с Наполеоном I и из философского трактата о сущности исторического движения вообще, – до такой степени каждый элемент выступает самостоятельно...» [3, с. 2].

В работе даже была предпринята попытка проследить взаимосвязь художественного реализма, с реализмом исторических описаний и философии, развиваемой Толстым: «художник превращается в ученого, романист делается историком» [3, с. 17] и во всех областях порывает с привычными «идеализациями», во власти которых были не только литература, но и историография. Какая «бездна» может быть открыта за связью «идеализаций» художественного и научного мышления начинающему свой путь теоретику социологического метода в историографии, конечно же, тогда было почти невозможно увидеть (тем более, что дисциплинарно эта проблема в XIX в. еще не схватывалась). Однако от Кареева не ускользнула проблема необходимости систематического перевода художественного, исторического и философского языка книги «Война и мир» на язык научно-гуманитарной мысли. Перед тем, как вступить с Толстым в полемику «по принципиальным вопросам», Кареев добросовестно и небезуспешно реконструирует философию истории Толстого, которая вовсе ведь не была изложена в романе в систематической и доступной для научной критики форме. Разбросанные без «определенного плана рассуждения», выраженные без заботы «о точности употребляемых понятий» мысли как бы заново собираются Кареевым в связанное и доступное для дисциплинарно-научного сознания единство (вполне коррелирующее при этом с исходным композиционным и содержательным целым книги).

Ни жанровые барьеры, ни даже очевидный дилетантизм Толстого в области историографии и теории исторического знания не мешали Карееву выявить именно «принципиальные» и «философские» (а следовательно – не зависящие от разницы в степени специального образования) разногласия с автором «Войны и мира». Под именем «социального индифферентизма» Кареевым были схвачены многие особенности мировоззрения Толстого, вытекающие из его этики личной религиозной ответственности и наложившие отпечаток не только на его историческую концепцию, но на все его художественное и философское мышление в целом. Однако даже не столько в аргументах, сколько в тональности и в пафосе, с которыми Кареев взялся разоблачить этот «социальный индифферентизм», в свою очередь отразился весь тот весьма характерный для гуманитарной профессуры рубежа XIX – начала XX вв. духовно-интеллектуальный «бэкграунд» (с верой в «общее

благо», прогресс, научное знание (понимаемое слишком теоретически), образование, культуру, социальные преобразования), основания которого именно и были столь жестко поставлены под вопрос в книге «Война и мир», а затем уже – самим историческим опытом XX в. (начиная с 1914 г.). Верно опознав и обозначив «линию противостояния» с автором «Войны и мира», Кареев по сути дела не мог вступить с ним в полноценный диалог, не поставив под сомнение ключевые установки собственного дисциплинарно-научного мышления. Дальнейшая судьба отечественной историографии уже в XX в. складывалась таким образом, что чем больше накапливалось оснований для подобных сомнений, тем меньше оставалось исторических возможностей для действительной рефлексии транслируемых из XIX в. теоретических предпосылок. На этом фоне опыт Кареева долгое время оставался оборванной попыткой отечественной исторической науки начать методологически ответственный диалог с автором «Войны и мира».

Понятно, что революция и последующий погром исторической памяти не могли не прервать всякие, в том числе упомянутые традиции. В особенности это коснулось историографии Отечественной войны 1812 г. и национальной памяти об этом событии в целом. Однако первые же попытки уже в лоне «советской науки» возобновления со второй половины 1930-х гг. национальной историографии темы войны 1812 г. совсем неслучайно связаны с сознательной актуализацией образов «Войны и мира» (Е.В. Тарле). Последующее раскрытие перспектив «патриотическо-великодержавной» (в марксистско-ленинской драпировке) советской историографии о 1812 г. (П.А. Жилин, Л.Г. Бескровный) раскроет также и пределы идеологической эксплуатации образов романа. Собственно, именно в этих условиях сталинско-брежневского историографического классицизма «художественный мир» «Войны и мира» и был преобразован в ту мифологическую систему, к ниспровержению которой в 1990-х – 2000-х гг. приступят новые поколения историков, наивно смешивая (и продолжая смешивать) этот идеологически прозрачный (и понятный в контексте задач эпохи Холодной войны) конструкт с содержанием книги Л.Н. Толстого «Война и мир».

Другими словами, добротное исследование рецепции «Войны и мира» в отечественной историографии показало бы, что «роман-эпопея» «отражает» не только идеологический

контекст 1860-х гг., преломленный в мировоззрении автора (тема работ Б.М. Эйхенбаума), но и то, как в динамике прочтений выраженное однажды романное слово «отражает» всю историографическую традицию с 1860-х по 2010-е гг.

Тематический охват, выверенный образный строй, предельность выраженных «идей» (и вполне конкретных соображений), наконец, сама конфигурация предмета изображения превращают «Войну и мир» в уникальную систему зеркал исторического опыта. Рядом с этим гигантским (проводя параллели с философией эту подавляющую систематичность можно сравнить с «Энциклопедией философских наук» Г.В.Ф. Гегеля), хотя в чем-то противоречивым и даже наивным единством, каждая конкретная последующая мысль, работа историка, исследование «отражается», как некая «вариация на тему», искажение или возражение (обоснованное или нет). На подведенной к этой романной системе зеркал едва ли не любой работе по теме войны 1812 г. мгновенно проявляются и подлинно научное лицо конкретных фактических и концептуальных утверждений, и гримаса идеологических импульсов (от монархически-охранительных до революционно-интернационалистских к имперско-социалистическим и, наконец, к нынешним – и либералистским, и религиозно-традиционалистским) и вся эмоционально-эстетическая подоплека того или иного исторического труда. О чем бы не писал историк – о причинах ли войны, планах сторон, характере тех или иных операций, их влиянии на общий ход событий, о дипломатическом, идеологическом, социальном контексте – всюду предмет исторического исследования оказывается уже схваченным в хронотопе «Войны и мира» (вплоть до таких частных вопросов, как характер ранений в Бородинском сражении).

Структура предметного мира книги Толстого позволяет также сопоставить романное слово с историко-научным знанием уже и на более «высоких» этажах проблем теории и методологии исторической науки и гуманитарного знания в целом (взять хотя бы отсылку к «Войне и миру» в «Истине и методе» Г.-Г. Гадамера, где толстовский образ Кутузова стал частью аргументации против логики «вопросов и ответов» Р. Коллингвуда). Многие магистральные явления историко-научной жизни второй половины XX – начала XXI вв. могут быть поняты в свете поэтики «Войны и мира» (история повседневности, микроистория, устная история, критика нарратива и мн. др.).

Однако даже сколь угодно фронтальная история рецепции «Войны и мира» не может в рамках традиционных инструментариев исследования подступиться к проблеме того, как роман «отражает» свое собственное историческое содержание – эпоху 1812 г. Эта крамольная для дисциплинарного разума тема эпистемологически остается табуированной для всех, кроме школьников.

### Структура и опыт

История рецепции может быть лишь внешним контуром работы по высвобождению смысла сказанного в романе в перспективе «большого времени». Конечно же, не стоит обманываться, что тот или иной «теоретический аргумент» позволит взломать оковы завершеного целого (завершенности произведения, авторского мировоззрения, эпохи написания романа, жанра в котором он написан) и «единым махом» высвободить актуальный смысл сказанного Толстым об истории. Указанные выше методологические затруднения стоит понимать как «объективные», то есть укорененные в опыте социального бытия современного научно-гуманитарного мышления. Поспешные телодвижения в такой ситуации были бы комичны. Поэтому то, о чем можно сказать в заключение данных предельно общих еще и лишь пока только предлагаемых, а не постулируемых тезисов, также по необходимости носит характер незавершенного наброска.

Сегодня попытка «пробиться» к историческому опыту «Войны и мира» «прямо через текст» (и, конечно же, еще в меньшей степени посредством того или иного «методически изощренного» «силового прочтения») уже не представляется лучшим и наиболее продуктивным способом возвращения к предметному смыслу сказанного Толстым об истории в романе «Война и мир». Более предпочтительным, хотя и трудоемким и, возможно, далеко не сразу обещающим «золотые горы» познавательного результата, представляется все же постепенное ощупывание внутренней смысловой структуры образов, идей и поэтической композиции романа в их конкретно-предметной обращенности к соответствующим структурам актуального историко-научного и теоретико-методологического мышления.

Здесь важно оговориться, что само понятие «структуры», в значительной мере ключевое для нашей проблематики, не должно, однако, считываться в русле известной (пост)структуралистской традиции (т.е. как некоторый всепроникающий анонимный «базис» по отношению к

«надстройкам» тех или иных конкретных символизаций). Здесь тоже скорее уместен некоторый «шаг назад» в глубину истории этого понятия, отсылающий к «герменевтической структуре» как жизненной взаимосвязи, делающей возможным понимание и поступок в подвижном мире исторического опыта. Такое понятие структуры напрямую связано с традицией немецкой (В. Дильтей) и русской (Г.Г. Шпет) герменевтики и подводит как раз к теоретическим истокам наиболее продуктивных в XX в. попыток осмысления существенных взаимосвязей областей гуманитарного знания, искусства и практически-ориентированного жизненного мира.

По отношению к роману «Война и мир» стоит задача проверить на прочность предположение о том, что смысловая структура романа прорастает в разных временных пластах «на обе стороны» слова – и во внеположенном тексте событийном опыте (изображаемом, то есть в эпохе 1812 г., и проживаемом в процессе создания романа, то есть в 1860-х гг., и, наконец, в проживаемом в процессе чтения), и в соответствующих дискурсивных формах освоения этого опыта, открытого и в прошлое, и в будущее (внутренняя взаимосвязь романа с «историческими источниками», традициями художественной и историко-научной литературы, критики, философии XVIII, XIX, XX и начала XXI вв.). Как именно и в какой мере доступен нашему пониманию оседающий в этих измерениях смысл толстовского романа?

Сами эти измерения доступности смысла исторически и жанрово неравномерно открыты. Их актуальную конфигурацию еще только предстоит прощупать в свете нашего исторического опыта. Здесь вполне применима формула разрыва между эстетическим восприятием и осмыслением, высказанная М.М. Бахтиным по поводу рецепции трагедий Шекспира: «Нас захватывают и поражают именно основные тона Шекспира, но осознаем и обсуждаем мы пока только обертоны» (Цит. по: [4, с. 168]).

Смысловая структура сказанного об истории в романе должна быть найдена и описана не «в себе» (таких описаний накопилось достаточно), а на границах с другими высказываниями других эпох и жанров речи в действенном напряжении с нашим собственным пониманием как именно другим по отношению ко все еще обращенному к нам голосу автора «Войны и мира».

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бицилли П.М. Очерки теории исторической науки. М.: Аxioma, 2012.

2. Гулин А.В. Лев Толстой и пути русской истории. М.: ИМЛИ РАН, 2004.

3. Кареев Н.И. Историческая философия гр. Л.Н. Толстого в «Войне и мире». СПб: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1888.

4. Махлин В.Л. Большое время: подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlice: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlicach, 2015.

5. Ольхов П.А. История как искусство: «Война и мир» Л.Н. Толстого в истолковании Н.Н. Страхова // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2010. № 4. С. 181-192.

#### REFERENCES

1. Bitsilli, P.M., 2012. Ocherki teorii istoricheskoy nauki [Essays on the theory of historical science]. Moskva: Aksioma. (in Russ.)

2. Gulin, A.V., 2004. Lev Tolstoy i puti russkoy istorii [Leo Tolstoy and the paths of Russian history]. Moskva: IMLI RAN. (in Russ.)

3. Kareev, N.I., 1888. Istoricheskaya filosofiya gr. L.N. Tolstogo v «Voynе i mire» [Historical philosophy of Count L.N. Tolstoy in «War and peace»]. Sankt-Peterburg: Izdaniye L.F. Panteleeva. (in Russ.)

4. Makhlin, V.L., 2015. Bol'shoeye vremya: podstupy k myshleniyu M.M. Bakhtina [The big time: approaches to M.L. Bakhtin's thought]. Siedlice: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlicach. (in Russ.)

5. Olkhov, P.A., 2010. Istoriya kak iskusstvo: «Voyna i mir» L.N. Tolstogo v istolkovanii N.N. Strakhova [History as art: Leo Tolstoy's «War and Peace» in the interpretation of Nikolai Strakhov], Dom Burganova. Prostranstvo kultury, no. 4, pp. 181-192. (in Russ.)



УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/21-32

П.А. Ольхов\*

## ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КАК ДИАЛОГИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: КАТЕГОРИАЛЬНО-РЕЧЕВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ ДОМИНАНТЫ А.Я. ГУРЕВИЧА\*\*

В статье проблематизируются диалогические условия возможности исторической реконструкции в эпистемологической ситуации «после “послесовременности”» – в их конкретной представленности в трудах А.Я. Гуревича, практикующего историка и одного из наиболее значительных отечественных эпистемологов-новаторов второй половины XX – начала XXI вв. Автор уточняет позицию историка по отношению к диалогической философии М.М. Бахтина и В.С. Библера (с применением возможностей микроанализа ключевых понятий диалогической философии), обосновывает категориально-речевые и нравственные доминанты исторического мышления А.Я. Гуревича и отмечает онтологическую перспективу диалогического проекта исторической реконструкции.

*Ключевые слова:* эпистемология, историческая реконструкция, диалогическая философия, историческое мышление, А.Я. Гуревич

**Historical reconstruction as a dialogical project: categorical-verbal and moral dominants in historical thought of A.Ya. Gurevich.** PAVEL A. OLKHOV (Belgorod National Research University)

The article discusses some dialogical conditions for the possibility of historical reconstruction in the epistemological situation «after “post-modernity”» in their practical representations in the works of A.Ya. Gurevich, a historian and one of the most significant Russian epistemologists of the late XX<sup>th</sup> and early XXI<sup>st</sup> centuries. The position of the historian is specified in relation to the dialogical philosophy of M.M. Bakhtin and V.S. Bibler through the microanalysis of a few of dialogic philosophy's concepts selected and interpreted by both of them. The author focuses on categorical-verbal and moral dominants as some personal presuppositions or dialogical grounds in historical thought of A.Ya. Gurevich and refers to the ontological perspective of the dialogical project of historical reconstruction, corresponding with cognitive or epistemological dialogical senses searched and implemented by A.Ya. Gurevich.

*Keywords:* epistemology, historical reconstruction, dialogic philosophy, historical thinking, A.Ya. Gurevich

\* ОЛЬХОВ Павел Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: olkhov@bsu.edu.ru

© Ольхов П.А., 2018

\*\* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 16-03-00704.

Проблема реконструкции в историческом исследовании относится к числу тех, которые принято называть «вечными». Поиск решений этой проблемы происходил и происходит в ситуации эпистемологической «взрослости» исторического мышления, когда историку приходится обдумать основания той уверенности, с которой он приступает к истолкованию исторических источников и воссозданию исторической реальности в ее предполагаемой событийной целостности. Стоит ли искать «фактичность» истории, проясняя смысловую структуру источников как некоторый порядок пространственно-временных связей и причинно-следственных отношений<sup>1</sup>? Есть ли выход из «странной тюрьмы исторической необходимости» (ср.: [4]) и нужно ли его искать? Не лучше ли, напротив, освоиться в том историческом жизненном мире, в который заключен историк? Или же увидеть безгранично сложный «водный мир» истории с изменчивыми «ритмами, пульсациями, течениями и контртечениями» [13, с. 512], или, еще, историческую «картину» мира, ограниченную автоматизмами жизненных умонастроений (ментальностей)? Как справиться с угрозами интеграции разрозненных данных исторических источников во «всеобщее» историческое повествование и соблюсти достоверность хотя бы рассказов-исследований, связанных с выявлением локальных смыслов давних происшествий?

Особенность эпистемологической ситуации нашего времени состоит в том, что проблема исторической реконструкции ставится и решается теперь как бы после «после истории» или после «послесовременности» (см., напр.: [15; 27; 33] и др.) и имеет вид неподраченного выбора: одновременны и равносильны различные ответы, и ни один из них не может быть продуман как очевидно предпочтительный, с некоторой продуктивной завершенностью. Это, судя по всему, «акторно-сетевая» ситуация, в которой компрометируется эпистемологическое разнообразие научно-исторических исследовательских практик, но и его возможное отсутствие представляется иллюзорным. Исто-

<sup>1</sup> Спустя более чем полвека не теряет своей эпистемологической новизны и остроумия размышление Э. Карра, историка-долгожителя, в отношении фактичности исторического исследования (см.: [31], первое издание состоялось в 1961 г.). Работы, ставшие своего рода эпистемологической классикой в отечественной исторической науке, своего рода отклик на постановки Карра: [6; 14].

рическому мышлению приходится накапливать опыт возвратного понимания уже накопленного, проектировать воссоздание исторической реальности, не варьируя уже известное, а, скорее, углубляясь в ее жизненность. Практикующий историк может, конечно, представить себя вольным ловцом-реконструктором исторических фактов<sup>2</sup>, путешественником, по собственному желанию пребывающим в зарослях культурно-исторических предрассудков (ср., напр.: [17; 18] и др.), цеховым мастером, изготавливающим на своем «верстаке» свой шедевр, или же испытателем новых интерпретативных устройств на «экспериментальном полигоне» [25, с. 15], – однако, во всех случаях является важным уточнение *меры и форм ответственности* по отношению к той реальности, которая предшествует историку, и в которой он решается *принять участие*.

Открытие или переоткрытие жизненных смыслов исторического источника через всё новые вопросы, адресуемые ему, и принятие на себя своего рода герменевтической миссии Иона<sup>3</sup>, апеллирующего к авторитету *вновь рас-*

<sup>2</sup> Ср. у Э. Карра: «Изучайте историка, прежде чем вы начнете изучать факты, – в конце концов, это не требует большого ума. Это то, что однажды уже было сделано одним толковым студентом, который, получив рекомендацию прочитать труд именитого Джонса из школы Св. Иуды в Махараштре, отправился к своему тамошнему другу спросить, что за парень этот Джонс, и какие там у него “пчелы в капоте”. Когда вы читаете исторический труд, всегда прислушивайтесь к “жужжанию”. Если вы ничего не слышите, то либо вы глухи, либо ваш историк зануда (a dull dog). Исторические факты на самом деле совсем не похожи на ту рыбу, которую поджаривает на своей плите рыбороторговец. Они подобны рыбе, которая плывет в безбрежном, а иногда и неприступном океане, и то, что поймает историк, будет, конечно, зависеть от случая, но главным образом – от того, какую часть океана он избрет для рыбной ловли, и от того, какие снасти он предпочтет. Эти два определяющих условия, в свою очередь, определяются тем, какой сорт рыбы ему захочется поймать. В общем и целом, историк получит в свое распоряжение те факты, которые пожелает. История подразумевает интерпретацию» [31, р. 18].

<sup>3</sup> Платоновский Ион – проницательный знаток Гомера и, вместе с тем, лучший исполнитель гомеровского эпоса. Понимающая «мы»-позиция Иона, уточненная со стороны беседовавших с ним Сократа и Платона, перевоссоздающего эту беседу, является типичной, прообразующей в истории философской герменевтики и исторического понимания (см.: [24, с. 372-385]).

*спрошенного и воссоздаваемого* в некоторой новой речевой позиции автора документа истории – это актуальный *диалогический минимум исторической реконструкции*. В этом исследовательском герменевтико-диалогическом минимуме доминантные состояния исторического мышления уточняются и развиваются в связи с конкретными возможностями этого мышления – быть таким, а не иным, – *из избытка его собственной историчности*. Ключевым при этом становится вопрос: как возможно историку соблюсти *позицию встречного понимания* исторического источника, не впадая в анахронизмы и уточняя собственные культурно-исторические предпосылки?

\* \* \*

Диалогическая конкретность исторической реконструкции подробно дает себя знать в опыте А.Я. Гуревича (1924-2006), едва ли не «самого цитируемого отечественного историка в мире» [19]. Однако работ, в которых исследуются эпистемологические контуры этой конкретности, не так уж и много (см., напр.: [3; 20; 37] или [5; 21; 23; 26; 28; 29; 36; 38]. «Путь новатора» (С.С. Неретина) не был прямолинейным и не представлен в некоем теоретическом самоотчете; напротив, требуется интеграция разновременных диалогических настроений историка, которые возникали и переслаивались, меняли свою смысловую определенность в течение более чем полувековой истории его исследовательских поисков и полемик в весьма оживленной и изменчивой познавательной среде.

Расцвет диалогических настроений А.Я. Гуревича начинается в 1960-х гг.: в его весеннем интеллектуальном опыте стали сопрягаться различные «сферы разговора» (Т.Г. Щедрина) – от тех, в которые он был включен со времени своего ученичества и которые так или иначе связаны с исследованиями в области аграрной истории, пронизаны как марксистскими идейными началами, так и иронизировавшими их установками позитивистского или неокантианского характера, до тех, которые возникали в связи с исследованиями в области социальной истории и истории культуры и были проникнуты не столько идейной озабоченностью, сколько тонами доверия к человеку в истории, заинтересованностью в его глубинных жизненных установках и неповторимых перипетиях. Это было время встречи с диалогическими философско-филологическими разработками М.М. Бахтина, диалогической

философией В.С. Библера<sup>4</sup>, дискуссий в плюралистически настроенном секторе методологии истории в Институте философии АН СССР и др. И во всем этом – крепнущее понимание себя как «нефилософа»: «Мой ум, увы, не философский, я не имею способности и склонности к систематической разработке категорий и не чувствую себя “как рыба в воде” в мире отвлеченных понятий. Мне постоянно нужно опираться на некую совокупность фактов, представить себе нечто исторически конкретное. Я не логик и не социолог, который способен выключить историческое время и пренебречь материей истории» [11, с. 117-118].

Это высказывание позднего А.Я. Гуревича прежде всего иронично: таким образом было возможно отражать атаки современных ему философов («логиков» и «социологов»), не готовых к молчанию, уверенно увлекающихся абстракциями исторического знания, принятого ими в той категориальной версии, в которой доминировала определенная идея истории, установка на инаучную, идеологическую апологию истории. Реальная история пишется по документам – источникам с непредсказуемой смысловой близостью или далью, которые именно поэтому нужно уметь расспрашивать – подступать к ним с новыми вопросами и быть готовым к открытому разговору. Идеино-категориальное, «логико-социологическое» предустановление истории свидетельствует о безыскусности или, напротив, творческой безудержности абстрактного мышления, по Гуревичу, – его вненаучности<sup>5</sup>.

Впрочем, когда А.Я. Гуревич говорит, что не способен «выключить время» и «пренебречь материей истории», он говорит о себе, уточняет возможности собственного «нефилософского ума», готового обратиться к философии

<sup>4</sup> С.С. Неретина, одна из немногих активных свидетелей того времени встреч, вполне отчетливо различает «диалогические философии» М.М. Бахтина и В.С. Библера, указывая при этом, что библеровский опыт был философией в собственном, генетическом смысле этого слова. «Идея культуры как диалога возникла у христианина М.М. Бахтина как охватывающая “и другие предметы”... Идея культуры как диалога культур В.С. Библера была светской (равно: нехристианской) философией, как и пристало философии» [22, с. 229].

<sup>5</sup> Самые, пожалуй, яркие свидетельства оставлены самим А.Я. Гуревичем в его последнем интервью (см., напр., воспоминания о неприемлемом для Гуревича «аппарате мышления» Б.Ф. Поршнева: [7; 11, с. 25] и др. Ср.: [22, с. 19] и др.).

как некоторой реальности ума другого, другому умовидению, – квалифицирует свою неспособность заниматься философией, обращаясь к ресурсам того же категориального мышления, в неспособности к которому признается. Стилистически это ирония, осложненная антиэмфазой: историк увлекается жизненно близкой ему – в силу основного его образования, среды общения и др. – категориальной формой философской *ментальности* (формально трудно определяемого умонастроения, умовидения), и, так или иначе, обдумывает *фактообразующий смысл категорий как культурно-исторических инструментов исторического знания*. С.С. Неретина, комментируя историю присутствия А.Я. Гуревича в отечественном философском мире, описанную им самим в «Истории историка», размышляет о «травматическом» для философского сообщества несогласии Гуревича с автономией категоризирующего исторического мышления – при отсутствии с его стороны сколько-нибудь развитой трансцендентальной рефлексии категориальных оснований философско-исторического знания. «“Категориями” оказались вещи, близкие и важные для любого человека (средневековья ли, современности), выявившие экзистенциальные и ментальные основания истории». Гуревич «переименовал всё: он в качестве категорий представил квази-категории: время, богатство, труд, право – почти по М. Фуко, который квази-трансценденталиями назвал Труд, Жизнь, Язык» [21, с. 240]. Однако это не было заимствованием, внешним речевым наброском или речевой случайностью. «Явно травмировав аудиторию, Арон Яковлевич поступил вполне средневеково, т.е. назвав категориями то, что ими не является, он их оснастил подлинно средневековым содержанием, прочитав и истолковав многочисленные письменные источники» [21, с. 240]. Иными словами, историк увлекается категориальной формой *практически*: «категории» суть историчные речевые формы, обращение к которым проясняет и уточняет смыслы познавательного взаимодействия историка и исторического документа – способствует реконструкции жизненных состояний средневековой культуры или поступков средневековых простецов, которые «молчат» о себе, – из избытка своего опыта речевого мышления (категоризирующего умовидения и говорения). «Категории» средневековой культуры могут вызвать оторопь своей современностью у читателя, далекого от средневековых источников, но Гуревич все же предпочитает следовать за под-

сказками документов, выходит на их речевые границы (ср.: [3, с. 69; 11, с. 236-237] и др.).

Под маской иронии «нефилософ» опознает себя как человека интеллектуального ремесла: «Я не открыл идей, которые разрабатываю; моей интуиции хватило настолько, чтобы применить проблемы, уже носящиеся в воздухе и уже оплодотворившие иных ученых, в иных отраслях знания, к своему материалу. Это дало возможность открыть в нем некие новые грани» [11, с. 227]. Высказывание А.Я. Гуревича и в этом случае следует принимать с некоторой диалогической оглядкой, не упуская из виду собственных познавательных целей историка. От середины 1960-х и вплоть до середины 1990-х гг. Гуревич пишет работу за работой, посвящая себя проблематике исторической *теории* (исторического закона, исторического факта, исторического времени, общественно-экономических формаций и т.д.); в 1966-1969 гг. он работал в секторе истории мировой культуры Института философии РАН, где «царила “теоретическая всеядность”» [11, с. 127] (ср.: [21, с. 234]), при этом сам Гуревич был весьма разборчив в общении, избегая как «верхоглядов» [11, с. 129], так и тех, которые сосредоточивались в своих философских исследованиях на чуждых, как ему представлялось, предметных областях (не привлекли внимания Гуревича исследовательские позиции М.А. Лифшица, Э.В. Ильенкова, Г.С. Батищева, М.К. Петрова, М.Я. Гефтера и др.). Одним из основных публикаторов работ Гуревича на протяжении десятилетий становится журнал «Вопросы философии» – «именно философы проявили сочувственное внимание к его концепции в то время, когда историки метали громы и молнии» [21, с. 235]. Однако Гуревич «ни на секунду не почувствовал себя в полной мере своим, будучи “своим” (т.е. не марксистским монстром и не доносчиком) среди чужих» [21, с. 233-234]. Раз за разом в его теоретически ориентированных трудах речь идет о получении «нового знания», которое невозможно без новых вопросов к прежним и вновь выявляемым источникам, без решимости «взяться за источники под новым углом зрения» [7]. Ремесло историка здесь предполагает «высокое самосознание» принадлежности к цеху мастеров: доверительное отношение к признанному мастеру ремесла в его «научной и человеческой полноте» и, вместе с тем, признание достоинства теоретической интуиции, созидательное эпистемологическое своеобразие (отказ от теоретического эпигонства при опознании

предметности «нового знания», его фактическом уточнении, вплоть до готовности к пересмотру установок исторического умозрения)<sup>6</sup>. Если для исторического исследования перспективным является изучение «человека изнутри, как собеседника, которому задают вопросы, на которые он, может быть, уже дал ответы, но которые нам еще надо найти», не менее перспективным является и изучение изнутри мышления современника.

Ради получения «нового знания» историк вступает, среди прочих, в интенсивный диалог с В.С. Библером, «ближайшим другом» [11, с. 215] и, «возможно, последним философом в нашей стране» [11, с. 218], создавшим последовательно рационалистскую, типологическую версию диалогизма как исследовательского принципа – никогда, впрочем, не принимая библеровский рационализм и типологизации как безусловные или безусловно приемлемые для работы у своего исторического «верстака». Рационально-типологическая диалогизация исторического источника означает доминирование вопросов историка над ответами, которые могут дать исторические источники, дает волю воображению исследователя, выстраивающему показания источников в представившихся ему направлениях, – ведет к диалогистскому переобобщению источниковых данных. Так, «Владимир Соломонович Библер видит простеца не только в том, что я называю простецом, т.е. неграмотных людей, но и в сознании высоколобога, мистика, мужика и т.д. Да, это справедливая мысль. Конечно, перед Богом мы все, от Папы Римского до последнего неграмотного мужика, простецы. Тут образованность ни при чем. Есть только душа, голенькая душа, предстоящая перед Богом и, с точки зрения Божества, если вообще можно даже думать о точке зрения Божества,

все души равноценны. И будь ты великим мудрецом или дурак дураком, Господу, может, и все равно... Но я вам должен сознаться, что постановка вопроса Библером, касающаяся самых общих религиозных моделей философского типа, выводит меня за пределы изучения конкретного материала средневековой истории... Соображения философа здесь не подходят» [16].

Между тем, отношение А.Я. Гуревича к эпистемологическим моделям в историческом исследовании вполне пластично: «Я сумел построить «модель» средневековой культуры, которая во многом близка построенной Ле Гоффом, но отличается от его модели, основывающейся исключительно на западноевропейском христианском материале, тем, что совмещает в себе два пласта: варварский и собственно христианский. Это – мое, насколько мне известно, и этим я дорожу» [11, с. 227]. Когда Гуревич утверждает, что он сумел построить нечто подобное тому, что уже есть у Ж. Ле Гоффа, заметно, как он интонирует – фиксирует кавычками не то свое осторожное отношение к моделированию в исторической реконструкции, не то неполное свое следование примеру французского историка (в кавычки заключена своя «модель»). Следующее за этим утверждение о наличии двух «пластов» в собственной модели, «варварского и собственно христианского» в эпистемологическом отношении очевидно метафорично: таким образом вводятся дополнительные нарративные операторы, абстракции высоких порядков – «варварство», «христианство», не имеющие эмпирических референтов, при этом органическая метафора «пласты» переслаивает, усиливает и делает стилистически контрастным, диалогизирует отношение метафоричности проектирования, органического связывания и построения некоторого здания исторической реконструкции («модель» – «пласты» – «варварство», «христианство»). Это, можно думать, отнюдь не запланированный исследовательский прием; дело состоит, судя по всему, в речевой манере историка – проявлении его коммуникативной интуиции в некоторой метафоричной, понятийно-речевой конкретности и взаимности<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> См., напр.: «Как Марк Блок – мой кумир научный и человеческий – ставил вопрос? Я – историк, я принадлежу к определенному *métier*. Это – цеховое ремесло, освященное авторитетами средневекового городского хозяйства. Было высокое самосознание мастеров, что они принадлежат к такому цеху. И вот я, историк, принадлежу к этому цеху. И что это значит? Куда я иду? Я иду не на теоретический семинар. Я иду в свою мастерскую, к верстаку, где я буду пытаться при помощи новых вопросов и новых источников получить новое знание. Получится, не получится – это от многого зависит. Вот это главное, но ведь это и самое трудное... эти слова – “новое знание” – являются ключевыми» [7]. Ср.: «Чем свободнее ум историка от заранее данных ему предпосылок, тем скорее он может обнаружить какие-то новые данные» [16].

<sup>7</sup> Ср., напр.: «Если глядеть из сегодняшнего дня, становится понятно, что... термины... использовались Арон Яковлевичем взаимозаменяемо: он искал подходящее слово для обозначения представлений, свойственных данному обществу, того взгляда “изнутри”, который К. Гирц назвал “местным знанием” (local knowledge), а К. Пайк еще раньше “эмным” (emic), в отличие от “этного” (etic), подходом» [19].

Нетривиальную познавательную позицию А.Я. Гуревича, ее проявление «на отталкиваемом им философском горизонте» С.С. Неретина предлагает представить с некоторым онтологическим усилением, как действие «духа панкаторизма», позволявшего справляться с нерешительностью, «отбрасывать агностицизм» [21, с. 245] при нарастании трансцендентальных угроз в историческом исследовании и, в силу собственной онтологичности, не замечать определенной близости ближнего, пренебрегать сходствами своих практико-ориентированных категоризаций с категориальными построениями Н.А. Бердяева, В.С. Библера, М.К. Петрова или М.Я. Гефтера. Этот парирующий онтологический ответ С.С. Неретиной на «отталкивания» Гуревича дается из позиции «по ту сторону» «философского горизонта», и с той стороны его нельзя не признать удачным: в разговор об основаниях исторической реконструкции привносится новая тема ее категориальной стяженности, или категоризации как общем условии исторической реконструкции и т.д. В работах А.Я. Гуревича таких прямых, продуктивных для нас онтологических самопризнаний нет, к сожалению, однако познавательная чуткость и совестливость, несогласие с какими бы то ни было онтологическими крайностями (в том числе и собственными) дают себя знать повсюду и не знают исключений.

Наиболее резкие случаи такого несогласия проявили себя в дружеской и весьма жесткой полемике с Л.М. Баткиным (вплоть до «эксцессов личного характера» [7]<sup>8</sup>), когда Гуревич отказался допустить возможность принять концепты индивидуальности и личности, категоризовать их «как таковые», с некоторой онтологической завершенностью, граница которой полагается за пределами исторического источника. Согласно Баткину, «исследовательски острее и точнее понимать дело так: индивидуальность и личность присутствуют исторически и актуально только в тех цивилизациях, которым известны идеи (понятия) “индивидуальности”, “личности”, и которые пользуются этими (или аналогичными) словами для обозначения идеальных, регулятивных координат» [2, с. 73]; строго говоря, это прежде всего новоевропейская цивилизация. Гуревич ответно обращается к источнику («все-таки источники умнее нас и всех наших умственных ухищре-

<sup>8</sup> Ср.: [26]. Л.М. Баткин, наряду с В.С. Библером, долгое время был наиболее близким другом А.Я. Гуревича (см., напр.: [11, с. 215-217]).

ний» [8, с. 78]) – проповеди «О пяти талантах» известного францисканского проповедника середины XIII в. Бертольда Регенсбургского, в которой содержится рассуждение о личности, отличающееся от идейной определенности рассуждений в произведениях «высоколобых». Проповедь обращена преимущественно к людям необразованным и предпосылки этой проповеди коренятся в евангельском тексте, но личность, как некоторая содержательно-смысловая реальность жизни средневековых простецов, вполне дает себя знать. «Бертольд... ищет и явно находит отклик и понимание своих разношерстных слушателей» [8, с. 80] (ср.: 11, с. 234-237; 9, с. 365-389) и др.). В свою очередь, Гуревич осмеливается «дать описательное, “рабочее” определение личности», связанное с «необозримо богатым» комплексом «представлений человека о мире, как социальном, так и природном, и его представления о самом себе, т.е. всю картину мира, которая дана ему языком, воспитанием, средой, личным опытом, религией, наукой, искусствами»: «Если мы примем во внимание, что этой картиной мира определяется его социальное поведение, то мы, вероятно, смогли бы сказать, что личность есть вместилище социально-культурной системы своего времени», «символическая система» [8, с. 84-85] и т.д. «Картина мира» здесь, как видно, возникает оговорочно, как способ зафиксировать для исследовательских нужд то, что «необозримо». Метафорически условны применительно к «рабочему» пониманию личности и понятия «вместилище», «система» и т.д., но, кажется, только посредством такой описательности, речевого кружения и возможно говорить о «посильной реконструкции» – опознании тех «общих возможностей», «культурных форм», в которые могла «отливаться личность» [8, с. 86]<sup>9</sup>. «Общие понятия... не безразличны к постановке изучаемой проблемы» [8, с. 88], однако здесь нет онтологии должного. Все это исходящие, выплескивающиеся из полноты эпистемологических коммуникаций речевые условия исторического мышления, которое поверх дисциплинарно-речевых барьеров, через эксцессы обновления теоретически знакомых речевых форм или извлечение новых из естественного языка, через речевое самообновление стремится к познава-

<sup>9</sup> Ср.: «Когда вы говорите «личность», я сразу спрашиваю: о какой личности вы говорите?.. те понятия, которые можно употреблять на уровне социологии, философии, нельзя употреблять применительно к истории, которая оперирует конкретными фактами» [16].

тельно открытому научному синтезу и новой, таким образом опознаваемой предметности исторического знания – как истории ментальностей, например, под которыми понимается набор категорий, центрируемый «человеческим “я”». «Пространство» и «время», «природа», «потусторонний мир», «богатство», «эмоции», «тело», «секс», «брак», «дети» – «все эти категории являются ощущениями личности и вместе с тем ментальность не есть индивидуальная, осознанная мысль, это – некоторая система представлений и верований, овеществленных в поступках и языке культуры, которые не являются индивидуальными... это – словарь или язык культуры, надличностные понятия и установки. Человека можно спросить, каковы его религиозные и политические взгляды, и он что-то ответит. Но спроси его, какой у него менталитет, он не сможет ответить» [16].

Историк не может не говорить о том «текущем», «молчаливом», о чем следовало бы ответно молчать. Раскрывая «ларец» [21, с. 245] молчания, исследователь тем более рискует, чем глубже он погружается в миры «безмолвствующего большинства», ввиду отсутствия у этого большинства своей, отличающей свою собственную жизненность, речи. Онтологические автоматизмы категоризирующего мышления в таком погружении не менее опасны, нежели попытки обезопасить себя, исследователя, авторитетным категориально-речевым опытом какого-либо собеседника. В определенном смысле историческое письмо есть письмо «выживания» или «пере-жизни»<sup>10</sup>; в последнюю очередь – насколько это можно видеть в работах А.Я. Гуревича – это онтологическое письмо. Здесь под вопросом оказывается даже авторитет М.М. Бахтина, мыслителя того ответственного герменевтико-диалогического склада, который был далек от какой-либо онтологической замкнутости, концептуальной самоуверенности или речевой безапелляционности.

Особенно неприязненно Гуревич относится к тому, как понимает Бахтин, «парадоксальный классик» [11, с. 174], подвижность народной культуры: «Бахтину был присущ тот самый эволюционизм, который является проклятием исторической науки. К чему он возводит карнавал? К античным сатурналиям и вакханалиям. Но эту связь установить и доказать невозможно! Сходство поверхностно и обманчиво. ...

<sup>10</sup> Из последнего интервью Ж. Деррида, перевод см.: [1, с. 198 и др.].

он ввел карнавал как некоторое универсальное понятие. Все уцепились, стали сравнивать разные культуры. Но ведь карнавал в Европе – христианский карнавал и нельзя растягивать карнавал Бахтина на другие культуры ... Судя по похоронам, Бахтин был христианином. А в его книге из 600 страниц слова «Бог» нет. Книга о средневековой культуре без упоминания о Боге, это же надо так изощриться! Я понимаю, что это не значит, что он был атеистом. Думаю, тут другое. Он писал книгу в подцензурные времена... но это, безусловно, поражает»<sup>11</sup> [16].

Выписки можно было бы приумножить, но и в этих гуревичевых характеристиках бахтинской мысли очевидно много личного. Бахтин так или иначе объявляется невольным мастером научного блефа, искусным подцензурным мыслителем более контридеологического, нежели основательного научного склада, недоумевающим в вопросах христианской веры, едва ли не мнимым христианином и т.д. Это глубоко личное отношение А.Я. Гуревича к М.М. Бахтину нуждается в специальном внимании. Ни об одном из своих оппонентов Гуревич не пишет с такой обстоятельной горячностью, нигде так не отступает от собственной благожелательности по отношению к речевым категориальным формам (сравнимо показателен в этом отношении прежде приведенный пример с обнаружением «личности» в раннем и высоком средневековье – вопреки тем ограничениям, которые были поддержаны Л.М. Баткиным; значительно мягче, уступительнее критика марксистских объяснительных схем Ж. Ле Гоффа, выводящего идею чистилища из роста городов [16; 11, с. 225, 228-232]).

Не возьмусь разбирать все упреки, адресованные Бахтину, замечу только о самой, пожалуй, неожиданной, эмоционально насыщенной несдержанности Гуревича в отношении христианских доминант мышления Бахтина. Разносторонний исследовательский разговор о христианстве Бахтина начался довольно давно; здесь не место разбирать его детали (см.: [32; 35] и др.). Примечательна решительность, с которой А.Я. Гуревич, являясь, по собственному признанию, «человеком нерелигиозным» [11, с. 235, 264 и др.], как будто проясняет, оценивает как малохристианский, характер речевого

<sup>11</sup> У самого А.Я. Гуревича, в другие времена, в «Категориях средневековой культуры» имя Христа упоминалось чаще, чем имя Ф. Энгельса, и он уже готовился к проработке «на ковре», но обошлось. См.: [11, с. 234].

поведения Бахтина – христианина по воспитанию и, как можно предположить, «эмически», лично располагавшего опытом переживания начал христианства. Возражения Бахтину нельзя представить как спонтанный речевой эксцесс нерелигиозного мышления А.Я. Гуревича; медиависту – особенно того антропологического склада, каким был Гуревич, – привычно работать в пространстве речи человека христианской веры, образуя таким образом «новое знание» об этом человеке, истории его менталитета, привычках его мышления и поведения<sup>12</sup>. Более того, «мы можем быть 10 раз атеистами, но мы все говорим на языке христианской культуры» [16]. Правда, доверие и интерес историка вызывают не сами исторические практики веры, а, скорее, антропологическое достоинство религиозных идей, то, как они бытуют в восприятии средневекового человека, «возникают не только на основе сугубо материальной, но также питаются миром эмоций и миром предшествующих религиозных идей» [16]. Собственно онтологический, предельно когнитивный момент веры Гуревичу неинтересен или незаметен в его нерелигиозной позиции; связанное с этим представление о трансцендентальном горизонте религиозного (христианского) опыта веры и знания довольно неточно (ср., напр.: [30; 34]). Предположу, что с этим связана и решительность в недопонимании М.М. Бахтина, его «современная» («позитивистская» по стилю) критика – профессионально правомерная в отношении документоведческого и буквалистская, преимущественно рецептивная, ограниченная опытом собственной агностики, религиозной неопределенности историка, привыкшего доверять речевой конкретности и неабсолютной категориальной взаимности познавательных действий.

Впрочем, А.Я. Гуревичу приходится сопротивляться не только тому доверию, которые вызывают категории Бахтина, но самой личности Бахтина, «двойному культу» бахтинского языка и бахтинской мысли, который требовал от исто-

рика двойной жесткости и определенности в реконструкции бахтинского мышления, усиливал тягу к его разбору куда больше, нежели к его сдержанному пониманию. Можно предварительно предположить, что Бахтин был онтологически крайним, неприемлемым образом понят в рамках того увлеченного Бахтиным, дружеского «венского кружка», в котором толкование Бахтина как бы «доворачивалось», доводилось до того, чтобы придать бахтинским размышлениям некоторую теоретическую законченность – реконструировать их с некоторой рационально-ответной, моделирующей онтологической определенностью (в этом кружке значительными собеседниками были как раз В.С. Библер и Л.М. Баткин). Но это предположение вряд ли можно считать сильным: Гуревич, как известно, никогда не был эпигономски безотчетен в своих симпатиях или антипатиях и вполне уверенно различал то, что высказывалось самим Бахтиным, не отступая, во всех разговорах и полемиках, от приоритета источника. Бахтин таким источником стал лишь отчасти. «Исторические источники умнее нас и всех наших умственных ухищрений» – сентенция, которая мало предполагает в качестве источника работы Бахтина. Бахтин признается «гением» и «великим», но в отношении его трудов в комментариях Гуревича царит куда большая определенность: «Я ведь вовсе не хочу принизить значение Бахтина. В чем это значение? Есть книги, которые на поверку оказываются ошибочны. Тем не менее, такие книги полезнее для науки, нежели десятки трудов, в которых обстоятельно рассказывается о том, что единица равна единице и что “Маша ела кашу”» [16]. Эта этико-эпистемологическая определенность в отношении Бахтина далеко отстоит от того стремления к пониманию источника, к которому А.Я. Гуревич всегда стремился в своих работах.

Опыт несогласия с М.М. Бахтиным, о котором оповещает А.Я. Гуревич, – это опыт предварительной с ним встречи, знакомство в «притворе» бахтинского мышления, не имевшее, к сожалению, содержательного продолжения. Арон Яковлевич не оставил специального труда, который посвятил бы историчности мышления Бахтина, его «идеям диалога, хронотопа», которые «гораздо важнее, чем идея о карнавале» [16]; эпизодическим было выявление сопряжений герменевтико-диалогических находок М.М. Бахтина и исканий М. Блока, «вопрошающего источники с целью распоз-

навания их человеческого содержания» [10, с. 91], Л. Февра<sup>13</sup> и др. Между А.Я. Гуревичем и М.М. Бахтиным не состоялось и прямого разговора<sup>14</sup>. Но теперь, ретроспективно, хорошо видно, что оба мыслителя отличались последовательным бесстрашием, готовностью говорить обо всем, что обнаруживает в качестве своей исторически ориентированной предметности живая мысль историка и мыслителя, для которых основной познавательной заботой была забота не о собственном познавательном благополучии, но более всего – о своем историчном другом, источнике, в котором с некоторым историчным постоянством воссоздаются и воскресают прежние смыслы. Приверженные к речевой данности смыслов, никто из них не «раб речей»; каждый готов к их встречному пониманию, посильной смысловой реконструкции, в которой важна диалогическая готовность признания своего несовершенства и позволить себе совместное мышление со своим другим. Но если М.М. Бахтин трактует диалог как речевую форму заботы о другом и о себе в координатном отношении к другому – в онтологической перспективе возрождения смыслов (в т.ч. у Рабле), философски прочитываемой через ключи платоновского «Иона», «Алкивиада I» и др., то для А.Я. Гуревича диалог – это форма *эпистемологического свободомыслия, категориально-речевая и вместе с тем нравственная доминанта, обеспечивающая сопротивление «априоризму» в понимании исторических источников*. «Нравственная ответственность историка состоит... в том, чтобы не видеть в предшествующих стадиях истории какую-то более низкую ступень развития. Историк не может взирать на прошлое свысока, он стремится завязать на равных диалог с людьми, создавшими изучаемые им тексты, и с их современниками... История не должна воспитывать чувства собственного превосходства, – она должна учить взаимопониманию. Не судить, но понимать – такой девиз историка вообще и в особенности историка конца XX в.» [12, с. 9].

\* \* \*

«На страшном суде я сказал бы так: “Я не знаю, что такое феодализм, ментальность, куль-

<sup>13</sup> Экспозицию «контроверзы “Февр – Бахтин”» см., напр.: [13, с. 514-517 и др.]

<sup>14</sup> «...Когда я созрел, чтобы с ним... полемизировать, он уже умер. Я ведь никогда не видел его живым, только в гробу. А ведь я мог его посетить, но робел. Я очень жалею об этом» [16].

тура или цивилизация. Позволь мне, Господи, не утруждать тебя перечнем всего того, чего я не знаю...” – замечательно, что А.Я. Гуревич посмеивается над собою, не уточняя, в какой эсхатологической версии он понимает страшный суд: сразу ли после смерти, как это предполагала народная культура средневековья, или после Второго пришествия, как это предпочитали представлять «высоколобые» церковные мыслители. Эсхатологическая размерность исторического мышления есть тот онтологический пункт, с которого начиналась и без которого никогда не обходилась средневековая историография, как, впрочем, и философия истории М.Я. Гефтера во второй половине XX в., на ближайшем к акме историка переломе эпох. Арон Яковлевич упоминает этот пункт как будто невзначай, иронично, но это выглядит иначе в обратной перспективе: пункт этот проскальзывает не только в веселой заметке А.Я. Гуревича о своем послесмертии, но – в эпоху «после послесовременности» – предстает в облике практического, «диалогического» императива исторических реконструкций: «нужно быть честным по отношению к себе и окружающим» [7]<sup>15</sup>. Однако именно после «послесовременности» трудно представить последовательное исполнение этого императива без его онтологического укоренения.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Философский язык Жака Деррида. М.: РОССПЭН, 2011.
2. Баткин Л.М. К спорам о логико-историческом определении индивидуальности // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С. 59-75.
3. Баткин Л.М. О том, как А.Я. Гуревич возделывал свой аллод // Баткин Л.М. Пристрастия. Избранные эссе и статьи по культуре. М.: Курсив-А, 1994. С. 66-94.
4. Баткин Л.М. «Странная тюрьма исторической необходимости» // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 73-77.
5. Берк П. Диалог Арона Гуревича с «Анналами» // Образы прошлого: Сборник памяти А.Я. Гуревича под ред. С.Я. Левит. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. С. 73-81.
6. Библер В.С. Исторический факт как фрагмент действительности. Логические заметки //

<sup>15</sup> Переключка с М. Блоком, написавшим в своем завещании: «На протяжении всей своей жизни я стремился к полной честности выражения и духа» [10, с. 313].

- Источниковедение. Теоретические и методологические проблемы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.bibler.ru/bis\\_istor\\_fakt.html](http://www.bibler.ru/bis_istor_fakt.html)
7. Гуревич А.Я. «Быть дольше в стороне мне казалось невозможным...» (последнее интервью А.Я. Гуревича, 11 июня 2006 г.) // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/int10.html>
8. Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. 1990. М.: Наука, 1990. С. 76-89.
9. Гуревич А.Я. Индивид и социум на средневековом Западе. СПб: Alexandria, 2009.
10. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индик, 1993.
11. Гуревич А.Я. История историка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011.
12. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990.
13. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 501-541.
14. Гуревич А.Я. Что такое исторический факт? // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М., 1969. С. 71-88.
15. Доманска Э. Философия истории после постмодернизма. М.: Канон+, 2010.
16. Интервью Елены Матусевич (Университет Аляски, Фербенкс) с Ароном Яковлевичем Гуревичем // Vox. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%202%20-%20matusevich.pdf>
17. Ипполитов Г.М., Полторак С.Н., Репинский А.И. Исторический факт и историческое событие: аналитическое «путешествие» в лабиринте мнений, оценок, суждений (статья первая) // Клио. 2013. № 11 (83). С. 3-14.
18. Кошкин М. Школа "Анналов": в поисках утраченного факта // Топос. Литературно-филологический журнал. 2002. 20 октября [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://topos.ru/article/607>, <http://topos.ru/article/609>
19. Кром М.М. Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/kr14.html>.
20. Неретина С.С. Арон Яковлевич Гуревич и Безмолвие // Vox. 2007. № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%202%20-%20neretina.pdf>
21. Неретина С.С. Арон Яковлевич Гуревич и Безмолвие // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2007. Т. 8. № 2. С. 231-246.
22. Неретина С.С. Точки на зрении. СПб.: Изд-во РХГА, 2005.
23. Ольхов П.А. Разум вопрошающий: экзистенциальные истоки научной автобиографии А.Я. Гуревича // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 3. С. 31-40.
24. Платон. Ион // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 372-385.
25. Попробуем поставить опыт / пер. И. Стаф // «Анналы» на рубеже веков: антология / Отв. ред. А.Я. Гуревич, сост. С.И. Лучицкая. М.: XXI век; Согласие, 2002. С. 15-22.
26. Рейфман Б.В. «Возможные миры» новоевропейской культуры: по поводу спора о «личности» между Л.М. Баткиным и А. Я. Гуревичем // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 11. С. 203-220.
27. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 8-26.
28. Уваров П.Ю. А.Я. Гуревич и советская медиевистика: портрет на фоне корпорации // Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 80-112.
29. Уваров П.Ю. Портрет медиевиста на фоне корпорации // Новое литературное обозрение. 2006. № 81 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/uv11-pr.html>
30. Bornstein, D., 1990. Medieval popular culture: problems of belief and perception. By Aron Gourevich. Translated by János M. Bak and Paul A. Hollingsworth. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. xx + 275 pp. Church History, Vol. 59, no. 2, pp. 234-235.
31. Carr, E.H., 1987. What is history? London: Penguin Books.
32. Felch, S.M. and Contino, P.J. eds., 2001. Bakhtin and religion: a feeling for faith. Evanston: Northwestern University Press.
33. History and Postmodernism III (Stone, L), IV (Spiegel, G.M.). Past and Present, 1992, Vol. 135, pp. 189-208.
34. Madigan, K., 1990. Medieval popular culture: problems of belief and perception. By Aron Gourevich. Translated by János M. Bak and Paul A. Hollingsworth. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. xx + 275 pp. // The Journal of Religion, Vol. 70, no. 2, pp. 254-255.
35. Mihailovic, A., 1997. Corporeal words: Mikhail Bakhtin's theology of discourse. Evanston: Northwestern University Press.
36. Saluting Aron Gurevich: essays in history, literature and other related subjects. Leiden-Boston: Brill, 2010.
37. Scholze-Irrlitz, L., 1994. Moderne Konturen historischer Anthropologie. Eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron J. Gurjewitsch. Frankfurt.
38. Uvarov, P.Y., 2017. Les Europes possibles et impossibles d'un historien russe de l'époque soviétique: de Aaron Gourévitch. In : Historiens d'Europe, historiens de l'Europe. Paris: Champ Vallon, pp. 43-60.
39. Gurevich, A.Ya., 1990. Eshche neskol'ko zamechanii k diskussii o lichnosti i individual'nosti v istorii kul'tury [A few more comments on the discussion about personality and individuality in the history of culture]. In: Odissey. Chelovek v istorii. 1990. Moskva: Nauka, pp. 76-89. (in Russ.)
40. Gurevich, A.Ya., 2009. Indiv i sotsium na srednevekovom Zapade [Individual and society in the medieval West]. Sankt-Peterburg: Alexandria. (in Russ.)
41. Gurevich, A.Ya., 1993. Istoricheskiy sintez i Shkola "Annalov" [Historical synthesis and the Annales school]. Moskva: Indrik. (in Russ.)
42. Gurevich, A.Ya., 2011. Istoriya istorika [History of a historian]. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (in Russ.)
43. Gurevich, A.Ya., 1990. Srednevekoviy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva [Medieval world: the culture of the silent majority]. Moskva: Iskusstvo. (in Russ.)
44. Gurevich, A.Ya., 1991. Uroki Lyus'ena Fevra [Lucien Febvre's lessons]. In: Febvre, L., 1991. Boi za istoriyu. Moskva: Nauka, pp. 501-541. (in Russ.)
45. Gurevich, A.Ya., 1969. Chto takoe istoricheskiy fakt? [What is a historical fact?]. In: Istochnikovedenie. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy. Moskva, pp. 71-88. (in Russ.)
46. Domanska, E., 2010. Filosofiya istorii posle postmodernizma [Philosophy of history after postmodernism]. Moskva: Kanon+, (in Russ.)
47. Interv'yu Eleny Matusevich (Universitet Alyaski, Ferbenks) s Aronom Yakovlevichem Gurevichem [Interview by Elena Matusevich (University of Alaska, Fairbanks) with Aron Yakovlevich Gurevich]. URL: <https://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%202%20-%20matusevich.pdf> (in Russ.)
48. Ippolitov, G.M., Poltorak, S.N. and Repinetsky, A.I., 2013. Istoricheskiy fakt i istoricheskoe sobytie: analiticheskoe «puteshestvie» v labirinte mneniy, otsenok, suzhdeniy [Historical fact and historical event: analytical «journey» in the labyrinth of opinions, assessments, judgments], Klio, no. 11 (83), pp. 3-14. (in Russ.)
49. Koshkin, M., 2002. Shkola «Annalov»: v poiskah utrachennogo fakta [The Annales school: in search of the lost fact]. URL: <http://topos.ru/article/607>, <http://topos.ru/article/609> (in Russ.)
50. Krom, M.M., 2006. Aron Yakovlevich Gurevich i antropologicheskiy povorot v istoricheskoy nauke [Aron Yakovlevich Gurevich and anthropological

## REFERENCES

turn in history]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/kr14.html> (in Russ.)

20. Neretina, S.S., 2007. Aron Yakovlevich Gurevich i Bezmolvie [Aron Yakovlevich Gurevich and Silence]. URL: <https://vox-journal.org/content/vox2/vox%20-%20%20neretina.pdf> (in Russ.)

21. Neretina, S.S., 2007. Aron Yakovlevich Gurevich i Bezmolvie [Aron Yakovlevich Gurevich and Silence], Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii, Vol. 8, no. 2, pp. 231-246. (in Russ.)

22. Neretina, S.S., 2005. Tochki na zrenii [Points on the vision]. Sankt-Peterburg: RHGA. (in Russ.)

23. Olkhov, P.A., 2014. Razum voprosheyushchiy: ekzistentsial'nye istoki nauchnoi avtobiografii A.Ya. Gurevicha [Inquiring mind: existential origins of scientific autobiography of Aron Ya. Gurevich], Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dalnem Vostoke, no. 3, pp. 31-40. (in Russ.)

24. Plato, 1990. Ion [Ion]. In: Plato, 1990. Sobranie sochineniy v 4 t. T. 1. Moskva: Mysl', pp. 372-385. (in Russ.)

25. Poprobuyem postavit' opyt [Let's try to put an experience]. In: Gurevich, A.Ya. ed., 2002. «Annaly» na rubezhe vekov: antologiya. Moskva: XXI vek: Soglasie, pp. 15-22. (in Russ.)

26. Reifman, B.V., 2013. «Vozmozhnye miry» novoevropeyskoy kul'tury: po povodu spora o «lichnosti» mezhdru L.M. Batkinym i A.Ya. Gurevichem [«The possible worlds» of the new European culture: about the dispute over the «personality» between L.M. Batkin and A.Ya. Gurevich], Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie», no. 11, pp. 203-220. (in Russ.)

27. Rusen, J., 2001. Utrachivaya posledovatel'nost' istorii (nekotorye aspekty istoricheskoy nauki na perekrestke modernizma, postmodernizma i diskussii o pamyati) [Losing the consistency of history (some aspects of history at the crossroads of modernism, postmodernism and the disputes about memory)], Dialog so vremenem, no. 7, pp. 8-26. (in Russ.)

28. Uvarov, P.Yu., 2015. A.Ya. Gurevich i sovetskaya medievistika: portret na fone korporatsii [A.Ya. Gurevich and Soviet medieval studies: a portrait at the background of a corporation]. In: Uvarov, P.Yu., 2015. Mezhdru «ezhami» i «lisami». Zаметki ob istorikakh. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 80-112. (in Russ.)

29. Uvarov, P.Yu., 2006. Portret medievista na fone korporatsii [Portrait of a medievalist at the background of a corporation]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81/uva11-pr.html> (in Russ.)

30. Bornstein, D., 1990. Medieval popular culture: problems of belief and perception. By Aron Gurevich. Translated by János M. Bak and Paul A. Hollingsworth. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. xx + 275 pp. Church History, Vol. 59, no. 2, pp. 234-235.

31. Carr, E.H., 1987. What is history? London: Penguin Books.

32. Felch, S.M. and Contino, P.J. eds., 2001. Bakhtin and religion: a feeling for faith. Evanston: Northwestern University Press.

33. History and Postmodernism III (Stone, L), IV (Spiegel, G.M.). Past and Present, 1992, Vol. 135, pp. 189-208.

34. Madigan, K., 1990. Medieval popular culture: problems of belief and perception. By Aron Gurevich. Translated by János M. Bak and Paul A. Hollingsworth. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. xx + 275 pp. // The Journal of Religion, Vol. 70, no. 2, pp. 254-255.

35. Mihailovic, A., 1997. Corporeal words: Mikhail Bakhtin's theology of discourse. Evanston: Northwestern University Press.

36. Saluting Aron Gurevich: essays in history, literature and other related subjects. Leiden-Boston: Brill, 2010.

37. Scholze-Irrlitz, L., 1994. Moderne Konturen historischer Anthropologie. Eine vergleichende Studie zu den Arbeiten von Jacques Le Goff und Aaron J. Gurjewitsch. Frankfurt.

38. Uvarov, P.Y., 2017. Les Europes possibles et impossibles d'un historien russe de l'époque soviétique: de Aaron Gourévitch. In : Historiens d'Europe, historiens de l'Europe. Paris: Champ Vallon, pp. 43-60.

УДК 165.5

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/33-38](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/33-38)

Р.Ю. Сабанчеев\*

## КОНЦЕПЦИЯ «МЕСТ ПАМЯТИ» ПЬЕРА НОРА КАК СПОСОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ\*\*

В статье рассматривается концепция «мест памяти» французского историка Пьера Нора. Автор рассуждает о том, что способ исторической реконструкции, предложенный Нора, позволяет иначе взглянуть на многие факты прошлого, очистить их от мифологизации и излишней политизации, а также переосмыслить проблемы коллективной памяти, роль личности в истории и значение исторических событий в ее существовании.

*Ключевые слова:* историческая реконструкция, коллективная память, места памяти, Пьер Нора, Морис Хальбвакс, Патрик Хаттон, школа «Анналов»

**Pierre Nora's concept of «sites of memory» as a method of historical reconstruction.** RUSTAM Yu. SABANCHEEV (State Academic University of Humanities)

The article considers the concept of «sites of memory» of the French historian Pierre Nora. The author argues that the method of historical reconstruction developed by P. Nora allows us to look at many facts of the past in a different way, to clear them of mythologization and excessive politicization, and to rethink the problems of collective memory, the role of the individual in history and the significance of historical events in its existence.

*Keywords:* historical reconstruction, collective memory, sites of memory, Pierre Nora, Maurice Halbwachs, Patrick Hutton, the Annales school

О Пьере Норе российскому читателю известно не так много. Несколько его работ были опубликованы еще в 1990-х – 2000-х гг. В 2010 г. французский историк приезжал в Россию, где выступил с лекцией в РГГУ. Она носила название: «Существует ли историческая идентичность Франции?». Тема была выбрана не случайно, ведь в основном круг научных интересов П. Нора составляют именно проблемы исторической памяти и идентичности. При этом Нора, словно философ, старается найти рамки этих понятий, исследовать их природу.

Однако, прежде чем перейти к анализу методов исторической реконструкции, предложенных Нора, хотелось бы обратить внимание

читателя на серьезную исследовательскую проблему: является ли Пьер Нора представителем французской школы «Анналов»? На этот вопрос можно ответить двояко: как отрицательно, так и положительно.

С одной стороны, Пьер Нора не медиевист, в отличие от других основных представителей школы «Анналов»: средневековой проблематикой занимались Марк Блок и Люсьен Февр, Фернан Бродель и Жак Ле Гофф. К тому же некоторые исследователи были склонны считать, что эра школы «Анналов», как единой целостной структуры, давно подошла к концу. Осталась лишь методологическая база новой исторической науки. Ж. Дюби, к примеру, намекал на это

\* САБАНЧЕЕВ Рустам Юнусович, аспирант философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: [silvermarker@yandex.ru](mailto:silvermarker@yandex.ru)

© Сабанчеев Р.Ю., 2018

\*\* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 16-03-00704.

в одном из своих выступлений, когда говорил, что под влиянием М. Фуко и волнений 1968 г. историческая наука во Франции вновь стала интересовать исключительно политикой. И вместе с тем в конце 1980-х гг. Дюби выделил три перспективных направления исследований: вспомогательные исторические дисциплины, история исторической науки и археология.

С другой же стороны, Пьера Нора можно считать полноправным наследником традиции французских анналистов. Для обоснования этого тезиса есть ряд аргументов, связанных с историей течения. Как известно, третье поколение школы «Анналов» нарекло себя «новой историей», «не афишируя разрыва с поколением Броделя-Лабрусса, подчеркивая, что они по-прежнему заняты написанием «тотальной истории» [5, с. 48]. Именно с этим поколением школы современники связывают имя Пьера Нора. И дело не только в методологии исследования. Здесь необходимо коснуться биографии ученого, ведь его жизненный путь неразрывно связан с той интеллектуальной эпохой, когда французская историография переходит на новый уровень.

У Пьера Нора была серьезная издательская карьера. Еще 1965 г. он устроился работать в знаменитое издательство «Галлимар», которое тогда было представлено на рынке в основном художественной литературой. В последующие годы Нора занимался развитием сектора социальных наук. Выполняя эту работу, он практически создал две важные коллекции: «Библиотеку гуманитарных наук» в 1966 г. и «Библиотеку историй» в 1970 г. Именно в «Библиотеке историй» публиковались представители третьего поколения школы «Анналов»: Эммануэль Ле Руа Ладюри, Жорж Дюби и Жак Ле Гофф. Помимо них в издательстве выходили работы и других видных мыслителей эпохи, к примеру, Мишеля Фуко. Пьер Нора участвует в издании ряда коллективных работ. Одна из них – «Эссе эгоисторий» (1987 г.), в которой он выступил в качестве редактора. На ее страницах представлены воспоминания о жизни и профессиональном пути представителей третьего поколения школы «Анналов» и других французских историков.

Практически параллельно этому проекту – с 1984 по 1992 гг. – осуществляется исследование, о котором как раз и пойдет речь в нашей статье. Оно носит название «Места памяти». Проект состоял из 7 томов и насчитывал около 6000 страниц текста. В его создании прини-

мали участие более сотни ученых. Однако этот монументальный труд характеризует не только Нора-издателя, но и Нора-мыслителя. Он стал идейным вдохновителем этого исследования, разработав весьма оригинальный подход к пониманию многих феноменов, в их числе – коллективная память, история и идентичность. Историк Патрик Хаттон очень точно называет этот альманах «руководством для зондирования глубинных структур национальной памяти Франции» [10, с. 348].

Что же такое «места памяти»? И почему проект «мест памяти» весьма актуален для современных отечественных гуманитарных дисциплин? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть причины возникновения самой концепции, предшествовавшие вызовы, а также те интеллектуальные веяния, которые оказали влияние на Пьера Нора.

Французский ученый не всегда однозначно относился к своему ремеслу. По мнению Пьера Нора, историку во Франции всегда принадлежала роль руководителя национального сознания – точно также, как в Германии эту роль всегда играли философы. Однако в итоге это заявление оказалось весьма противоречивым, поскольку в одном из своих интервью Нора уверенно заявляет, что множество причин привело к тому, чтобы роль историка во Франции изменилась. Если еще полвека назад «быть историком» означало интересоваться событиями отдаленного прошлого, например, связанными с Новым временем, Средневековьем или античностью, то сегодня «совершенно очевидно, что общественный интерес, социальный заказ, да и сами историки все больше ориентируются на современный период» [8, с. 76]. Таким образом, историки утрачивают роль «хранителей прошлого» и уже больше не являются его монополизаторами. Напротив, сегодня само соотношение между историей и памятью меняется и поэтому прошлое «принадлежит многим людям, начиная с тех, кто пережил недавние события, и особенно тех, кто пострадал от них» [8, с. 76].

Изменяющееся соотношение между историей и памятью и побудило Нора создать свою концепцию «мест памяти». В одной из своих работ он проводит череду различий между этими понятиями, разделяя их. По словам Нора, память изначально представляет собой субъективную операцию: «В отличие от истории память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспо-

минанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [8, с. 75]. История, напротив, операция интеллектуальная. Прошлое здесь реконструируется на основе следов.

В рамках своей теории Нора определяет память как «жизнь», носителями которой выступают социальные группы, это всегда «актуальный феномен». История, напротив, представляет собой проблематичную и неполную реконструкцию или репрезентацию прошлого [7, с. 20]. На самом же деле, антагонизм истории и коллективной памяти возник намного раньше, а именно – в XIX в. с появлением профессиональной исторической науки. Об этом пишет культуролог Алледа Ассман: «Для всех более ранних форм историописания характерно то, что они осознавали себя как разновидность воспоминания, как сохранение памяти» [1, с. 26]. Это было необходимо, например, для легитимизации генеалогии правящей династии.

В этой дихотомии памяти и истории, предложенной П. Нора, можно проследить еще одну линию преемственности, теперь уже не историческую, а скорее мировоззренческую. Впервые подобным образом историю и память разделил ученик Э. Дюркгейма, философ и социолог Морис Хальбвакс. Кстати, он был членом редакционного комитета журнала «Анналы» еще при первом поколении школы. Однако знаменит он далеко не своими связями с представителями новой исторической науки. Все дело в том, что Морис Хальбвакс скорее был объектом критики: «Марк Блок указывал Морису Хальбваксу, основоположнику исследований памяти, что понятие «Коллективной памяти» метафорично, а потому ложно. Подобная метафора порождает представление, будто коллектив «обладает» памятью точно так же, как памятью «обладает» индивид» [2, с. 15]. Между тем из-под его пера вышла целая серия работ, посвященных проблематике коллективной памяти. Автор интерпретирует ее как совокупность представлений о прошлом, которые разделяют члены социальной группы. При этом Хальбвакс тоже указывает как минимум на несколько причин того, почему коллективная память и история (словосочетание «историческая память» Хальбвакс вовсе считает неудачным) не совпадают друг с другом. Коллективную память отличают непрерывное развитие (отсутствуют строгие «разделительные черты» [9], которые характерны для истории) и множественность (историю Хальбвакс понимает как нечто «единое»).

Однако если для Хальбвакса изучение коллективной памяти и истории – вещи несопоставимые, то для Пьера Нора – напротив. Это замечает французский историк Франсуа Артог. По его мнению, Пьер Нора задумал примирить память и историю, решив при этом превратить исследование коллективной памяти в аналог истории ментальностей, но только для исследования Новейшего времени. Следует отметить, что «коллективная память» в данном случае понятие весьма широкое и размытое, наверняка именно поэтому Нора вводит другое, более конкретное, «предметное» – «места памяти». В его работах существует несколько дефиниций этого понятия, как прямых, так и косвенных.

Во-первых, места памяти – это «останки» прошлого и вместе с тем «места памяти – это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [7, с. 26]. Автор пытается сказать нам, что «места памяти» – это утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда, а само «место памяти» превратиться в историю, которая больше не будет поддерживаться коллективной памятью. Далее автор уже прямо указывает на причину появления «мест памяти»: «Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие» [7, с. 26].

Нора пытается не только описать свойства «мест памяти», но и определить их ценностный аспект, и это толкование звучит в духе постмодерна. По его словам, места памяти – это то, что поддерживает сообщество разными способами, но в то же время это сообщество вовлечено в процесс трансформации и обновления: оно ценит больше новое, а не старое, будущее, а не прошлое: «Это ритуалы общества без ритуалов» [7, с. 27]. Места памяти не появляются сами собой. У них есть причина существования: они живут благодаря желанию помнить и чувству отсутствия спонтанной памяти. «Нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [7, с. 26]. В «местах памяти» находит убежище и «кристаллизуется» сама память.

Образность помогает Пьеру Нора выразить полноту понятия: он заключает «места памяти» в рамки метафор и пытается выразить этим утрачивающийся интерес к прошлому. «Останки», «ритуалы общества без ритуалов»,

«ценности в себе» – все это придает повествованию тревожный характер. «О памяти столько говорят, потому что ее больше нет». И все же сам проект «мест памяти» имеет определенную цель: «вернуть память под контроль историков». По мнению Патрика Хаттона, в работе Нора прослеживается почерк философа-современника: «Нора увлечен не столько исторической реконструкцией, как ее обычно понимают, сколько генеалогической деконструкцией в духе той, что популяризировал Фуко» [10, с. 351]. Нора интересны не события прошлого, а их репрезентации, то есть, по замыслу Нора, историческая реконструкция должна двигаться от настоящего в прошлое.

Под понятием «место памяти» не подразумеваются какие-либо исключительно материальные объекты. Напротив, этот термин связан с глубокой интеллектуальной традицией. Память часто изображалась и истолковывалась при помощи пространственной метафоры. К примеру, Августин Блаженный в десятой книге «Исповеди» сравнивает память с «дворцами». Возникает это представление в поздней античности. Куда сильнее пространственная метафора выражена в древних мнемотехниках, которые описала английская исследовательница Френсис Йейтс в книге «Искусство памяти». Смысл их достаточно прост: для запоминания определенного объема информации риторики и ученые мужи пользовались приемом запечатления образов в определенных пространственных объектах. Этот метод еще называют «методом локусов». Ассоциативная связь содержимого памяти с пространственными объектами, будь то географические локации, улицы, расположение комнат в здании, позволяла упорядочивать хранение знаний. В этом отношении «места памяти» Нора чем-то перекликаются с древними мнемотехниками. В них также запечатлены множественные образы, сконструированные социальными группами. Ведь главный их смысл не в том, что они отсылают к определенному моменту прошлого, а в их культурной конфигурации. Места памяти – это некий конгломерат, сложная разнородная структура представлений. Именно поэтому задача историка – деконструкция таких «мест».

Подобный подход, как нам кажется, может быть обусловлен как минимум двумя причинами: с одной стороны, необходимостью разрушения стереотипных (в плохом смысле) суждений, которые часто используются в отношении бесчисленного множества исторических событий,

фигур и пространств, а с другой – борьбой с анахронизмами (которые, впрочем, могут уживаться со стереотипами).

К числу «мест памяти» Пьер Нора относит: революцию, католиков и неверующих, Марсельезу, Пантеон (в Париже), Столетие Вольтера и столетие Руссо, Похороны Виктора Гюго, Канцелярии и монастыри, «Картины географии Франции» Видаля де Ла Бланша и т.д. То есть «местами памяти» можно назвать памятники, коммеморации, территории, слова, религиозные меньшинства, пространственно-временные деления и многое другое.

«Места памяти» являются местами в трех смыслах – материальном, символическом и функциональном. Но эти модусы мест памяти весьма взаимосвязаны: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [7, с. 40]. Точно так же и функциональные места, если они не наделены символической аурой, не становятся функциональными местами памяти, будь то школьный учебник или завещание. Эти три модуса всегда будто бы сосуществуют.

Этот подход хорошо проиллюстрировал в своем исследовании Мишель Винок. Его работа «Жанна д'Арк» связана с анализом памяти об Орлеанской девице. Историк приходит к выводу, что память о Жанне д'Арк представляет собой разорванную линию: «Впавшая в немилость и вырождавшаяся в период с XVI по XVIII в., она становится удивительно распространенной в XIX в.» [3, с. 239]. Более непрерывной память сохранилась в Орлеане, Домреми и Руане. В меньшей степени память о Жанне д'Арк сохранилась в Париже. В сердце Франции юная жительница Лотарингии превратилась в орудие политических битв: «Восторженная сторонница монархии, всегда приводимая в качестве примера и живого доказательства присутствия сверхъестественного в истории, априори не могла соответствовать республиканскому духу, возводящему свою генеалогию к эпохе Просвещения» [3, с. 257]. Она же стала и покровительницей ультраправых.

В каком-то смысле издание под редакцией Пьера Нора само стало «местом памяти» для Франции. К нему сегодня обращаются, скорее, как к справочнику. И тем не менее у этого проекта есть критики. Среди них – британский историк Тони Джадт, который писал: «Пьер Нора всегда твердо настаивал на том, что его проект

не должен превратиться в «туристическую прогулку по садам прошлого» – однако это как раз то, во что рискует превратиться его многотомное издание» [4, с. 56]. Джадт подчеркивал, что в проекте есть важные упущения: нет статей о Наполеоне Бонапарте и его племяннике Луи Наполеоне. Само исследование носит неопределенный характер. Его можно понять только в контексте того времени и той страны, в котором оно появилось. При этом Джадт утверждал – для французских историков это было «смутное время», когда ряд течений утратили свое влияние. В их числе оказалась школа «Анналов»: она «распалась потому, что популярные в 1960-е гг. модели анализа исторического процесса, ставящие во главу угла глубокие, почти неизменные геоисторические структуры, потеряли свою притягательность в новом культурном климате следующего десятилетия» [4, с. 69].

Спустя почти 10 лет после завершения проекта «мест памяти», в 2002 г. в журнале «Transit» была опубликована статья Пьера Нора «Всемирное торжество памяти». В этой работе он дополняет свои взгляды на проблему актуальности памяти и истории, а также исторической реконструкции. Нора пишет о том, что в последние 20-25 лет наблюдаются процессы восстановления отнятого прошлого, растет число мемориальных мероприятий, музеев, и первой вступила в эпоху «воспоминания» Франция. Одной из причин этого стал кризис 1974 г. После экономического спада страна осознала утрату своих аграрных основ – крестьянства. «Это был подлинный конец “общности памяти”» [6]. На то, что память деревни жива, указывали лишь книги. К тому же на расцвет мемориальной культуры повлияли разрыв с голлистской традицией и идейный крах марксизма.

Движение памяти Нора назвал «мемориальной эпохой». Ее появление и актуальность связаны с двумя феноменами: временем и обществом. История ускоряется, из нее «вытаскивается» удаляющееся прошлое, разрушается единство исторического времени. Прошлое перестает быть гарантией будущего, а настоящее сплочено с памятью. Причину начала «мемориальной эпохи» Нора видит еще и в демократизации истории. Помимо этого, смысловую инверсию претерпевает идентичность: из индивидуального это понятие становится коллективным. Теперь это слово стало категорией группы. Секрет одержимости национальной памятью заключается в переходе от исторического самосознания к социальному сознанию: «Вместо

национальной идентичности – торжество социальных идентичностей» [6]. Следствием расцвета памяти стало все большее использование ее в политике, туризме и коммерческой сфере. При этом мемориальное изобилие доказывает, что «прошлое утратило единый смысл и что настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого» [6].

Таким образом, в исследованиях Пьера Нора четко прослеживается синкретизм концепций, предложенных Морисом Хальбваксом, историками «Школы Анналов» и Мишелем Фуко. Вместе с тем Нора удается создать новую теорию и успешно реализовать проект «мест памяти». Способ исторической реконструкции, предложенный Нора, позволяет сегодня иначе взглянуть на многие факты прошлого, очистить их от мифологизации и излишней политизации. Вместе с тем изучение «места памяти» позволяет глубже понять природу коллективной памяти, роль личности и события в ней, и ее демаркацию с историей.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Винок М. Жанна д'Арк // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 225-259
4. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чья места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 44-71.
5. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. 1991. М.: Наука, 1991. С. 48-59.
6. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
8. Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историков Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. №4. С. 75-84.

9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

10. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2004.

#### REFERENCES

1. Assmann, A., 2014. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shade of the past: Memorial culture and historical politics]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (in Russ.)

2. Assmann, A., 2016. Novoye nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy [The new discontent with memorial culture]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (in Russ.)

3. Winock, M., 1999. Zhanna d'Ark [Joan of Arc]. In: Frantsiya-pamyat'. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 225-259. (in Russ.)

4. Judt, T., 2011. «Mesta pamyati» Pjera Nora: Ch'i mesta? Ch'ya pamyat'? [Pierre Nora's "Sites of memory": Whose sites? Whose memory?]. In: Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati: sbornik statey. Moskva: Novoye izdatel'stvo, pp. 44-71. (in Russ.)

5. Duby, G., 1991. Razvitiye istoricheskikh issledovaniy vo Frantsii posle 1950 goda [The development of historical research in France after 1950]. In: Odissey. Chelovek v Istorii 1991. Moskva: Nauka, pp. 48-59. (in Russ.)

6. Nora, P., 2005. Vsemirnoye torzhestvo pamyati [Worldwide triumph of memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (in Russ.)

7. Nora, P., 1999. Problematika mest pamyati [Problems of sites of memory]. In: Frantsiya-pamyat'. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17-50. (in Russ.)

8. Filippova, E.I., 2011. Istoriya i pamyat' v epokhu gospodstva identichnostey (beseda s deistvitelnym chlenom Frantsuzskoy Akademii istorikom Pierom Nora) [History and memory in the dominance of identities epoch (a conversation with an actual member of the French Academy, historian Pierre Nora)], Etnograficheskoye obozreniye, no. 4, pp. 75-84. (in Russ.)

9. Halbwachs, M., 2005. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (in Russ.)

10. Hutton, P.H., 2004. Istoriya kak iskusstvo pamyati [History as an art of memory]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)

УДК 930+528.9

DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/39-52](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/39-52)

С.А. Головин\*

## Л.С. БАГРОВ – СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ ОДНОГО ИЗ ОСНОВОПОЛОЖНИКОВ ИСТОРИИ КАРТОГРАФИИ

Статья посвящена биографии и научным изысканиям известного русского эмигранта, коллекционера и одного из основоположников истории картографии Л.С. Багрова. Автор рассматривает основные периоды и неизвестные факты из жизни историка картографии, его исследовательскую деятельность и научные интересы, приводит библиографическое описание всех его трудов, имеющих отношение к истории картографии России.

*Ключевые слова:* Л.С. Багров, биография, история картографии, старинные карты

**Towards a biography of Leo Bagrow, one of the founders of the history of cartography.** SERGEY A. GOLOVIN (Blagoveshchensk State Pedagogical University)

The article is devoted to the biography and research of the famous Russian emigre, collector and one of the founders of the history of cartography Leo Bagrow. The author considers the main periods and unknown facts from his life, focusing on his research activities and scientific interests, and gives a thorough bibliographic description of all his works related to the history of cartography in Russia.

*Keywords:* Leo Bagrow, biography, history of cartography, ancient maps

Имя Льва Семеновича Багрова известно каждому любителю исторической географии, он по праву считается одним из основоположников такой специальной исторической дисциплины, как история картографии. Однако любой заинтересовавшийся личностью этого ученого столкнется с многочисленными «белыми пятнами» в его биографии. Широко распространенные в различных энциклопедических изданиях краткие биографические сведения грешат рядом неточностей и вызывают вопросы.

Багров Лев Семенович (Leo Bagrow) (1881-1957) родился не 24 июня (5 июля) 1881 г. в Соликамске в Пермской губернии, как сообщается в современных справочниках, а 12 июня (24 июня) 1881 г. в Веретье, небольшой железнодорожной станции в Пермской губернии. Об

этом свидетельствуют «Список старшинства офицерских чинов Флота и Морского ведомства на 1917 г.» и другие официальные документы Российского Императорского военно-морского флота. Иными словами, дата «12 июня» соответствует юлианскому календарю, который действовал в России до 1918 г., а дата «24 июня» отвечает григорианскому календарю, который принят в современном мире.

Ни в одной работе до недавнего времени не приводилось сведений о сословной принадлежности Багрова, сам Лев Семенович также тщательно избегал этой темы. Архивно-исследовательская работа А. Володченко устранила этот пробел в историографии [15]. Отец Льва Семеновича был по происхождению обрусевшим евреем из Херсона, по матери, урожденной Ген-

\* ГОЛОВИН Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета.

E-mail: [gol\\_70@mail.ru](mailto:gol_70@mail.ru)

© Головин С.А., 2018

риетты Клейдер, в нем текла немецкая кровь. Семен Исаакович Багров (1851-1929), окончивший с золотой медалью Херсонскую гимназию (1871) и Санкт-Петербургский институт инженеров путей сообщения (1876), за годы долгой и успешной деятельности на разных должностях в железнодорожном ведомстве указом Сената от 28 января 1891 г. был произведен в титулярные советники за выслугу лет с возведением в потомственное дворянство.

В литературе крайне скупо излагаются вехи детского и юношеского периодов жизни Л.С. Багрова. Помимо старшего сына Льва-Эдуарда, в семье было еще двое детей – дочь Полина-Берта (род. 1884) и сын Григорий-Эдмунд (род. 1885). Родная мать Льва Багрова умерла в его раннем детстве, в дальнейшем его воспитанием занималась мачеха, вторая жена С.И. Багрова – Мария Яковлевна Рашкович. От этого брака в семье Багровых в 1894 г. родилась дочь Вера-Евгения [15, с. 9]. Согласно евангелическо-лютеранской традиции, детям в семье давались двойные имена. Евангелическо-лютеранское вероисповедание Льва Багрова также отражено и в документах Российского военно-морского флота.

Начальное и среднее образование он получил в гимназиях Уфы, Пензы, Тамбова, Петербурга, поскольку семья часто переезжала в связи с переводами отца на новое место службы. Гимназическое образование он заканчивал (1899-1902) в одном из элитных образовательных учреждений Петербурга – в частном учебном заведении «Гимназия и реальное училище Гуревича», директором которого был известный русский педагог и общественный деятель Яков Григорьевич Гуревич (1843-1906). Вместе с Л.С. Багровым в гимназии учились ставшие его школьными приятелями выдающийся русский композитор и дирижер Игорь Федорович Стравинский (1882-1971) и один из основателей факультета географии ЛГУ, участник ряда научных экспедиций на Крайний Север Дмитрий Дмитриевич Руднев (1879-1932).

В 1902 и 1903 г. Лев Багров дважды зачислялся на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, оба раза он был отчислен с первого курса за неуплату за обучение. В 1903 г. он поступил в Археологический институт в Петербурге, воспользовавшись своим правом на прием в число вольнослушателей института, который успешно окончил в следующем году с дипломом специалиста по русской старине (ар-

хеология и архивоведение) и званием действительного члена института. В институте лекции по исторической географии и этнографии России ему читал профессор Сергей Михайлович Середонин (1860-1914), который одновременно преподавал курс русской истории в Петербургском университете.

В июне 1905 г., в ходе русско-японской войны (1904-1905), Багров был призван на военную службу и зачислен юнкером в 18-й флотский экипаж. По факту он был приписан к отдельным гардемаринским классам при Морском кадетском корпусе в Санкт-Петербурге. В ходе обучения он участвовал в статусе юнкера в трех внутренних плаваниях на учебных кораблях – крейсерах «Герцог Эдинбург» и «Африка», броненосце «Слава», и в заграничном плавании на пароходе Добровольного флота «Петербург» (ноябрь 1905 – январь 1906 гг.), выполнявшего одиночный рейс во Владивосток и обратно в рамках передислокации войск с азиатского театра войны в европейскую часть страны. Сохранился приказ по военно-морскому ведомству от 28 августа 1906 г., согласно которому корабельный гардемарин (с 17 мая 1906 г.) Л.С. Багров производился в подпоручики по Адмиралтейству, с зачислением в запас флота.

В послужном списке морского офицера Л.С. Багрова имеется два перерыва в прохождении военной службы, когда он пребывал в запасе: с сентября 1906 по октябрь 1908 гг., с июня 1912 по октябрь 1914 гг. Иными словами, на военно-морской службе он находился в 1905-1906, 1908-1912 и 1914-1918 гг. В 1911 г. был произведен в чин мичмана флота, в 1916 г. – лейтенанта флота. С началом Первой мировой войны он числился в списках 2-го Балтийского флотского экипажа.

Конечно же, кадровым офицером русского флота Л.С. Багров не был, а его воинские звания объясняются службой в Главном гидрографическом управлении Морского министерства (Военно-морского ведомства, Адмиралтейства). В 1908-1912 гг. он состоял на службе в Кронштадтском отделе данного управления, а в 1914-1916 гг. — во 2-м Прибалтийском отделе. В 1916-1917 гг. был переведен в Сибирский флотский экипаж и командирован на российский Дальний Восток для прохождения службы в Амурской военной флотилии.

Л.С. Багров участвовал в ряде экспедиций российского военно-морского флота, организованных с целью проведения гидрографических работ (съемок) в Финском заливе (1908, 1910-

1911 гг.) и Каспийском море (1909 г.). Прослушав в 1910 г. курс временных штурманских классов при Гидрографическом управлении в Петербурге, в августе 1911 г. он был переведен во флот с присвоением звания мичмана. 15 апреля 1912 г. он был неожиданно для себя зачислен в Сибирский флотский экипаж с переводом в Амурскую речную флотилию. Однако уже 1 июня 1912 г. приказом по Морскому ведомству подпоручик по Адмиралтейству Л.С. Багров был вновь отправлен в запас флота (Российский государственный архив Военно-Морского флота, далее – РГА ВМФ. Ф. 406, Оп. 10. Д. Б-136), возможно, по причине отказа выехать к новому месту назначения.

С 6 июля по 26 сентября 1912 г. Багров возглавлял экспедицию «Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов» на судне «Нимрод», которым командовал капитан Н.Л. Копытов. Экспедиция направлялась в Карское море с целью сооружения радиотелеграфных станций на острове Соколем в проливе Югорский Шар, на северной оконечности острова Вайгач и на западном берегу полуострова Ямал вблизи мыса Маре-Сале в устье реки Мараяга. Маршрут плавания проходил от Петербурга до полуострова Ямал с заходом в Кронштадт, Тромсе, Гаммерфест, Александровск-на-Мурмане (с осмотром Мурманской биологической станции). В Архангельске к экспедиции присоединился товарищ Багрова Д.Д. Руднев, командированный Министерством торговли и промышленности для установки на о. Вайгач и в проливе Югорский Шар метеорологических станций. Выполнив поставленные задачи, экспедиция в конце сентября 1912 г. возвратилась в Петербург через Архангельск.

В предвоенные годы окончательно сложился круг научных интересов молодого ученого. В период гидрографических работ в Финском заливе Л.С. Багров познакомился с последними научными публикациями А.-Э. Норденшельда (1832-1901) и с его коллекцией старинных карт, хранящихся в библиотеке Гельсингфорского университета (Хельсинки). Это постепенно сместило круг научных интересов Багрова к истории картографии. Подобно своему великому предшественнику он начал собирать старинные карты не просто с целью формирования коллекции, но и для последующей их публикации и научного исследования. Его первые печатные работы 1912-1914 гг., помимо публикации научного отчета (1912-1913 гг.) об экспедиции в Карское море [13], были посвящены

старинным картам Каспийского и Черного морей, Сибири, первой карте Московской губернии [3; 6; 7; 8; 10].

В ноябре 1913 г. Багров по поручению Главного гидрографического управления организовывал картографический отдел на Сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставке Черноморского побережья Кавказа («Русской Ривьере»), в экспозиции которого было выставлено 49 старинных карт [2].

В предвоенные и военные годы Л.С. Багров был одним из учредителей при создании в Петербурге (Петрограде) Географического бюро (1910-1914 гг.) и Высших географических курсов (1914-1918 гг.) при так называемом Докучаевском почвенном комитете (с 1912 г.), стоявших у истоков основания Института географии. Активно участвуя в деятельности этих научных организаций, он выполнял обязанности секретаря Курсов (до отъезда на российский Дальний Восток), одновременно читая лекции по навигации.

Перед началом войны в 1914 г. он принимал участие в проекте Переселенческого управления и Главного управления землеустройства и земледелия по созданию трехтомника «Азиатская Россия», в рамках которого был издан «Атлас Азиатской России». При составлении «Атласа...» Багров написал вступительный очерк по истории картографирования Азиатской России, подобрав для публикации несколько первых старинных карт этой территории для факсимильных репродукций (карта Энтони Дженкинсона 1562 г., несколько карт из «Чертежных книг» Семена Ремезова) [5].

С началом Первой мировой войны, в конце октября 1914 г. Багров был снова призван на службу и зачислен во 2-й Балтийский флотский экипаж. После произведения в чин лейтенанта в начале августа 1916 г. он был командирован в Приамурское генерал-губернаторство в штат Амурской речной флотилии, где проходил службу в должности старшего офицера на канонерской лодке «Шторм» под командованием капитана 1-го ранга В.Д. Жеребцова (1868-1921). За девять месяцев пребывания на российском Дальнем Востоке Л.С. Багров совершил два сторожевых плавания по Амуру (22 августа – 7 ноября 1916 г., 1 марта – 15 апреля 1917 г.), принимая активное участие в деятельности «Кружка офицеров Амурской речной флотилии» (1913-1917) под руководством старшего лейтенанта флота П.А. Панаева (1884-1918). В последнем 32 номере печатно-

го рупора «Кружка...», в «Вестнике Амурской флотилии» за январь 1917 г., была опубликована статья лейтенанта Л. Багрова «Древний Амур. О чертеже 1672 г.».

В 1917-1918 гг. Багров возвратился к активной преподавательской деятельности на Высших географических курсах, добившись в апреле 1917 г. своего перевода с Амура в Петроград. В этот период творческой деятельности он публикует учебное пособие по истории географии [9] и свое первое сочинение, посвященное истории географических карт [4]. В связи с этим отметим, что декрет о создании в Петрограде Института географии был подписан наркомом по делам просвещения А.В. Луначарским 3 декабря 1918 г., уже после отбытия четы Багровых в эмиграцию. Иными словами, он никогда не преподавал и не заведовал кафедрой истории в этом институте, который в 1928 г. был преобразован в географический факультет ЛГУ.

Круг интересов молодого ученого не ограничивался только научно-преподавательской деятельностью и службой в Гидрографическом управлении. В молодости Багров серьезно увлекался музыкой и даже подумывал сменить научное поприще на музыкальную стезю. От данного шага его заставило отказаться резкое неприятие этого проекта отцом. В петербургский период своей жизни Багров поддерживал приятельские отношения со многими музыкантами, в том числе со знаменитым русским композитором и дирижером И.Ф. Стравинским (1882-1971), с которым они были ровесниками и вместе учились. Любовь к музыке Л.С. Багров сохранил на протяжении всей своей жизни, несмотря на резко прогрессирующую глухоту. В поздние годы жизни он пользовался слуховым аппаратом. На фоне общего увлечения музыкой он познакомился в Тамбове со своей будущей женой, зубным врачом по профессии Ольгой Михайловной Ладен (1881-1981), которая в 1909 г. вышла за него замуж и оставалась ему верным спутником жизни и единомышленником вплоть до его кончины.

В ноябре 1918 г. Л.С. Багров и его жена эмигрировали из Советской России и поселились в Берлине, в котором прожили до апреля 1945 г. На момент выезда из страны Багров находился на флотской службе, состоя с весны 1918 г. начальником Управления грузовых перевозок Балтийского флота. Берлинский период его жизни наименее известен и наполнен биографическими загадками.

Вот что сообщает об этом этапе жизни ученого английский историк Р.-Э. Скелтон<sup>1</sup>, автор официального некролога Л.С. Багрова, опубликованного в 1959 г. в журнале «Imago Mundi», и его преемник на посту главного редактора этого журнала: «На этом этапе его жизни, между двумя войнами, он не позволил потребности обеспечения проживания прервать свои излюбленные [картографические] изыскания; напротив, он использовал это к их обслуживанию. Он был нанят в качестве агента различными коммерческо-финансовыми фирмами и миссиями, по заданию которых он предпринимал поездки во многие страны мира. Это обеспечило ему возможность в свободное время заниматься поиском старинных карт. В ходе поездок в страны Европы и Азии, Африки и Северной Америки он посещал основные библиотеки и архивы, и мог, по словам доктора Л. Левенсона<sup>2</sup>, “обнаружить с удивительным инстинктом самые редкие карты в самых малоизвестных углах мира”» [18, с. 8].

С точки зрения источниковедческого анализа возникает закономерный вопрос: что это «за различные коммерческо-финансовые фирмы и миссии, по заданию которых он [Багров] пред-

<sup>1</sup> Роли Эшли Скелтон (1906-1970) – английский историк картографии. Родился в Плимуте, окончил Пемброк-колледж в Кембридже. В 1931-1953 гг. – помощник хранителя отдела печатных книг Британского музея, с перерывом на военную службу в 1939-1945 гг. В 1953-1967 гг. – заместитель хранителя отдела печатных книг Британского музея. Целенаправленно изучением истории картографии занялся после возвращения с военной службы в 1945 г. В отставке с 1967 г. Член многих научных обществ и организаций («Общества антикваров» в Лондоне, Королевского исторического общества, Королевского географического общества и др.). В 1957-1970 гг. – преемник Л.С. Багрова на посту главного редактора журнала по истории картографии «Имаго Мунди» («Imago Mundi»). Редактор немецкого (1963) и английского переизданий (1964) книги Л.С. Багрова «История картографии».

<sup>2</sup> Левенсон Лев Сергеевич (1884-1968) – русский историк-эмигрант, специализировавшийся на истории России XVII в., библиограф, друг и коллега Л.С. Багрова. Окончил с золотой медалью московскую гимназию Петра и Павла (1904), Петербургский университет (1906-1911), Археологический институт в Петербурге (1911-1913), где познакомился с Л.С. Багровым. В 1913 г. уехал на стажировку в Германию, где до начала 1930-х гг. был научным сотрудником Берлинского университета. В 1933 г. эмигрировал в Англию, где впоследствии работал в должности и.о. директора библиотеки Лондонской школы славянских и восточноевропейских исследований.

принимал поездки во многие страны мира»? Что это были за задания? К сожалению, о них на данный момент ничего неизвестно, этот вопрос до сих пор покрыт завесой тайны. Иными словами, на сегодняшний день ничего неизвестно об источниках доходов Л.С. Багрова в берлинский период его жизни. Где и кем служил или работал? Вид служебной деятельности? На какие средства содержал семью? Где и как находил средства на покупку старинных карт? Отметим, что университет он так и не закончил, не имел каких-либо академических званий и научных степеней.

В Германии, в отличие от Чехии и Югославии, русских эмигрантов не принимали на службу в госучреждения. Официально до 1933 г. Багров с женой оставались лицами без гражданства (апатридами), с приходом к власти нацистов они взяли так называемые паспорта Нансена, выдаваемые для беженцев. Однако нансеновские паспорта, хотя и решали частично правовую проблему пребывания в Германии, но не устраняли трудностей для беженцев при переезде из страны в страну, при получении разрешений на работу, не давали прав на пособия по инвалидности, болезни, безработице и т.п. В Германии каждый эмигрант имел право получить в полиции краткосрочное немецкое удостоверение личности («желтый паспорт» для внутреннего пользования). Однако для пересечения границы был нужен еще и «белый паспорт», который выдавала «Организация по защите интересов русских беженцев» в Берлине. По немецкому удостоверению личности происходил выезд из Германии, по русскому эмигрантскому паспорту с соответствующими визами – въезд в другую страну.

В таких условиях возможности передвижения по миру Багрова, как лица без гражданства или обладателя нансеновского паспорта, должны были быть весьма затруднительными. Тем не менее, в 1920-е – 1930-е гг. Багров достаточно свободно передвигался по различным уголкам мира, привозя из своих поездок, как считается, все новые экземпляры для своей знаменитой коллекции старинных карт. Известно, что он побывал в Сеуле (1914), Токио (1919), Пекине (1919), Сиаме (Таиланде), Бирме (Мьянме), дважды посетил Японию. В Германии его коллекция пополнялась картами, приобретенными в Лондоне, Париже, Амстердаме и Гааге.

В 1923 г. Л.С. Багров публикует в Берлине в «Трудах русских ученых за границей» (1922-

1923 гг., всего 4 сборника) свою статью «Чертеж Украинским и Черкасским городам XVII века» [12]. В том же году издает в Берлине небольшую книжку «Структура предпринимательских организаций», никак не связанную со сферой его научных интересов.

Далее в его биографии следует загадочная история сотрудничества с немецким финансовым магнатом Хуго Стиннесом, на которого впоследствии Багров будет ссылаться при объяснении причин появления у него «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. Об этом проекте известно немного. В 1923 г. Багров и доктор Рудольф Бекер возглавили как доверенные лица Х. Стиннеса «Наблюдательный совет» кинофирмы «Westi», основанной Стиннесом и кинопродюсером Владимиром Венгеровым. В апреле 1924 г. умирает Х. Стиннес, в мае 1925 г. его наследники забирают свою часть капитала, в августе 1925 г. фактически обанкротившаяся кинофирма «Westi» ликвидируется [15, с. 39].

В марте 1927 г. Багров вместе друзьями-коллегам – владельцем берлинского антикварного магазина «Россика» Ю.С. Вейцманом, историками Л.С. Левенсоном и библиографом С.О. Якобсоном – основал в Берлине «Кружок любителей русской старины», главной движущей силой которого он оставался до 1933 г. В 1932 г. он издал на собственные средства сборник трудов («Чтения») этого исторического общества. В этот период своей научной деятельности Багров публикует статьи о начальном этапе русского исследования Амура [23], о средневековой картографии Германии [20], каталог изданных и известных географических карт Абрахама Ортелиа [21; 22].

С приходом к власти в Германии нацистов «Кружок...» прекратил свое существование: в 1933 г. Л.С. Левенсон и С.О. Якобсон (в 1940 г. переехал в США) эмигрируют в Англию, Ю.С. Вейцман – в Польшу, Багров остается в Берлине [1, с. 40].

26-28 ноября 1934 г. Л.С. Багров в сотрудничестве с доктором Мартином Раммингом (1899-1988) организовал в Берлине в Институте изучения Японии выставку старинных японских карт из его коллекции (219 экземпляров). Судьба его собрания старинных японских карт, как и большей части экспонатов из его коллекции, до сих пор остается неизвестной.

Именно в 1930-е гг. Багров задумал ряд крупных научных проектов по истории картографии, которые включали:

– публикацию каталога напечатанных географических карт XVI в. (существует только как машинописный алфавитный список) [24];

– создание «Энциклопедии старинных карт» (этот проект так и не был реализован);

– основание периодического (ежегодного) научного издания, посвященного истории картографии;

– издание серии статей по истории картографии с публикацией факсимиле старинных карт;

– написание и публикацию обобщающей монографии по истории картографии.

Из этих проектов были реализованы только три последних.

В 1935 г. в Берлине под редакцией Л.С. Багрова был опубликован первый выпуск международного научного журнала по истории мировой картографии «Imago Mundi» («Образ Мира»). Первый номер журнала содержал статьи на немецком и английском языках, тираж был отпечатан на средства со-основателя издания, книготорговца еврейского происхождения Ганса Вертхайма (1884-1938), который в том же году эмигрировал в Бельгию. В 1937-1938 гг. немецкое издательство «Bibliographikon» и торговый дом «Вертайм» были экспропрированы нацистскими властями.

Второй (1937) и третий (1939) выпуски «Имаго Мунди» были опубликованы в Лондоне книгоиздательством Г. Стивенса «Son & Stiles», соредакторами этих номеров выступали Л.С. Багров и сотрудник Британского музея Э. Лайнэм (1886-1950). С выпуском этих номеров в журнале закрепилась практика публикации научных статей только на английском языке (допускается публикация тезисов отдельных статей на французском, немецком и испанском языках). Для Багрова это означало возникновение дополнительных трудностей при осуществлении редакционной деятельности, так как на тот момент он в совершенстве владел только русским и немецким языками, а знание английского приобрел только со временем. В 1935-1957 гг. (с перерывом с 1940 по 1946 гг.), при жизни Л.С. Багрова, вышло 13 выпусков «Imago Mundi».

В 1938 г. в Амстердаме Багров принял участие в работе XVI международного географического конгресса, на котором выступил на секции исторической географии с докладом о картографическом наследии Птолемея и изложил свои научные требования к публикации факсимиле старинных карт [27]. Стандарты Багрова, предъявляемые к копированию и изданию фак-

симиле старинных карт, были чрезвычайно высоки. В ходе работы секции Багров предложил начать издание серии альбомов старинных карт под названием «Anecdota Cartographica», первый выпуск которых был издан в 1935 г. Украинским научным институтом в Берлине под названием «Die ersten Karten der Ukraine (XVII Jh.)» [25]. Однако продолжение этого проекта было реализовано только в 1950-е гг.

Из научных трудов Багрова второй половины 1930-х гг. также выделим статьи о первом русском печатном атласе И.К. Кирилова [26] и венецианской картографии XVI в. [28; 29].

В череде различных разрозненных свидетельств о берлинском периоде жизни Л.С. Багрова выделяется своей спецификой воспоминание И.П. Новопашенной, младшей дочери известного русского эмигранта, капитана 1-го ранга П.А. Новопашенного<sup>3</sup>: «...Интересовались им [отцом] и американцы... Несколько раз из СССР к нам подсылали моряков, якобы друзей, которые слишком вездично расспрашивали о работе отца. А подселившийся к нам на квартиру некто Лев Семенович Багров вел себя настолько подозрительно, что мы не без оснований считали его агентом НКВД. При всем при том, Багров числился в “Союзе моряков”, возглавляемом отцом. Следы этого человека таинственно исчезли в Швеции...».

Конечно же, на наш взгляд, никаким агентом НКВД Л.С. Багров не был. Все известные факты его биографии прямо свидетельствуют о неприязни им советской власти в России: эмиграция через год после прихода к власти большевиков, жизнь в Третьем рейхе, выезд из Берлина в Стокгольм на шведском дипломатическом самолете накануне штурма столицы Германии частями Красной Армии, продажа «Хорографической чертежной книги Сибири» библиотеке Гарвардского университета... Из свидетельства Ирины Новопашенной, на тот момент (1994 г.) проживавшей в г. Виктория (Канада), логически вытекает обратное предположение...

Пристальное внимание различных спецслужб в 1930-е гг. к П.А. Новопашенному (1881-1950) объясняется его гидрографическими знаниями Северного морского пути и его

<sup>3</sup> Новопашенный Петр Алексеевич (1881-1950) – офицер русского военно-морского флота, участник гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана Б.А. Вилькицкого, капитан 1-го ранга, участник Белого движения на Северо-Западе России, глава «Союз взаимопомощи служивших в Русском военном флоте» в Берлине.

службой в 1916-1917 гг. в Отделе военно-морской разведки и связи Балтийского флота у контр-адмирала А.И. Непенина (1871-1917). Служба связи Балтийского флота (официальное наименование отдела военно-морской разведки и связи) в годы Первой мировой войны организовала систему наблюдения с использованием радио – и авиационных методов разведки, перехвата и дешифровки немецких радиосообщений. Вскоре после назначения в сентябре 1916 г. адмирала Непенина командующим Балтийским флотом его преемником в «Черном кабинете» или «Сосновом ските», как называли Центр радиоразведки русские морские офицеры, где при помощи аппарата, «читающего чужие мысли», дешифровывали перехваченные немецкие шифрограммы, стал капитан 1-го ранга П.А. Новопашенный.

С середины 1930-х гг. военная машина Третьего рейха всеми доступными средствами собирала разнообразную информацию со всех уголков мира. Ряд сведений географического, исторического, военного и экономического порядка, как отмечает историк германских спецслужб Луи де Йонг, накапливался немецкой разведкой благодаря связям с такими учреждениями, как Немецкий институт по изучению зарубежных стран (Deutsche Ausland Institut) в Лейпциге, а также такими крупными немецкими фирмами, как «И.Г. Фарбен», «Крупп», «Цейс», «Рейнметалл-Борзиг».

В системе абвера действовал хорошо налаженный научно-информационный центр, который добывал страноведческие данные, анализировал их, хранил и выдавал по первому требованию родов войск для подготовки военных операций любого масштаба – от высадки диверсионной группы с борта яхты в какой-нибудь безвестной небольшой бухточке до массированного вторжения. Этот специальный секретный научно-информационный центр существовал под кодовым наименованием «Раумкоппель».

После разгрома нацистской Германии в провинции Мекленбург в библиотеке и архивах специального разведывательно-информационного центра «Раумкоппель» было обнаружено около 30 тыс. книг частично специального, частично популярно-повествовательного характера (например, путевые записки), свыше 250 тыс. географических карт разных районов земного шара, более 50 тыс. документальных фотографий районов, интересовавших немецкую разведку, и огромное количество географи-

ческих или имеющих отношение к географии журналов из всех стран мира. Здесь же хранились материалы экспедиций дирижабля «Граф Цеппелин» в СССР.

В связи с этим возникает вопрос о прямой или косвенной взаимосвязи загадочных коммерческо-финансовых фирм, на которые работал, путешествуя по всему миру Л.С. Багров, с научно-информационным центром «Раумкоппель». Прояснить истинность этого предположения сможет только дальнейший поиск и открытие новых источников.

О берлинском периоде жизни Л.С. Багрова с 1940 по 1945 гг. мало что известно. В 1943 г. он закончил работу над обобщающей монографией «История картографии», в которой были отражены основные этапы развития картографии с древнейших времен до конца XVIII в. Однако первое издание этой знаменитой монографии сгорело в 1944 г. при бомбежках столицы Германии на стадии типографского набора.

В апреле 1945 г. Л.С. Багров и его жена были вывезены на шведском дипломатическом самолете из Берлина в Стокгольм. 22 апреля 1945 г., в ночь на воскресенье, за день до штурма Берлина, из берлинского аэропорта Темпельхоф вылетел последний шведский самолет. На борту были четыре пассажира – лейтенант Торстен Агрелл, шведский курьер министерства иностранных дел и двое подданных бывшей Российской империи, ученый Лео Багров и его жена Ольга, которые привезли в своем багаже живого ручного воробья. Семья Багрова благополучно добралась до Швеции, но как позднее выяснилось, 64-летний Лев Багров находился в бедственном положении (без денег, без своей знаменитой коллекции карт и к тому же, глухой).

Большая часть его коллекции старинных карт нашла пристанище в шведском посольстве в Берлине и впоследствии проследовала за ним в Швецию; однако значительная часть его научного архива и личных записей была безвозвратно потеряна при переезде. Швеция стала для Л.С. Багрова третьей родиной, ему пришлось с азов постигать новый язык, в 1952 г. он стал гражданином этой страны, не имея до этого никакого гражданства в течение 34 лет (с 1918 г.).

Организаторами кампании по переезду Багрова в Швецию выступили в феврале 1945 г. заведующий отделом Королевской библиотеки в Стокгольме Йозеф Хаглунд (1900-1981) и шведский археолог Туре Арне (1879-1965),

которые направили множество писем в защиту русского ученого-эмигранта в различные научные учреждения Франции, Италии, Великобритании и США с просьбой о его трудоустройстве. Однако действие возымело только обращение к шведскому наследному принцу Густаву Адольфу.

В 1947 г. Багров организовал в Стокгольме при поддержке президента Картографического общества Швеции полковника Эйнара Брэтта (1886-1975) и офицера отдела карт и чертежей шведского Военного архива Харальда Келина (1888-1965) выставку старинных карт, которая с большим успехом прошла в шведской столице в Национальном музее с 24 января по 2 февраля. На ней экспонировалось 372 старинные карты из коллекций шведского Национального музея (158), Военного архива (60), коллекции Л.С. Багрова (42) и др. Вторая подобная выставка под названием «Старинные карты. Мир – Северо-Западное побережье – Гетеборг» была проведена в Морском музее с 4 по 30 мая 1948 г. в Гетеборге.

В 1947 г. Багров возобновил выпуск журнала «Imago Mundi». При поддержке и попечительстве фонда «Гуманистика», возглавляемого кронпринцем, будущим королем Швеции (с 1950 г.) Густавом VI Адольфом (1882-1973), журнал вступил в эпоху своего расцвета.

Из его научных статей стокгольмского периода жизни выделим труды, посвященные истокам картографии России [11], первым русским картам Сибири [35], картам Сибири из коллекции шведского дипломата Ю.-Г. Спарвенфельда [30], чертежу Сибири Н.Г. Спафария [34], чертежам С.У. Ремезова [38], карте Амура Афанасия Бейтона [39], карте первой морской экспедиции Витуса Беринга [32], первой русской печатной карте Я.В. Брюса и Г. фон Менгдена [40], проектировавшемуся с начала XVIII в. Волго-Донскому каналу [36] и старинной русской карте мира [37].

В Стокгольме Багров продолжил издание редких старинных карт в альбомной серии под наименованием «Anecdota Cartographica». Второй альбом этой серии под названием «Vingboon's maps in Sweden» (4 рукописные карты голландского картографа XVII в. Вингбона, отображающие Северный и Южный полюса, Тихий и Атлантический океаны) был опубликован в шведской столице в 1948 г. [31]. Третий альбом под названием «Maps of the Neva river and adjacent areas in swedish archives» (24 старинные шведские карты), подготовленный со-

вместно с Харальдом Келином, был издан Багровым в 1953 г. в Мальме [19].

В 1951 г. в Берлине была издана на немецком языке монография Л.С. Багрова «История картографии» [33]. Подготовленный для книги прежний репродукционный материал был уничтожен при бомбежках Берлина, Багров кропотливо повторно собрал его, но остался в итоге разочарованным качеством иллюстраций, которые сопровождали книгу. Уже тогда он задумал переиздание своего сочинения.

«История картографии» выдержала множество переизданий на немецком и английском языках. Однако все они вышли из печати уже после смерти автора. В 1963, 1965, 1973 гг. этот труд Багрова издавался на немецком языке в Берлине под общей редакцией Р.-А. Склелтона, который внес в первоначальный вариант ряд изменений и дополнений [41]. Первое англоязычное издание этой монографии в редакции Р.-А. Склелтона вышло в 1964 г. в Лондоне [42]. В 1964 и 1966 гг. этот труд дважды переиздавался на английском языке в Кембридже (США) издательством Гарвардского университета, в 1985 г. – в Чикаго.

Другой фундаментальный научный труд Л.С. Багрова, двухтомник «История русской картографии», был опубликован только в 1975 г. в Онтарио под общей редакцией канадского картографа и издателя этой работы Генри Кастнера, который не только переработал текст английского перевода рукописи автора, но и подобрал иллюстрации, дополнив их своими чертежами [43; 44]. После смерти Л.С. Багрова в 1957 г. рукопись этой книги, посвященной его другу Д.Д. Рудневу, осталась у его вдовы. В предисловии к канадскому изданию «История русской картографии» сообщается, что в ноябре 1964 г. известный голландский историк картографии Корнелиус Куман передал Генри Кастнеру перевод этого труда с русского на английский язык, который выполнила личный секретарь Л.С. Багрова Валерия Михайловна Буш (Семенова) (1909-1995).

В 2004 г. обе эти фундаментальные монографии были переизданы в Москве на русском языке в несколько упрощенном виде (с сокращением объемного научно-справочного аппарата) и некоторыми грамматическими погрешностями (в основном при переводе с английского русских имен и названий) [1].

Еще одной посмертной публикацией Л.С. Багрова является первое фототипическое (факсимильное) издание знаменитой «Хорог-

рафической чертежной книги Сибири» (171 лист, 164 чертежа, 1697-1711 гг.) С.У. Ремезова, вышедшее в 1958 г. в Гааге [47]. Несмотря на низкое полиграфическое качество, часть тиража была выкуплена АН СССР (хранилась в закрытом фонде Библиотеки им. В.И. Ленина).

Напомним читателю, что два других рукописных атласа из картографического наследия семьи Ремезовых хранятся в России: «Чертежная книга Сибири» (24 листа, 23 чертежа, 1698-1701 гг.) – в Российской государственной библиотеке в Москве, «Служебная чертежная книга Сибири» (116 листов, 50 чертежей, 1702-1720 гг.) – в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

«Хорографическая чертежная книга Сибири», входившая в книжное собрание графов Воронцовых-Дашковых, на момент русской революции (1917 г.) также хранилась в России, в Петрограде, в Переселенческом управлении, куда она была временно передана Археографической комиссией для издания атласа «Карты Азиатской России» (1914 г.). Автором вводного очерка к этому атласу является Л.С. Багров. Видимо, отбывая в эмиграцию, он вывез «Хорографическую чертежную книгу Сибири» из Советской России. Сам Багров об истории появления у него этого ценнейшего исторического источника сообщает, что его купили в 1923 г. по его просьбе у московских букинистов на средства известного коллекционера и мецената Гуго Стиннеса (1870-1924). Однако это объяснение вызывает как в российской, так и в зарубежной историографии вполне оправданный скептицизм<sup>4</sup>.

Археографическая комиссия Академии наук СССР в 1926-1927 гг. настойчиво разыскивала этот труд С.У. Ремезова и в учреждениях, пришедших на смену Переселенческому управле-

нию, и у бывших сотрудников этого ведомства, и в усадьбе графов Воронцовых-Дашковых Новотомниково (ныне Моршанский район Тамбовской области), и в библиотеке Воронцовского дворца в Крыму (Алупке), но поиски оказались безуспешными. Иными словами, в СССР о месте нахождения «Хорографической чертежной книги Сибири» узнали только перед ее изданием в 1958 г. в Нидерландах.

Еще при жизни Л.С. Багров продал оригинал «Хорографической чертежной книги Сибири» Гарвардскому университету, с тех пор он хранится в Гуфтоновской библиотеке этого университета в составе коллекции карт Сибири Лео Багрова.

Заведующий кафедрой геодезии и картографии географического факультета МГУ К.А. Салищев (1905-1988) отмечал, что 3 февраля 1956 г., на следующий день после своего доклада в Обществе географии и антропологии в Стокгольме, он встречался с Л.С. Багровым по просьбе последнего. По версии Багрова, инициатором встречи, напротив, выступил советский ученый [15, с. 56]. На встречу Багров принес «Хорографическую книгу» и ряд других раритетов и «говорил о том, что было бы хорошо, если бы русские карты вернулись в Советский Союз» [17, с. 131]. Видимо, Багров предложил СССР приобрести у него эти старинные карты. Салищев сообщает, что доложил об этой встрече на Ученом совете Географического общества СССР, но никаких последствий эта встреча в Стокгольме не имела. Дата поступления старинных карт из коллекции Багрова в библиотеку Гарварда – 12 марта 1956 г.

Эта именная коллекция русских старинных рукописных карт (1667-1726) насчитывает всего шесть инвентарных наименований:

1) «Годуновская карта» Сибири (1667). Это одна из шести старинных копий указанной карты (трех шведских, немецкой и двух русских), оригинал чертежа 1667 г. не сохранился. Автором русских копий является С.У. Ремезов. Они отличаются друг от друга лишь незначительными деталями, в основном в размещении надписей. Одна находится в «Служебной чертежной книге Сибири», другую Ремезов включил в «Хорографическую чертежную книгу Сибири» (л. 4). 8 июля 1927 г. Л.С. Багров изъял (вышил) этот лист из атласа из соображений сохранности. Соответственно, «Годуновская карта» хранится в библиотеке Гарварда отдельно от «Хорографической чертежной книги Сибири».

<sup>4</sup> Во вводной статье к изданию «Хорографической книги Сибири» 1958 г. Багров отмечает, что последняя «прямо или косвенно попала в руки Археографической комиссии, у которой она была одолжена Переселенческим управлением». [47, с. 16]. На оригинале никаких пометок, свидетельствующих о принадлежности атласа Археографической комиссии, нет. До 1917 г. он юридически оставался собственностью Воронцовых. На обороте последнего (172-го) листа «Хорографической книги» стоит отвалный штамп «Главной конторы по именным графини Е.А. Воронцовой-Дашковой». Над штампом Воронцовой-Дашковой помещена архивная заверительная надпись: «18 стран, предисловия, 162 карты, незаполнен 10 стр. Ю. Линдем. 10 апреля 1912 г.».

2) *Общий чертеж Сибири Н.Г. Спафария*, русского посла в Цинскую империю, представленный им в 1678 г. в Посольский приказ. Этот чертеж считался давно утерянным. Маршрутные чертежи русского посольства в Пекин (1675-1677) не сохранились (не найдены). В своей статье в IV томе «Imago Mundi» (1947) о картах Сибири из коллекции Спарвенфельда Л.С. Багров отмечает, что чертеж Спафария найден им в Германии. На чертеже присутствуют три печати-штампа: двух берлинских библиотек и одного института («Koenigl. Kartograph. Institut Berlin»). Как этот чертеж оказался в Германии, а впоследствии – у него в Стокгольме, Л.С. Багров не сообщает. В своей статье «Первые русские карты Сибири и их влияние на западноевропейскую картографию Северо-Восточной Азии» (1952 г.), опубликованной в IX томе «Imago Mundi», он только пишет, что «ни оригинал, ни копия чертежа Спафария не сохранились в русских архивах. Рукописная копия попала, однако, в мои руки (она находится в моем собрании и воспроизведена в моей статье о Спарвенфельде в “Imago Mundi”, IV, после стр. 68)».

3) *Общий чертеж Сибири С.У. Ремезова* (ок. 1699)<sup>5</sup>.

4) *Карта Камчатки и Курильских островов (чертеж Северо-Востока Сибири)* якутского казацкого головы А.Ф. Шестакова, доставленная в 1726 г. в Петербург. На ней показаны Камчатка, Курильские острова и пролив между Евразией и Северной Америкой (еще до экспедиций Витуса Беринга); напротив устья реки Колыма показана «Большая Земля»<sup>6</sup>[41].

5) *Карта Севера Сибири И.К. Кирилова* (ок. 1726).

6) «*Хорографическая чертежная книга Сибири*» (1697-1711). В 2011 г. в РФ благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» и Государственным историческим музеем было осуществлено ее факсимильное издание в превосходном качестве, сопровождающееся переводом на современный русский язык и обширными научными комментариями [16].

Заметим, что еще при жизни в 1956 г. Л.С. Багров распространил описание своей коллекции карт из 71 предмета старины среди нескольких потенциальных покупателей и кол-

лекционеров. Гарвардский университет купил только часть этой коллекции, в его библиотеке хранятся только старинные чертежи Сибири, дальнейшая судьба остальных карт из его собрания нам неизвестна. Например, Л.С. Багров сообщает, что в 1930-е гг. он нашел и приобрел у берлинского антиквара вариант карты Юга России («Карта земель от Москвы до Малой Азии»), составленной Г. фон Менгденом и Я.В. Брюсом в ходе второго Азовского похода Петра I (1696 г.), которую выгравировали и издали на русском языке в Амстердаме в 1697-1698 гг. в типографии Яна Тессинга. До этого был известен лишь латиноязычный вариант ее издания 1699 г. Однако непонятно, почему Багров опубликовал ее только в 1955 г. в XII томе «Imago Mundi» [40]. Где сейчас находится эта карта из коллекции Багрова – неизвестно. После смерти ученого (1957 г.) коллекция была продана его вдовой на различных антикварных аукционах.

Заведующий отделом картографии Государственного исторического музея В.Э. Булатов отмечает, что по устному преданию, бытующему в музее, Л.С. Багров, после революции некоторое время работавший в музее, завладел какими-то принадлежащими музею картами. Поскольку в условиях послереволюционного хаоса учетная работа велась неудовлетворительно, сейчас нет возможности определить, о каких картах идет речь.

Этическую оценку этих страниц биографии Л.С. Багрова, который пошел по пути Ж.-Ф. Делиля (1688-1768) и незаконно вывез русские старинные карты из страны, каждый читатель даст самостоятельно, согласно своим представлениям о нравственности и морали. Напомним только, что в России подобные документы являются национальным достоянием.

Вместе с тем необходимо отметить, что, невзирая на некорректный и незаконный характер приобретения и вывоза старинных карт из России, Л.С. Багров вводил эти ценные источники по русской истории XVII – начала XVIII вв. в научный оборот. Он опубликовал первый обобщающий труд по истории картографии и наряду с В.А. Кордтом (1860-1934) и А.-Э. Норденшельдом стоит у истоков зарождения этой специальной исторической дисциплины в России.

Л.С. Багров скончался 9 августа 1957 г. в Гааге в период подготовки к печати «Хорографической книги Сибири» и был похоронен на греческом православном кладбище этого города.

При жизни он был довольно закрытым человеком и вел достаточно замкнутый образ жизни, ему не нравились любые упоминания о политике, и он всячески избегал разговоров о ней. Близким людям он запомнился своей энергичностью и властностью, целеустремленностью и принципиальностью, нередко граничащими с упрямством и безапелляционностью, тщательностью и педантизмом в любом виде деятельности, прямой фигурой с выправкой морского офицера, присущим только ему юмором, сарказмом и иронией, невозмутимостью, теплотой по отношению к родным людям.

На сегодняшний день в историографии присутствует две оценки при определении политического мировоззрения Л.С. Багрова. В рамках одной из них, характерной для советской (ни один автор из СССР не прислал в «Imago Mundi» до 1956 г. ни одной статьи) и современной английской историографии [46], русский ученый-эмигрант предстает идейным противником коммунистической идеологии и Советской России. Согласно другой, в своих политических пристрастиях он сохранял нейтралитет, оставаясь ученым-исследователем на протяжении всей своей научной карьеры (как до начала, так и после окончания Второй мировой войны) [15]. Такая противоположная и во многом поляризованная оценка личности Л.С. Багрова во многом обусловлена наличием многих «белых пятен» в биографии одного из основоположников истории картографии.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багров Л. История картографии / Пер. с англ. Н.И. Лисовой. М.: Центрполиграф, 2004.
2. Багров Л.С. «Русская Ривьера». Каталог экспонатов Сельскохозяйственной и культурно-промышленной выставки Черноморского побережья Кавказа. Ноябрь 1913 г. СПб., 1913.
3. Багров Л.С. Древние карты Черного моря. СПб., 1914.
4. Багров Л.С. История географической карты. Очерк и указатель литературы. Петроград, 1917.
5. Багров Л.С. Картография Азиатской России // Атлас Азиатской России. СПб., 1914. С. 1-4.
6. Багров Л.С. Материалы к историческому обзору карт Каспийского моря. СПб., 1912.
7. Багров Л.С. Первая карта Московской губернии (1711). СПб., 1913.
8. Багров Л.С. Перечень древних карт Черного моря. СПб., 1914.

9. Багров Л.С. Пособие по истории географии. Вып. I: Введение. Древние века. Спасский загон на Амуре, 1917.

10. Багров Л.С. Средневековый портулан, хранящийся в архиве Главного гидрографического управления. СПб, 1913.

11. Багров Л.С. У истоков картографии России // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1952. 22 июня.

12. Багров Л.С. Чертеж Украинским и Черкасским городам // Труды русских ученых за границей. Вып. II. Берлин, 1923. С. 3-42.

13. Багров Л.С. Экспедиция в Карское море // Вестник Телеграфии без Проводов. 1912. № 1. С. 14-20; 1913. № 3. С. 99-101.

14. Берг Л.С. Российские открытия в Тихом океане. М., 1926.

15. Володченко А. О трех этапах в жизни Л.С. Багрова /Leo Bagrow/ (1881-1957). Дрезден, 2016.

16. Ремезов С.У. Хорографическая книга Сибири. Тобольск: Возрождение Тобольска, 2011.

17. Салищев К.А. Картографические библиотеки и картоохранилища США // Известия АН СССР. Серия географическая. 1962. № 3. С. 128-131.

18. [Skelton R.A.], 1959. Leo Bagrow (obituary). Imago Mundi: a Review of Early Cartography, Vol. XIV, pp. 5-12.

19. Bagrow, L. and Köhlin, H., 1953. Maps of the Neva River and adjacent areas in Swedish archives. Malmö.

20. Bagrow, L., 1926. Der deutsche Kartograph Heinrich Zell. Petermanns Mitteilungen, Vol. 72, pp. 63-66.

21. Bagrow, L., 1928. A. Ortelii Catalogus Cartographorum. Part I. Petermanns Mitteilungen, Vol. 199.

22. Bagrow, L., 1930. A. Ortelii Catalogus Cartographorum. Part II. Petermanns Mitteilungen, Vol. 210.

23. Bagrow, L., 1931. Die Priorität der Entdeckung der Amur, des Tatarischen Golfes und der Insel Sachalin. Yamato, no. 3, pp. 75-90, 134-143.

24. Bagrow, L., 1933. Gedruckte Karten des 16. Jahrhunderts. Berlin.

25. Bagrow, L., 1935. Die ersten Karten der Ukraine (XVII Jh.). Berlin.

26. Bagrow, L., 1937. Ivan Kirilov, compiler of the first Russian atlas, 1689-1737. Imago Mundi: a Review of Early Cartography, Vol. II, pp.78-82.

27. Bagrow, L., 1938. Entstehung der “Geographie” des Ptolemaeus. In: Comptes

<sup>5</sup> Этот чертеж Л.С. Багров опубликовал в 1958 г. в XI томе «Imago Mundi» в статье «Семен Ремезов – сибирский картограф» [38, с. 111].

<sup>6</sup> Наиболее ранние публикации карты А.Ф. Шестакова см. в.: [14; 45].

Rendus du Congres International de Geographic. Vol. 1. Amsterdam, pp. 380-386.

28. Bagrow, L., 1939. Giovanni Andreas di Vavassore, a Venetian cartographer of the 16th century. A descriptive list of his maps. Jenkintown: The George H. Beans Library.

29. Bagrow, L., 1940. Matheo Pagano, a Venetian cartographer of the 16th century. A descriptive list of his maps. Jenkintown: The George H. Beans Library.

30. Bagrow, L., 1947. Sparwenfeld's map of Siberia. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. IV, pp. 65-70.

31. Bagrow, L., 1948. Vingboon's maps in Sweden. Stockholm.

32. Bagrow, L., 1948-1949. The Vitus Bering first voyage maps. *Geografisk Tidsskrift*, Vol. 49, pp. 32-40.

33. Bagrow, L., 1951. Die Geschichte der Kartographie. Berlin: Safari-Verlag.

34. Bagrow, L., 1952. A Russian communications map, ca. 1685. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. IX, pp. 99-101.

35. Bagrow, L., 1952. The first Russian maps of Siberia and their influence on the West European cartography of N.E. Asia. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. IX, pp. 83-93.

36. Bagrow, L., 1953. The Volga-Don Canal. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. X, pp. 97-98.

37. Bagrow, L., 1954. An old Russian world map. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XI, pp. 169-174.

38. Bagrow, L., 1954. Semyon Remezov – a Siberian cartographer. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XI, pp. 111-126.

39. Bagrow, L., 1955. A few remarks on the Amur, the Tartar Strait, and Sakhalin. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XII, pp. 127-136.

40. Bagrow, L., 1955. The first map printed in Russian. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XII, pp. 152-156.

41. Bagrow, L., 1963. Meister der kartographie. Berlin: Safari-Verlag.

42. Bagrow, L., 1964. History of cartography. London: C.A. Watts & Co.

43. Bagrow, L., 1975. A history of Russian cartography up to 1800. Wolf Island: The Walker Press.

44. Bagrow, L., 1975. A history of the cartography of Russia up to 1600. Wolf Island: The Walker Press.

45. Golder, F.A., 1914. Russian expansion on the Pacific. 1641-1850. Cleveland, 1914.

46. Heffernan, M. and Delano-Smith, C., 2014. A life in maps: Leo Bagrow, *Imago Mundi*, and the history of cartography in the early twentieth century. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. 66, pp. 44-69.

47. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Gravenhage, 1958.

#### REFERENCES

1. Bagrov, L., 2004. *Istoriya kartografii* [History of cartography]. Moskva: Tsentrpoligraf, 2004. (in Russ.)

2. Bagrov, L.S., 1913. «Russkaya Riv'era». Katalog eksponatov Sel'skokhozyaystvennoy i kul'turno-promyshlennoy vystavki Chernomorskogo poberezh'ya Kavkaza. Noyabr' 1913 g. ["The Russian Riviera." The catalog of the Agricultural and cultural-industrial exhibition of Black Sea coast of the Caucasus. November 1913]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

3. Bagrov, L.S., 1914. Drevnie karty Chernogo morya [Ancient maps of the Black Sea]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

4. Bagrov, L.S., 1917. *Istoriya geograficheskoy karty. Ocherk i ukazatel' literatury* [History of geographical map. Essay and the index of literature.]. Petrograd. (in Russ.)

5. Bagrov, L.S., 1914. *Kartografiya Aziatskoy Rossii* [Cartography of Asian Russia]. In: Atlas Aziatskoy Rossii. Sankt-Peterburg, pp. 1-4. (in Russ.)

6. Bagrov, L.S., 1912. *Materialy k istoricheskomu obzoru kart Kaspiyskogo moray* [Materials for the historical overview of the maps of the Caspian Sea.]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

7. Bagrov, L.S., 1913. Pervaya karta Moskovskoy gubernii (1711) [The first map of the Moscow province (1711)]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

8. Bagrov, L.S., 1914. Perechen' drevnikh kart Chernogo moray [The list of ancient maps of the Black Sea.]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

9. Bagrov, L.S., 1917. *Posobie po istorii geografii. Vyp. I: Vvedenie. Drevnie veka* [A handbook on the history of geography. Issue I: Introduction. Ancient times]. Spasskiy zaton na Amure. (in Russ.)

10. Bagrov, L.S., 1913. *Srednevekoviy portulan, khanyashchiysya v arkhive Glavnogo gidrograficheskogo upravleniya* [The Medieval portolan form the archives of the Main Hydrographic Administration]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

11. Bagrov, L.S., 1952. U istokov kartografii Rossii [The origins of cartography in Russia], *Novoe russkoe slovo*, June 22. (in Russ.)

12. Bagrov, L.S., 1923. Chertezh Ukrainskim i Cherkasskim gorodam [The drawing of Ukrainian and Cherkassky cities]. In: *Trudy russkikh uchenykh zagranitsey. Vyp. II*. Berlin, pp. 3-42. (in Russ.)

13. Bagrov, L.S., 1912-1913. *Ekspeditsiya v Karskoe more* [The expedition to the Kara Sea], *Vestnik Telegrafii bez Provodov*, no. 1, pp. 14-20; no. 3, pp. 99-101. (in Russ.)

14. Berg, L.S., 1926. *Rossiyskie otkrytiya v Tikhom okeane* [Russian discoveries in the Pacific]. Moskva. (in Russ.)

15. Volodchenko, A., 2016. O trekh etapakh v zhizni L.S. Bagrova /Leo Bagrow/ (1881-1957) [The three stages in the life of L.S. Bagrova / Leo Bagrow / (1881-1957)]. Drezden. (in Russ.)

16. Remezov, S.U., 2011. *Khorograficheskaya kniga Sibiri* [The horographic book of Siberia]. Tobol'sk: Vozrozhdenie Tobol'ska. (in Russ.)

17. Salishchev, K.A., 1962. *Kartograficheskie biblioteki i kartokhranilishcha SSHA* [Cartographic libraries and map storage facilities in the USA], *Izvestiya AN SSSR. Seriya geograficheskaya*, no. 3, pp. 128-131. (in Russ.)

18. [Skelton R.A.], 1959. Leo Bagrow (obituary). *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XIV, pp. 5-12.

19. Bagrow, L. and Köhlin, H., 1953. Maps of the Neva River and adjacent areas in Swedish archives. Malmö.

20. Bagrow, L., 1926. Der deutsche Kartograph Heinrich Zell [The German cartographer Heinrich Zell]. *Petermanns Mitteilungen*, Vol. 72, pp. 63-66. (in German)

21. Bagrow, L., 1928. A. Ortelii Catalogus Cartographorum. Part I. *Petermanns Mitteilungen*, Vol. 199. (in German)

22. Bagrow, L., 1930. A. Ortelii Catalogus Cartographorum. Part II. *Petermanns Mitteilungen*, Vol. 210. (in German)

23. Bagrow, L., 1931. Die Priorität der Entdeckung der Amur, des Tatarischen Golfes und der Insel Sachalin [The priority of the discovery of the Amur, the Tatar Gulf and the Sakhalin island]. *Yamato*, no. 3, pp. 75-90, 134-143. (in German)

24. Bagrow, L., 1933. Gedruckte Karten des 16. Jahrhunderts [16th century printed maps.]. Berlin. (in German)

25. Bagrow, L., 1935. Die ersten Karten der Ukraine (XVII Jh.) [The first maps of Ukraine (XVII century)]. Berlin. (in German)

26. Bagrow, L., 1937. Ivan Kirilov, compiler of the first Russian atlas, 1689-1737. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. II, pp. 78-82.

27. Bagrow, L., 1938. Entstehung der "Geographie" des Ptolemaeus [The origin of Ptolemy's «Geography»]. In: *Comptes Rendus du Congres International de Geographic*. Vol. 1. Amsterdam, pp. 380-386. (in German)

28. Bagrow, L., 1939. Giovanni Andreas di Vavassore, a Venetian cartographer of the 16th century. A descriptive list of his maps. Jenkintown: The George H. Beans Library.

29. Bagrow, L., 1940. Matheo Pagano, a Venetian cartographer of the 16th century. A descriptive list of his maps. Jenkintown: The George H. Beans Library.

30. Bagrow, L., 1947. Sparwenfeld's map of Siberia. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. IV, pp. 65-70.

31. Bagrow, L., 1948. Vingboon's maps in Sweden. Stockholm.

32. Bagrow, L., 1948-1949. The Vitus Bering first voyage maps. *Geografisk Tidsskrift*, Vol. 49, pp. 32-40.

33. Bagrow, L., 1951. Die Geschichte der Kartographie [History of Cartography]. Berlin: Safari-Verlag. (in German)

34. Bagrow, L., 1952. A Russian communications map, ca. 1685. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. IX, pp. 99-101.

35. Bagrow, L., 1952. The first Russian maps of Siberia and their influence on the West European cartography of N.E. Asia. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. IX, pp. 83-93.

36. Bagrow, L., 1953. The Volga-Don Canal. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. X, pp. 97-98.

37. Bagrow, L., 1954. An old Russian world map. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XI, pp. 169-174.

38. Bagrow, L., 1954. Semyon Remezov – a Siberian cartographer. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XI, pp. 111-126.

39. Bagrow, L., 1955. A few remarks on the Amur, the Tartar Strait, and Sakhalin. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XII, pp. 127-136.

40. Bagrow, L., 1955. The first map printed in Russian. *Imago Mundi: a Review of Early Cartography*, Vol. XII, pp. 152-156.

41. Bagrow, L., 1963. Meister der kartographie [Master of cartography]. Berlin: Safari-Verlag. (in German)

42. Bagrow, L., 1964. History of cartography. London: C.A. Watts & Co.

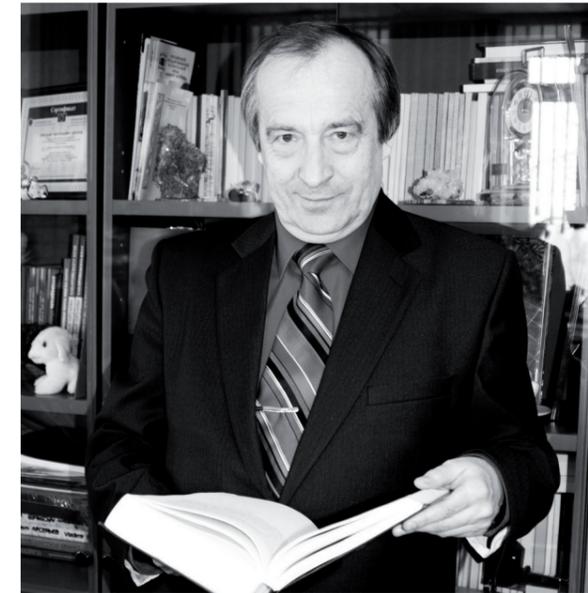
43. Bagrow, L., 1975. A history of Russian cartography up to 1800. Wolf Island: The Walker Press.

44. Bagrow, L., 1975. A history of the cartography of Russia up to 1600. Wolf Island: The Walker Press.
45. Golder, F.A., 1914. Russian expansion on the Pacific. 1641-1850. Cleveland, 1914.
46. Heffernan, M. and Delano-Smith, C., 2014. A life in maps: Leo Bagrow, Imago Mundi, and the history of cartography in the early twentieth century. Imago Mundi: a Review of Early Cartography, Vol. 66, pp. 44-69.
47. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Gravenhage, 1958.



DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/53](https://dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/53)

## К ЮБИЛЕЮ АЛЕКСАНДРА АНАТОЛЬЕВИЧА ТОРОПОВА



22 января 2018 г. исполнилось 60 лет директору Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, Почетному архивисту России Александру Анатольевичу Торопову.

В архивной отрасли Александр Анатольевич, выпускник исторического факультета ДВГУ, работает с 1975 г. В 1986-1994 гг. он возглавлял архивный отдел администрации Приморского края. Под его руководством и при непосредственном участии в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 13.02. 1991 № 96 была проведена масштабная работа по перемещению более полумиллиона единиц хранения архивных документов РГИА ДВ из Томска и их размещению во Владивостоке.

Благодаря инициативе и авторитету А.А. Торопова РГИА ДВ стал не только местом хранения, но и научной лабораторией для исследователей истории дальневосточного региона, информационно-справочным и методическим центром для архивной отрасли, органов управления, студентов высшей школы, в первую очередь – ДВФУ. Молодые историки Школы искусств и гуманитарных наук в стенах РГИА ДВ начинают свой профессиональный исследовательский путь. Документы архива постоянно используются учеными, краеведами, музейными и библиотечными работниками в подготовке выставок, экспозиций, докладов и статей.

С 1996 г. РГИА ДВ по инициативе и непосредственном участии А.А. Торопова подготовлено и издано более 70 сборников документов и материалов. Среди них особое значение имеет продолжающаяся серия сборников «Малая Родина», в которых публикуются материалы по истории заселения районов Приморского края. В 2012 г. архивом выпущен к саммиту АТЭС сборник документов «Для пользы и процветания: из истории внешнеэкономических связей российского Дальнего Востока со странами АТР».

В сфере научных интересов А.А. Торопова находится история корейской диаспоры на российском Дальнем Востоке. Его статьи на эту тему переведены и опубликованы в Сеуле, Саппоро, Париже.

А.А. Торопов является председателем научно-методического совета архивных учреждений Дальневосточного федерального округа, членом Президиума Совета по архивному делу при Федеральном архивном агентстве, Научного совета Федерального архивного агентства, экспертной комиссии Территориального управления Минкультуры России, заместителем председателя Комиссии по топонимике при администрации г. Владивосток.

За годы своей профессиональной деятельности А.А. Торопов по праву приобрел авторитет и уважение не только работников архивной отрасли, но и исследователей, в том числе из сопредельных стран. За многолетний добросовестный труд А.А. Торопов награжден знаком «Почетный архивист» (1998), Почетными грамотами Федеральной архивной службы (2000, 2003), знаком Министерства культуры и массовых коммуникаций «За добросовестный труд» (2007), медалью «Патриот России» (2016), отмечен многими благодарностями.

Коллектив Дальневосточного федерального университета сердечно поздравляет Александра Анатольевича с юбилеем и благодарит за искреннее участие в жизни Alma Mater, помощь в развитии исторического образования и исторической науки на Дальнем Востоке, за активную поддержку всех наших научных и просветительских мероприятий, реализацию совместных проектов в области истории Дальнего Востока России.

## РАКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 94 (470) «16/18»

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/54-62

О.В. Игнатьева\*

КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЕ В СРЕДЕ РУССКОЙ АРИСТОКРАТИИ  
В XVIII – XIX вв.

В статье рассматривается эволюция функций аристократического коллекционирования в Российской империи в период с первой половины XVIII в. до середины XIX в. в тесной связи с социальным контекстом данных практик. Если в начале данного периода коллекционирование было для русского дворянства способом солидаризации со своим сословием, формой публичной презентации не только своего статуса, но и приверженности европейским образцам культуры, то к концу рассматриваемого периода оно превратилось в возможность для самореализации в свободное от службы время и в сферу интеллектуального досуга.

*Ключевые слова:* Российская империя, частное коллекционирование, русская аристократия

**Collecting practices among Russian aristocrats of the XVIII<sup>th</sup> and XIX<sup>th</sup> centuries.**  
OKSANA V. IGNATIEVA (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)

The article deals with the evolution of the functions of aristocratic collecting in Imperial Russia from the first half of the XVIII<sup>th</sup> century up to the mid-XIX<sup>th</sup> century in close connection with the social context of these practices. The author concludes that at the beginning of this period for the Russian nobility collecting was the way to identify with a certain social class and a form of public presentation of person's status and commitment to European cultural patterns, and by the end of the period it evolved into an opportunity for self-fulfillment in leisure time and the sphere of intellectual leisure.

*Keywords:* Russian Empire, private collecting, Russian aristocracy

Практики частного коллекционирования, вслед за монархами, осваивает российское дворянство, сформировавшееся, как было отмечено многими авторами, начиная с В.О. Ключевского, в процессе европеизации и во многом как продукт европеизации: «С рук дьячка-учителя человек этого класса переходил на руки к французскому-губернеру, довершал свое образование в итальянском театре или французском

ресторане, применял приобретенные понятия в столичных гостиных и доканчивал свои дни в московском или деревенском своем кабинете с Вольтером в руках. С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень странное явление. Усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслит, – все было чужое, все привозное, а дома у

него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела» [8, с. 230].

Вместе с тем, эта оторванность российского дворянства от традиционной культуры по-разному оценивается в литературе. С одной стороны, особенно в советской историографии подчеркивалось, что дворянское сословие в силу своей европейской культурной ориентации было оторвано от национальных корней. С другой стороны, прежде всего, в современной литературе дворянская культура стала символом национальной культуры.

С точки зрения Д. Ливена, осуществившего сравнительно-исторический анализ европейских аристократий, несмотря на противоречивое положение между традиционной русской и европейской культурами, российская аристократия проявляла себя более творчески, чем, например, английская или немецкая [11, с. 37]. При этом под аристократией Ливен понимает весь высший класс [11, с. 10]. Невозможность активно проявлять себя на политическом поприще (в отличие от английской аристократии), как и на сельскохозяйственном (в отличие от немецкой), по мнению автора, вела не к ущербности российской аристократии, а к созданию особенного культурного типа, в котором сочетаются европейская образованность и патристическое самосознание [11, с. 219]. Великая русская литература, по мнению Д. Ливена, это и есть творческий результат ответа российской аристократии на невозможность реализоваться в других сферах.

Российское дворянство изначально формировалось государственной властью по примеру европейской аристократии. В Европе, по мнению М. Блока, аристократия появилась не ранее XII-XIII вв., примером для формирования благородного образа жизни стало французское дворянство [4]. «Определяющей чертой класса благородных стала его социальная функция: благородный должен быть верен и должен быть вооружен. Эта знать не стала сословием посвященных, она осталась и останется классом образа жизни» [4, с. 322].

Но к тому времени, когда русская аристократия познакомилась с придворной культурой европейских стран, прежде всего – Франции и Англии, образ жизни аристократии не столько был подчинен военным занятиям, сколько светской жизни. Этнос придворной жизни сложился в основных чертах при Людовике XIV: «Со вкусом построенный дом или разбитый парк,

украшенная в соответствии с модой комната, остроумная беседа и даже любовная интрига – все это на придворной фазе развития общества относится не к частным прихотям отдельных людей, но к жизненно важным требованиям, предзаданным социальной позицией» [15, с. 303]. Коллекционирование, прежде всего художественное, вполне соответствовало этому социальному статусу, демонстрируя праздничный характер потребления, а также степень осведомленности в далекой от сиюминутных интересов сфере искусства, воспитанность художественного вкуса.

Революционный характер модернизационных реформ Петра I приводил к разрыву с традиционным укладом жизни, прежде всего – в среде российской элиты. Обязанности нести государственную службу в течение большей части жизни, необходимость получения образования, возможность карьерного роста только при условии демонстрации высокой степени следования тем европейским образцам, которые во многом насильственно вводились монархией – все эти факторы создавали необходимость в новой форме идентичности. Как отмечает Ю.М. Лотман, «люди начала XVIII века стремились влиться в какую-то группу» [12, с. 254].

Коллекционирование в первой половине XVIII в. для первого поколения российской аристократии, которому «некогда было заниматься своими манерами» (но «эту возможность они предоставили своим детям») [14, с. 16], было способом солидаризации со своим сословием, формой публичной презентации не только своего статуса, но и приверженности европейским образцам культуры. Быстро строившиеся дворцы и усадьбы в стиле классицизм и барокко требовали соответствующих интерьеров, зачастую не поспевавших за художественными вкусами своих владельцев.

Возможность оттачивать свой художественный вкус, в том числе в системном коллекционировании искусства, была очень редкой в первой половине XVIII в., когда большую часть своей жизни русский дворянин проводил на военной службе. Чаще всего такая возможность возникала только у той части аристократии, которая регулярно выезжала или жила в европейских странах, то есть, прежде всего, у тех, кто служил на дипломатическом поприще. Как отмечает Оссовская, «двор, упорно избегая каких-либо профессиональных занятий, создает новую профессию – профессию дипломата. Это занятие не наносит ущерба чести. В то же вре-

\* ИГНАТЬЕВА Оксана Валерьевна, кандидат исторических наук, заведующая кафедрой культурологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

E-mail: ignatieva2007@rambler.ru

© Игнатьева О.В., 2018

мя оно требует немалых денежных средств и положения в обществе, связанного с благородным происхождением» [14, с. 120].

Ключевым событием для развития в России дворянской культуры стало освобождение аристократии от обязательной службы. Оценивается это событие в отечественной историографии противоположным образом. Так, для В.О. Ключевского, «дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя без настоящего, серьезного дела. Это дворянское *безделье*, политическое и хозяйственное, и было чрезвычайно важным моментом в истории нашего образованного общества, следовательно, в истории нашей культуры. Оно, это безделье, послужило урожайной почвой, из которой выросло во второй половине века уродливое общество с странными понятиями, вкусами и отношениями» [8, с. 219].

С другой стороны, это же свободное распоряжение своим временем приводит, по мнению Ю.М. Лотмана, к золотому веку русской культуры, проявившемуся ярче всего в литературе. «Непоротое поколение» начинает жить для того, «чтобы их имена записали в историю, а не для того, чтобы выпросить у царя лишнюю сотню душ» [12, с. 64]. «Гипертрофия личности» приводила к устремленности «к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению» [12, с. 254].

Стремление к вечной славе, в противовес сиюминутному успеху, вполне вписывалось в ценностную модель российской аристократии, воспитанной на романтической литературе и европейской философии Просвещения. Вместе с тем, после освобождения дворянства от обязательной службы появляется возможность выбора индивидуальных стратегий поведения, конечно, в рамках сословных приличий, но при этом позволяющая проявить себя как уникальная личность. Ведь в обществе людей, обладающих примерно равными возможностями, слава и успех выполняют маркирующую функцию: «как один из тех видов ресурсов, которые наряду с *властью, богатством, престижем, статусом и привилегиями* создают важнейшие линии неравенства в обществе и его структурирование в соответствии с этими линиями» [7, с. 101].

Наиболее важными компонентами славы, по мнению Л.Е. Гринина, являются:

а) достоинство и заслуженность, поскольку слава способствует выделению у людей наиболее достойных и значимых – с точки зрения

данного общества или группы – целей, мотивов, действий и результатов;

б) известность. Даже заслуженный и отмеченный герой может не иметь нужного уровня славы;

в) почет, уважение, престиж и другие нематериальные блага, которые прямо или косвенно вытекают из обладания славой для данной персоны;

г) материальные блага, которые являются наградой за славу или могут быть получены благодаря ей;

д) привлекательность прославленной персоны для других людей и желание быть с ней рядом [7, с. 106].

Вместе с тем, достижение славы вполне вписывается в романтический идеал великой личности: «Богатство, титул, власть можно передать другому в полном объеме. Но невозможно кому-то отдать, продать, завещать славу великого ученого, писателя или актера <...>, она принадлежит только конкретной личности» [7, с. 101]. Как невозможно передать другому человеку и славу великого полководца или мецената, ее можно только заслужить.

Необходимо также подчеркнуть, что для российского дворянства, как для праздного класса, доблестная деятельность, связанная с достижением славы, противопоставлялась труду непривлекательных социальных групп: «Труд – это усилия, расходуемые на создание новой вещи, с новым назначением, которое, придавая форму пассивному, «грубому материалу», дает ей изготовитель; в то время как доблестная деятельность до той поры, пока ее исход полезен агенту, есть обращение на свои собственные цели сил, ранее направлявшихся на какую-либо другую цель другим агентом» [6, с. 65].

Итак, во второй половине XVIII в. служба по-прежнему рассматривалась как желательная для российской аристократии с точки зрения государства, концепт долга служения закрепляется в дворянском этосе [13]. Между военной и статской службой приоритет был на стороне первой, которая считалась преимущественно дворянской. Российские императоры получали военное образование и воспитание, и для власти «нерассуждающий, исполнительный офицер представлялся ... наиболее надежной и психологически понятной фигурой» [12, с. 25]. Понятие дворянской чести, включавшее в себя и стремление к славе, романтизация войны приводили к популярности «гусарской» стратегии поведения, в рамках которой доблесть и слава

были связаны, прежде всего, с войной, участием в сражениях, храбростью, отвагой. Привычка к опасности приводила к тому, что в войне виделось «спасение и еще от одной беды – скуки» [4, с. 288].

Гусарская модель поведения несколько не противоречила помещичье-крепостной. По словам Ю.М. Лотмана, «эти же гвардейцы, которые пьянствовали по кабакам и не знали, как расплатиться с долгами, став графами, князьями и получив огромные имения, сделались довольно заметными людьми в русской истории. Бывшие гвардейцы, став богатыми и влиятельными, сохранили дух гвардейского своеволия, соединив его со своеволием барским» [12, с. 43].

Наряду с «гусарской» стратегией достижения славы в рамках аристократического общества возникает и другая модель славы, вполне вписанная в ценности своего времени, это слава вельможи-мецената, который свое покровительство отдает науке и искусству, что демонстрируется в том числе в практиках коллекционирования. Яркими примерами вельмож-меценатов второй половины XVIII – начала XIX вв. являются известные коллекционеры Александр Сергеевич Строганов (1733-1811) и Николай Петрович Румянцев (1754-1820).

А.С. Строганов, в отличие от Н.П. Румянцева, скорее, избегал государственной службы, чем искал ее, в том числе всячески стараясь продлить свои путешествия и пребывания в Европе. Например, во время семилетнего путешествия во Францию вместе со своей женой Е.П. Трубецкой А.С. Строганов был вхож в аристократические салоны, общался с Вольтером. Он был принят в масонские ложи, что для того времени «означало быть образованным человеком, членом просвещенного общества, вписанным в космополитическое культурное поле европейской элиты» [10, с. 168].

Собирать коллекцию А.С. Строганов начал уже во время своего первого, образовательного, путешествия в Европу в 1752-1757 гг. Если отец Александра Сергеевича барон С.Г. Строганов считал, что путешествие в Европу необходимо, скорее, для того, чтобы отточить светские манеры и завести знакомства, то для сына в Европе открылась совсем другая жизнь, связанная с наукой и искусствами. Он не только прослушивает курсы в университетах Швейцарии и Франции, но и сам проводит опыты и эксперименты, а также покупает произведения искусства, медали, пополняет нумизматическую коллекцию. Даже призывы барона к своему единственному

сыну скорее вернуться в Россию не способны оторвать его от интересного времяпровождения в Европе, отец и сын так больше и не увидятся, только по требованию Елизаветы А.С. Строганов возвращается в Петербург.

История, как известно, не имеет сослагательного наклонения, но состоялся бы замысел Казанского собора и музей Строгановского дворца, если бы прошения А.С. Строганова о жизни за границей были бы удовлетворены императрицами Елизаветой и Екатериной?

По одной из версий, коллекция собиралась для образования сына А.С. Строганова, Павла Александровича. В Строгановском дворце находились художественные коллекции, минеральный кабинет, библиотека и пр. В одной из зал были картины Г. Роббера, а также четыре скульптурных бюста работы Гудона – Вольтер, Дидро, Д'Аламбер, Эйлер.

Строгановский дворец был одним из центров светской жизни и даже императорских приемов. С 1784 г. Александр Сергеевич стал петербургским предводителем дворянства, приемы во дворце не раз были в центре внимания современников. В 1796 г. А.С. Строганов организовал первое в России представление «Живые шахматы» специально для приема короля Швеции Густава IV. Такого рода деятельность приводила к новым титулам и должностям. Так, в 1798 г. А.С. Строганов был возведен в графское достоинство, а в 1800 г. назначен президентом Императорской Академии художеств, директором Императорской публичной библиотеки.

Коллекции А.С. Строганова были открыты для образованной публики раз в неделю, в Строгановском дворце был своеобразный салон, в котором бывали художники, писатели, музыканты, известные ученые. Среди придворных живописцев А.С. Строганова начинал свой путь к известности А.Н. Воронихин.

Другой пример вельможи-мецената и коллекционера мы видим в лице Н.П. Румянцева. Сын известного полководца Румянцева-Задунайского, воспитанный в духе служения государству и достижения славы именно своими достижениями на службе, к коллекционированию Н.П. Румянцев приходит в тот самый период своей жизни, когда на службе в новых обстоятельствах государственной политики он был не нужен. Довольствоваться управлением имения после таких масштабов государственной деятельности и признания, без особых амбиций доживать свой век, видимо, было для канцлера невозможным делом.

Получив хорошее образование, сначала домашнее, потом университетское (в 1774 г. он был отправлен для слушания курсов истории и права в Лейденский университет), Н.П. Румянцев видел себя не на военной, а на дипломатической службе, он провел, путешествуя по Европе, пять лет. Благодаря заслугам отца, несмотря на отсутствие большого опыта и молодой возраст, он получил назначение на дипломатическую службу.

Выполняя различные внешнеполитические поручения Екатерины II в течение пятнадцати лет, будучи в курсе европейских дел, прославившись франкоманом, Н.П. Румянцев несомненно ждал продвижения по службе, что видно, например, по письму графу А.Р. Воронцову, написанному в 1784 г.: «Мне 30 лет минуло, и когда в эти лета сын фельдмаршала Румянцева с трудом добился быть во Франкфурте министром, ни лент, ни чинов не получает, зная собственные силы в нем слабы и неспособность его известна» [1, с. 111].

Все меняется при Павле I, а особенно – при Александре I. Н.П. Румянцев получает должности одну за другой – «главного директора водяных коммуникаций и экспедиции об устройстве в России дорог», министра коммерции, канцлера. Государственная служба давала возможность Н.П. Румянцеву стоять у истоков многих прогрессивных начинаний, в том числе, по примеру Франции и других европейских стран, организации архивного дела. Так, в 1811 г. Румянцев представил на имя Александра I доклад, в котором предлагалось начать публикацию дипломатических документов, накопившихся в департаменте иностранных дел, на собственные средства, считая это престижным и важным делом.

Отставка Н.П. Румянцева стала для него новой возможностью, прежде всего, в качестве мецената науки и коллекционера. По мнению Е.В. Барсова, Румянцев затратил на научные предприятия свыше 300 тыс. рублей, но по подсчетам исследователя В.П. Козлова, эта сумма очень занижена и должна составлять не менее 1 млн. рублей [9, с. 23].

Для колониального дискурса европейских стран был характерен экзотический интерес к далеким землям, населявшим их народам, их религиям и искусству. Но в России этот дискурс проявлялся в не менее экзотическом интересе к собственным огромным пространствам и народам [10], истории, запечатленной не только в памятниках письменности, но и в устных пре-

даниях, фольклоре, предметах старины, всему тому, что было создано до XVIII в.

Н.П. Румянцев снискал свою славу как глава и покровитель Румянцевского кружка, объединявшего на абсолютно новых организационных основаниях, чем государственные общества и ведомства, чиновников, ученых, всех тех, кому была интересна тема истории. По имеющимся сведениям, граф Н.П. Румянцев пытался привлечь на свою сторону даже Н.М. Карамзина, к этому времени уже известного историка, «придворного историографа», но получил от него отказ.

Румянцевский кружок осуществлял, прежде всего, поисковую деятельность в отношении архивных документов, рукописных книг, этнографических и археологических материалов. Кроме того, осуществлялась их публикация, копирование, в случае написания на иностранном языке – перевод на русский язык. С 1817 г. благодаря такой поисковой деятельности членов кружка активно пополняется коллекция Н.П. Румянцева. К концу жизни он обладал крупнейшей библиотекой в России, насчитывающей около 28,5 тыс. книг, среди которых 213 – старопечатные. Исторический отдел включал более 12 тыс. томов, кроме того в состав коллекции входило более 700 оригинальных славянских рукописей и их копий. Нумизматическом кабинет, в том числе, состоял из греческих и восточных монет, около 1,5 тыс. экземпляров, в этнографической коллекции находились предметы быта, оружие, одежда, украшения русских, алеутов, коряков, а также народностей, населявших Филиппинские, Сандвичевы и другие острова. Граф владел и богатым собранием разных минералов [9, с. 31]. По универсальности подбора экспонатов, их научной ценности коллекция Н.П. Румянцева была лучшей в России начала XIX в.

А.С. Строганов, как уже было сказано, причиной своей коллекционерской деятельности называл стремление к всестороннему образованию сына, коллекция так и оставалась до революционных потрясений в Строгановском дворце. Н.П. Румянцев не был женат, не имел детей и после его смерти коллекции стали основой Румянцевского музея, открытого в 1831 г. в Петербурге, а затем перевезенного в 1861 г. в Москву.

Таким образом, второй период в развитии аристократического коллекционирования можно связать со временем, когда дворянство становится первым свободным сословием в России.

Выбор моделей поведения, реализовавшийся в государственной службе или частной жизни, приводил и к соответствующим практикам коллекционирования. Среди коллекционеров-меценатов наиболее известными являются И.И. Шувалов, Н.Б. Юсупов, А.С. Строганов, Н.К. Румянцев.

Последним вельможей-меценатом современники называли графа Сергея Григорьевича Строганова (1794-1882). «Он представлялся мне непреклонным вассалом, которому нанесли обиду в его правах и обязанностях. На мои глаза это был последний из придворных могикан, которые во времена Екатерины Великой, императора Павла и Александра Благословенного поспешали из Петербурга в Москву, чтобы коротать дни и годы в уединении своих вельможных палат», – вспоминал Ф.И. Буслаев [5].

Одним из ключевых моментов молодости С.Г. Строганова является участие в военных событиях 1812 г., заграничном походе русской армии. В Париже юный граф оказывается в Лувре, который после походов Наполеона превратился в лучший европейский музей. Сам С.Г. Строганов не оставил воспоминаний об этих посещениях,<sup>1</sup> но есть интересное и совпадающее по времени произведение Н.А. Бестужева «Русский в Париже 1814 года», где главный герой, поручик В. Глинский, офицер русской армии, которому только минуло двадцать лет, живет в Париже на постое в доме маркиза Бонжелена. Его знакомят с другом дома, Дюбуа, и во время визита к нему Глинский наблюдает за занятиями и кабинетом человека, который делает «небольшое усилие, чтобы не отстать от просвещения своего времени»: «Дюбуа сидел за рисованием. Это удивило Глинского. Он бросил быстрый взгляд кругом комнаты, которая походила более на кабинет ученого, нежели на жилище военного человека, и хотя в ней не было беспорядка, неразлучного с привычкою ученых людей, но странная смесь предметов, ее наполнявших, поражала внимание. На стенах было несколько полок с книгами разных форматов и разных эпох, в бумажках, коже и пергамене; рукописи в тетрадах и свитках виднелись между ними. Древние и новые оружия, принадлежащие различным народам, развешаны были по стенам с географическими и топографическими картами и несколькими редкими картинами. Один шкаф занят был физическими инструментами,

другой посвящен был редкостям естественной истории, в одном углу стоял скелет, на котором висели плащ и шляпа хозяина, в другом живописный манекен, а шкафами помещено было несколько бюстов Наполеона в разных видах и возрастах» [3].

Кроме того, Дюбуа и Глинский вместе посещают Музей Наполеонов, и главный герой учится рассуждать об искусстве, хотя, конечно, как и положено для сентиментального жанра, любовные чувства в гораздо большей степени увлекают Глинского, чем художественные принципы.

Как документ своего времени, произведение «Русский в Париже» демонстрирует те представления о европейской, прежде всего – французской аристократии, их жизни и ценностях, которые сложились в русской офицерской среде, к которой принадлежал и С.Г. Строганов.

И хотя сам он не получил художественного образования, более того, считал себя человеком военным, посвятившим себя защите Отечества и государственной службе, но по собственной инициативе С.Г. Строганов открывает в 1825 г. первую в России рисовальную школу для талантливых детей из всех сословий.

Меценатство С.Г. Строганова проявлялось в особом покровительстве, прежде всего, талантливым ученым, некоторым из них он помогал со студенческого времени, являясь попечителем Московского учебного округа и университета. «Воспоминания» Ф.И. Буслаева – один из немногих источников, описывающих эту сторону жизни С.Г. Строганова, как и его увлечения, наиболее значимым из которых было коллекционирование древностей. «Большую часть времени, свободного от служебных и общественных обязанностей, он посвящал своим любимым досугам эстетического и археологического содержания. Даже у себя дома (в Петербурге, у Полицейского моста) всегда перед глазами имел он богатое собрание живописных произведений лучших мастеров итальянских и фламандских от эпохи возрождения, составленное еще в XVIII столетии. Галерея эта, в несколько зал, примыкала своею дверью как раз к кабинету графа. Это была очень длинная комната с окнами только по одну сторону; промежутки между окнами и вся противоположная стена заняты шкафами в рост человека с книгами на полках и с разными редкостями в выдвижных ящиках. Тут же находилась и драгоценная коллекция греческих, римских и византийских монет, золотых и серебряных, а частью и медных,

<sup>1</sup> С.О. Кузнецов отмечает почти полное отсутствие, по неизвестной причине, документов о повседневной жизни Строгановых [10, с. 12].

наиболее редкостных; граф был большой знаток в нумизматике и между специалистами по этому предмету славился своею опытностью отличать в монетах оригинальные экземпляры от поддельных. Критический такт, усвоенный им при оценке подробностей этого любимого предмета, он прилагал и к произведениям живописным и скульптурным, между которыми не только у продавцов-антиквариев, но и в галереях или музеях, частных и даже публичных, нередко принимаются удачные копии за настоящие оригиналы. На античных монетах, между прочим, изображаются олимпийские боги и богини, герои и разные исторические лица в целых фигурах или же только их головы, обыкновенно в профиль и величиною во всю монету. Внимательное и многократное рассматривание этих выпуклых рельефов, замечательно изящной работы, художественно воспитывает глаз и эстетическое чутье к красотам пластического стиля. Таким образом, постоянные упражнения графа в нумизматических исследованиях образовали в нем знатока и опытного ценителя скульптурных произведений древнеклассического искусства» [5].

Таким образом, в лице С.Г. Строганова мы видим частного коллекционера в полном смысле этого слова, собиравшего коллекцию, прежде всего, для себя, для своего интеллектуального досуга.

В отличие от сентиментального героя, поручика Глинского, граф С.Г. Строганов в своей деятельности предстает как достаточно рационально мыслящий и действующий человек. Экономические проблемы, столь характерные для российского дворянства второй половины XIX в., коснулись и Строгановых, получивших в наследство долги прошлых поколений. Но С.Г. Строганова, как и многих других дворян, невозможно воспринимать «как беспомощных жертв своих анахронистских привычек и расточительного поведения, иными словами, как людей, не способных конкурировать в мире, где господствует homo oeconomicus» [2, с. 20]. Беккер называет приспособившихся к новым экономическим и социальным условиям жизни дворян «урбанизированными дворянами» [2, с. 57], данная характеристика вполне подходит и к С.Г. Строганову.

Рациональный подход к управлению имениями позволил решить экономические проблемы, связанные с долгами, а увлечение древностями, с молодости появившееся у С.Г. Строганова, проявилось в новых практиках – коллекционировании

роования, в связи с археологическими находками, найденными в пермских имениях. Вступив в управление Пермским майоратом в 1846 г., С.Г. Строганов проявляет особую заинтересованность в отношении пермских древностей. Узнав о многочисленных находках древностей в пермских имениях, Сергей Григорьевич обратился с письмом к управляющему Ф.А. Воллегову: «Присланные Вами к Батюшке моему Графу Григорию Александровичу 36 старинных вещей, 9 камней и 1 медный наконечник – переданы им мне. Поэтому я посылаю к Вам при сем двадцать пять рублей серебром, для выдачи крестьянину Михайлу Щукину за находку этих вещей. Так как батюшка мой совсем не занимается археологией и потому не имеет в таких вещах никакой нужды, а я же страстный до них охотник, то прошу Вас на будущее время извещать прямо меня о подобных находках, и не только о серебряных, но и о медных вещах, в особенности с изображениями чудских богов: ибо и медные вещи, смотря по значению их, могут быть много ценны не ниже серебряных. Также прошу вас уведомлять о нахождении старинных вещей и присылать рисунки оных даже в тех случаях, если такие вещи будут открыты не в имении Батюшки, а в других соседственных местах, и посторонними людьми, от коих я мог-бы оныя приобретать». 10.11.1851, Москва (Архив Института истории материальной культуры РАН, далее – Архив ИИМК РАН. Ф. 5. Арх. 258. № 1640).

С 1837 по 1874 г. С.Г. Строганов возглавлял общество истории и древностей российских, а с 1859 г. и до конца своей жизни в 1882 г. был председателем Императорской Археологической Комиссии, занимался коллекционированием, нумизматикой, составил богатую коллекцию русских монет и старинных икон.

Интересную историю, характеризующую С.Г. Строганова как коллекционера-знатока, приводит в своих воспоминаниях Ф.И. Буслаев. У князя Ю.А. Долгорукова Буслаев увидел статую, которая практически валялась как ненужный, старый хлам, и, получив разрешение, принес ее С.Г. Строганову: «Зная нетерпение графа, когда он может быть чем-либо заинтересован, я сперва высвободил свою драгоценность из толстого свертка бумаги и потом уже вошел к нему в кабинет, бережно неся ее в обеих руках. И по голосу, и по взгляду, какими он встретил меня, я тотчас же заметил, что попал к нему в добрый час, и, объяснив ему в коротких словах, откуда и как добыл я эту статуэтку, положил обе

ее половины перед ним на стол около чашки кофею, который он тогда пил. Не говоря ни слова, он взял в левую руку верхнюю часть статуэтки, а в правую лупу и внимательно стал рассматривать головку Аполлона, всю кругом, и особенно медлил на волосах и потом уже стал обозревать прочие члены, останавливаясь подолгу на впадинах и на линиях сгиба. Так продолжалось по малой мере четверть часа, и с каждой минутой промедления усиливалась моя радость: граф заинтересован, и дело мое выиграно. Окончив свой осмотр, он взглянул на меня сияющим от самодовольства взглядом и сказал: «Статуэтка была вся позолочена: у древних мастеров было в обычае золотить бронзовые вещи только особенно изящные и ценные по работе; зеленая патина так густо выросла на ней, что только кое-где в углубленных линиях волос можно подметить в лупу немногие остатки бывшей позолоты». Как опытный знаток, граф начал свой археологический анализ с того, с чего и следовало прежде всего начать, и уже потом он стал рассматривать художественные достоинства статуэтки и много ею любовался. Особенную цену он полагал в ней указанному мною выше ее отличию от бельведерской статуи. То, что казалось мне клоком отрепья, граф признал за шкуру того змея, которого Аполлон поразил своею стрелою. По мнению графа, и бельведерская статуя в первоначальной своей цельности, вероятно, вместо лука держала в руке этот же трофей победы над страшным животным. Если это так, то, по мнению графа, бронзовая статуэтка должна получить важное значение в истории классического искусства» [5].

Как и в случае с этой статуэткой, сложно сказать, мог ли состояться Ф. И. Буслаев как известный ученый без поддержки С.Г. Строганова? Будучи в течение многих лет секретарем графа, обсуждая различные научные темы по отечественной истории, Буслаев открыл для себя свой основной научный интерес, в какой-то степени, и сам стал коллекционером, чтобы иметь возможность им заниматься.

Начиная с периода царствования Николая I, «угасание статусных ориентаций, ослабление воздействия идеологических доктрин абсолютизма на сознание дворянина порождали психологию отстранения, желание обрести новый смысл существования. Падение ценности чиновного успеха поставило перед дворянами вопрос о новых путях самоосуществления» [13, с. 14]. Как видно из биографии С.Г. Строганова, в данных обстоятельствах аристократическое

коллекционирование давало возможность для самореализации в свободное от службы время, выступало как средство поддержания и воспитания «придворной рациональности» и как интеллектуальный досуг.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив князя Воронцова. Кн. 27. М., 1882.
2. Беккер С. Миф о русском дворянстве: Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
3. Бестужев Н.А. Русский в Париже // Избранная проза / Сост. и примеч. Я.Л. Левкович. М.: Советская Россия, 1983.
4. Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
5. Буслаев Ф.И. Мои воспоминания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://az.lib.ru/b/buslaew\\_f\\_i/text\\_1892\\_moi\\_vospominania.shtml](http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1892_moi_vospominania.shtml)
6. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
7. Гринин Л.Е. Психология и социология феномена славы // Историческая психология и социология истории. 2010. Т. 3. № 2. С. 98-124.
8. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3. М.: Историческая библиотека, 2002.
9. Козлов В.П. Колумбы российских древностей. М.: Наука, 1981.
10. Кузнецов С.О. Строгоновы. 500 лет рода. Выше только цари. М.: Издательство Центрполиграф, 2012.
11. Ливен Д. Аристократия в Европе. 1815-1914. СПб.: Академический проект, 2000.
12. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.). СПб.: «Искусство-СПБ», 1994.
13. Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М., 1999.
14. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.
15. Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.
16. Эткинд А. Внутренняя колонизация: Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

#### REFERENCES

1. Arkhiv knyazya Vorontsova. Kn. 27 [The archives of Prince Vorontsov. Book 27]. Moskva, 1882. (in Russ.)

2. Becker, S., 2004. Mif o russkom dvoryanstve: Dvoryanstvo i privilegii poslednego perioda imperatorskoy Rossii [Nobility and privilege in late Imperial Russia]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)
3. Bestuzhev, N.A., 1983. Russkiy v Parizhe [A Russian in Paris]. In: Bestuzhev, N.A., 1983. Izbrannaya proza. Moskva: Sovetskaya Rossiya. (in Russ.)
4. Bloch, M., 2003. Feodal'noe obshchestvo [Feudal society]. Moskva. (in Russ.)
5. Buslaev, F.I. Moi vospominaniya [My memories]. URL: [http://az.lib.ru/b/buslaew\\_f\\_i/text\\_1892\\_moi\\_vospominania.shtml](http://az.lib.ru/b/buslaew_f_i/text_1892_moi_vospominania.shtml) (in Russ.)
6. Veblen, T., 1984. Teoriya prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]. Moskva. (in Russ.)
7. Grinin, L.E., 2010. Psikhologiya i sotsiologiya fenomena slavy [Psychology and sociology of the phenomenon of glory], Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii, Vol. 3, no. 2, pp. 98-124. (in Russ.)
8. Klyuchevskiy, V.O., 2002. Kurs russkoy istorii. T. 3 [The course of Russian history. Vol. 3]. Moskva: Istoricheskaya biblioteka. (in Russ.)
9. Kozlov, V.P., 1981. Kolumby rossiyskikh drevnostey [The Columbuses of Russian antiquities]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
10. Kuznetsov, S.O., 2012. Strogonovy. 500 let roda. Vyshe tol'ko tsari [The Strogonovs. 500 years of the family. Second only to tsars]. Moskva: Izdatel'stvo Tsentrpoligraf. (in Russ.)
11. Liven, D., 2000. Aristokratiya v Evrope. 1815-1914 [Aristocracy in Europe. 1815-1914]. Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt. (in Russ.)
12. Lotman, Yu.M., 1994. Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX vv.) [Conversations about Russian culture: everyday life and traditions of the Russian nobility (18th to early 19th century)]. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo-SPB». (in Russ.)
13. Marasinova, E.N., 1999. Psikhologiya elity rossiyskogo dvoryanstva posledney treti XVIII veka (po materialam perepiski) [Psychology of the elite of the Russian nobility of the late XVIII century (a research based on correspondence)]. Moskva. (in Russ.)
14. Ossovskaya, M., 1987. Rytsar' i burzhua. Issledovaniya po istorii morali [Knight and bourgeois. Studies on the history of morality]. Moskva. (in Russ.)
15. Elias, N., 2001. O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya. T. 2. [On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic investigations. Vol. 2]. Moskva; Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
16. Etkind, A., 2013. Vnutrennyaya kolonizatsiya: Imperskiy opyt Rossii [Internal colonization: Russia's imperial experience]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

УДК: 376,7  
DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/63-72](https://dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/63-72)

П.А. Лапин\*

## ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИНОСТРАННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КИТАЕ В ПОЗДНИЕ ГОДЫ ДИНАСТИИ ЦИН

В статье прослеживается история образовательных учреждений, организованных иностранными миссионерами в Китае в конце XIX – начале XX вв., анализируются основы и содержание образовательной политики зарубежных миссионерских организаций, а также причины постепенной утраты миссионерскими учебными заведениями своих лидирующих позиций в академической сфере Китая. Автор приходит к выводу, что система миссионерского образования подготовила в Китае базу для развития системы школьного и вузовского образования, позволила местным администраторам наработать довольно богатый опыт по регулированию данной сферы, привнесла в китайское общество немало новых идей и открытий западной науки.

*Ключевые слова:* миссионеры, религиозное образование, Китай, Цинская империя, практическое обучение

**Educational policy of the foreign religious organizations in late Qing China.**  
PAVEL A. LAPIN (Embassy of Russia in Beijing, China)

The article traces the history of educational institutions organized by foreign missionaries in China in the late XIX and early XX centuries, analyzes the foundations and content of the educational policy of foreign missionary organizations in the country, as well as the reasons for the gradual loss of the leading positions in the academic sphere of China experienced by the missionary educational institutions. The author comes to the conclusion that the system of missionary education created the base for the development of the system of school and university education in China, allowed local administrators to gain necessary experience in regulating academic sphere and introduced many new ideas and achievements of Western science to the Chinese society.

*Keywords:* missionaries, religious education, China, Qing Empire, practical training

Во второй половине XIX в. Цинская империя стала местом геополитического соперничества государств Западной Европы и США, стремящихся установить контроль над этим дальневосточным регионом. При реализации колониальной политики державы уделяли большое внимание укреплению своего гуманитарного присутствия, повсеместно открывая образовательные учреждения различного профиля, в которых велось

преподавание современных учебных дисциплин, учащимся прививались практические умения и навыки, их знакомили с базовыми ценностями и идеалами западной цивилизации, в том числе связанными с христианством.

Со второй половины XIX в. большую роль в создании в Китае новой системы образования играли иностранные миссионеры, прежде всего, католики и протестанты. «Представители Западной Европы

\* ЛАПИН Павел Андреевич, кандидат исторических наук, руководитель группы гуманитарного сотрудничества и информации Посольства России в Китае.

E-mail: [waijiao2000@mail.ru](mailto:waijiao2000@mail.ru)

© Лапин П.А., 2018

и Америки имеют весьма деятельных, хотя и не всегда безопасных в политическом отношении пособников в лице миссионеров разных исповедий. Многочисленные учебные заведения, основанные последними, далеко не ограничиваются узкими катехизаторскими рамками, а напротив, дают своим ученикам весьма солидное общее образование, основательно знакомя их в то же время с тем или другим иностранным языком», – писал в 1905 г. российский посланник в Пекине Д.Д. Покотилов (Архив внешней политики Российской Империи, далее – АВП РИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 2042. Л. 9об.). По самым общим подсчетам, в 1870 г. в Цинской империи лишь по линии католической церкви вели миссионерскую деятельность 250 священников, через 15 лет их количество увеличилось до 488, к 1900 г. – до 886, а за короткие пять лет – к 1905 г. – до 3445 человек [18, с. 554-555]. Протестантских служителей культа было гораздо меньше: в 1900 г. их насчитывалось не более 300 человек [18, р. 558]. Практически все миссионерские приходы и общины в той или иной степени занимались образовательной деятельностью [12, с. 5].

Реализуемая по линии зарубежных миссионерских организаций в Китае образовательная политика строилась на критике достижений китайского традиционного обучения, целью которого являлась подготовка слушателей к сдаче государственных экзаменов на получение ученых степеней («кэцзюй»), и выдвигала на первый план практическое образование. «Китайское школьное образование лишь преклоняется перед древностью», – писал в 1881 г. в своей работе «О восстановлении школ» американский миссионер Кельвин Мейтир<sup>1</sup> [10, с. 52-53].

<sup>1</sup> Кельвин Вильсон Мейтир (кит. имя *Дикаовэнь*, 狄考文) (1836-1908) – миссионер американской пресвитерианской церкви, прибыл на службу в Китай в 1863 г. В 1864 г. в г. Дэнчжоу основал одну из первых религиозных начальных школ, в 1876 г. преобразованную в среднюю школу. Умер в Циндао в 1908 г. Успехи созданного проповедником учебного заведения были более чем скромными. В первый год работы школы на полный пансион были приняты всего шесть учащихся, пятеро из которых были неграмотными. В ходе обучения двое из них выбыли по инициативе родителей, один оставил учение ввиду полной неуспеваемости. По итогам первого года обучения на испытаниях практически все оставшиеся учащиеся (позже добавилось еще двое) показали неудовлетворительные результаты. В дальнейшем ситуация с набором абитуриентов продолжала оставаться критической: с 1864 по 1874 гг. в учебном заведении в общей сложности обучался 91 человек, при этом весь курс обучения, составлявший 6 лет, прошли лишь четверо, среди которых только один был признан пригодным для нужд церкви и миссионерской работы [10, с. 124-125].

В 1839 г. в Макао была открыта Школа Моррисона (Morrison School), ставшая первым учебным заведением, основанным по линии иностранной религиозной организации на территории Китайской империи в Новое время [1, с. 25; 5, с. 112]. В 1843 г. школу перевели в Гонконг, где в ученики были записаны всего шесть человек. В 1849 г. по причине финансовых затруднений учебное заведение было закрыто [16, с. 56]. Важным достижением школы стал разработанный устав, послуживший основой для подготовки в будущем нормативных документов миссионерских учебных структур. В нем был подробно описан порядок приема абитуриентов, обеспечения их учебными пособиями, найма преподавателей [2, с. 47-48]. В 1844 г. в Нинбо Английская христианская ассоциация по содействию женскому образованию на Востоке учредила первую религиозную женскую школу [9, с. 102].

Определенные преимущества в организации образовательной деятельности в Китае иностранные служители культа получили в результате «опиумных войн», когда по условиям ряда международных соглашений цинского двора с Англией и Францией (Нанкинский договор между Китаем и Англией 1842 г. и Хуанпудский договор между Китаем и Францией 1844 г.) для контактов с иностранцами был открыт Гонконг и пять приморских торговых портов (Гуанчжоу, Сямэнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай), где пришлым в том числе разрешалось создавать религиозные общины и открывать учебные заведения [13, с. 61]. В 1840-х – 1860-х гг. в указанных шести районах иностранными священнослужителями было учреждено порядка 50 школ, в которых обучались около 1 тыс. человек [9, с. 101].

Всплеск в деле учреждения в Китае религиозных учебных заведений приходится на период после 1860-х гг., когда по итогам подписанных с цинскими властями Пекинских договоров мировые державы получили право распространять религиозное учение во внутренних пределах Китайской империи. Лишь за короткий период с 1860 по 1875 гг. там появилось порядка 800 школ, которые посещали более 20 тыс. учащихся, при этом лишь в 1860 г. по линии протестантской церкви их было открыто 90, а католической – 63 [2, с. 57-58]. В 1906 г. количество слушателей начальных и средних школ составило порядка 57 тыс. человек, в 1920-х гг. их было уже более 245 тыс., в 1935 г. – достигло 479 тыс. человек [16, с. 88]. В 1922 г. по всему

Китаю функционировало около 7,3 тыс. образовательных учреждений, в том числе 291 детский сад, 5,6 тыс. начальных школ, 291 средняя школа, несколько сот групп обучения при церковных приходах [15, с. 15].

Миссионеры заложили основы китайского высшего образования. В 1882 г. на базе американской религиозной школы в г. Дэнчжоу был учрежден первый в Китайской империи вуз – Дэнчжоуский университет. Кстати, это случилось за 16 лет до появления в Пекине первого собственно китайского высшего учебного заведения – Пекинского университета (1898 г.). Миссионерская система высшего образования развивалась довольно динамично: в 1918 г. в Китае функционировало 13 христианских вузов<sup>2</sup>, в которых до 1917 г. обучалось 80% всех китайских студентов [1, с. 25; 3, с. 107].

Значительные успехи были сделаны и в организации женского образования, основателями которого также выступили миссионеры. В 1876 г. в Китае вели работу 121 женское религиозное учебное заведение (более 2,1 тыс. послушниц) [1, с. 26]. С 1905 г. начали открываться первые женские вузы, готовившие выпускниц по различным социально значимым специальностям<sup>3</sup>. В связи с развитием женского образования китайские власти по инициативе миссионеров начали разработку законодательных актов, регулирующих деятельность женских учебных заведений.<sup>4</sup>

По линии миссионерских организаций открывались не только общеобразовательные учебные заведения, в начале XX в. начали появляться и специализированные колледжи, в которых обучали по педагогическим, медицинским, сельскохозяйственным, торгово-промышлен-

<sup>2</sup> В этот же период в империи насчитывалось всего восемь китайских государственных и частных вузов [1, с. 25].

<sup>3</sup> В 1905 г. учреждается первый в Китае женский университет – Северокитайский женский университет «Сехэ» (кит.: *Хуабэй сехэ нюйцзы дасюэ*, 华北协和女子大学) [6, с. 102], в 1908 г. – Южнокитайский женский университет (кит.: *Хуанань нюйцзы дасюэ*, 华南女子大学), 1913 г. – Цзиньлинский женский университет (кит.: *Цзиньлин нюйцзы дасюэ*, 金陵女子大学) [14, с. 88-89].

<sup>4</sup> Например, в 1907 г. новосозданное Ведомство по делам просвещения (кит.: *Сюэбу*, 学部; учреждено в 1905 г.) подготовило «Устав начальных школ для девочек» (кит.: *Нюйцзы сяосюэ чжанчэн*, 女子小学章程) и «Устав женских педагогических школ» (кит.: *Нюйцзы шифань сюэтан чжанчэн*, 女子师范学堂章程) [14, с. 89].

ным, теологическим и юридическим направлениям [10, с. 156-162].

Российское государство по линии Русской православной церкви также осуществляло религиозную образовательную деятельность, хотя в значительно меньших масштабах, чем другие иностранные религиозные структуры. По данным китайских исследователей, до 1917 г. в Китае функционировало 17 православных школ для мальчиков и 3 для девочек с общим количеством учащихся порядка 700 человек [6, с. 108].

Стоит, однако, отметить, что в начале XX в. вследствие развития национального государственного образования объемы иностранного религиозного образования начали быстро сокращаться. В 1917 г. в христианских начальных школах обучалось лишь 4% учащихся от общего количества слушателей школ этой ступени в Китае, в средних школах – не более 11%, в полной средней школе – 8%, в 1930-х гг. в системе высшего образования доля учащихся составила 15% (6,8 тыс. человек) [3, с. 107; 14, с. 88]. Практически 70% всех учебных заведений принадлежали американским религиозным структурам [6, с. 106; 10, с. 144]. Шло значительное сокращение финансирования, поступавшего по линии иностранцев, за счет целенаправленного увеличения объемов инвестирования со стороны китайских властей. Например, к 1937 г. размеры иностранной финансовой помощи религиозным учебным заведениям Шанхая сократились до 30%, а в некоторых городах – до 2% [14, с. 90].

Для регулирования деятельности учебных заведений религиозными организациями были созданы специальные органы управления. В 1877 г. в Шанхае на Первом заседании Конференции христианских миссионеров в Китае была учреждена Китайская образовательная ассоциация (кит.: *Чжунхуа цзяюй хуэй*, 中华教育会) – ведущий орган, координирующий работу иностранных религиозных учебных заведений всех уровней вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Ассоциация проводила регулярные заседания, на которых решались наиболее актуальные вопросы организации обучения в религиозных школах. В 1905 г. на Шестой конференции Ассоциации был поднят вопрос о вступлении в это объединение китайских представителей и их участия в формировании образовательной политики в религиозных учебных заведениях. В связи с административными нововведениями в 1912 г. Ассоциация была переименована во Всекитайскую

христианскую ассоциацию образования (кит.: *Цюаньго цзидуцзяо цзяюй хуэй*, 全国基督教教育会) [16, с. 311]. С целью организации более эффективной работы новой Ассоциации Китай был поделен на восемь округов, в каждом из которых были учреждены местные отделения этого объединения.

Кроме Ассоциации, в 1887 г. в том же Шанхае английские и американские протестанты учредили Общество христианской литературы «Гуансюэ хуэй» (The Christian Literature Society for China), в 1915 г. в Пекине было открыто Нью-Йоркское представительство христианских университетов, в 1924 г. там же появился созданный американцами Китайский фонд продвижения образования и культуры (China Foundation for the Promotion of Education and Culture) [6, с. 108].

Содержание обучения в религиозных школах являлось важным вопросом, так как от того, насколько сбалансированными будут учебные планы и вводимые урочные дисциплины, которые базировались пока на чуждых китайским учащимся западных научных теориях, зависел успех образовательной деятельности представителей иностранной церкви. При организации обучения упор делался на толковании христианских канонов, что объяснялось спецификой учебных заведений. Было введено преподавание Нового и Старого заветов, богословия, истории христианства, миссионерской практики и др. [8, с. 120]. По мере развития миссионерского образования в Китае теологические учебные аспекты становились более разносторонними [10, с. 149-151].

Организаторы миссионерского образования понимали, что привнесение в глубоко традиционное и закрытое китайское общество новых норм веры потребует значительных усилий. Необходимо было на начальном этапе параллельно с разъяснением христианских догм также поощрять и конфуцианское учение, именно поэтому в школах вводились привычные для китайских слушателей курсы, где им растолковывали этико-философские конфуцианские произведения древности – «Сы Шу, У Цзин» («Четыре книги и Пять канонов», кит.: 四书五经) [11, с. 13]. Организация преподавания китайских древних писаний позволяла наладить практику обучения китайскому литературному письменному языку, что с педагогической точки зрения было более чем необходимо, так как в своем большинстве учащиеся были людьми малограмотными.

Довольно бурную дискуссию в миссионерских кругах вызвал вопрос о введении в религиозных школах преподавания иностранных языков и, прежде всего, английского языка – родного языка большинства иностранных священников, ведущих проповедь в Китае. По итогам Первого заседания Конференции христианских миссионеров в Китае в 1877 г. было принято решение ввести в план преподавания в религиозных учебных заведениях, открытых после 1840-х гг. в прибрежных районах империи, английского языка, что было сделано в том числе в интересах подготовки людей, способных оказывать помощь иностранным коммерческим компаниям в контактах с местными властями [7, с. 56]. Однако относительно распространения этой практики на учебные заведения, созданные во внутренних пределах Китайской империи, в среде миссионерства возникли разногласия. Некоторые из проповедников высказывались против включения иностранных языков в учебные программы школ. Миссионер Кельвин Мейтир в 1890 г., в частности, указывал на то, что повсеместное введение в школах английского языка (как и любого другого) расширит возможности трудоустройства выпускников и, возможно, не в пользу работы по церковному направлению, что не совпадало с политикой религиозных структур по подготовке своих последователей и их привлечения к пастырской деятельности [7, с. 57]. Кроме того, овладение иностранными языками, требующее много времени и усилий, отвлекало бы учащихся от изучения общеобразовательных и религиозных курсов [10, с. 132].

Таких проповедников, как Мейтир, по прошествии времени становилось все меньше, в миссионерских кругах все более настойчиво продвигался тезис о необходимости не только внедрения английского языка в преподавание, но и постепенного перевода всего обучения в религиозных учебных заведениях на этот иностранный язык. В 1893 г. немецкий священник Эрнст Фабер<sup>5</sup>, выступая на Первой конферен-

<sup>5</sup> Эрнст Фридрих Людовик Фабер (кит. имя: *Хуачжиань*, 花之安) (1839-1899) – немецкий миссионер евангелической лютеранской церкви, китаевед, ботаник. В 1864 г. окончил Тюбингенский университет и тогда же был включен в состав миссии Рейнского миссионерского общества в Китае. Прибыл в Цинскую империю в 1865 г. Много путешествовал, занимался исследованиями в области ботаники, описав 120 видов растений, изучал китайский язык и литературу, перевел Евангелие от Марка на китайский язык. Умер в Циндао в 1898 г. от дизентерии.

ции Китайской образовательной ассоциации с докладом «О вопросах христианского образования в Китае», предложил ввести в таких школах преподавание ряда дисциплин, в том числе религиозных, на английском языке, а на Второй конференции этой Ассоциации в 1896 г. ректор шанхайского Университета Св. Джона американец Френсис Потт<sup>6</sup> высказал идею организовать преподавание вообще всех школьных курсов в христианских учебных заведениях на английском языке, как это было устроено в его учебном заведении (кстати, именно этот вуза стал первым учебным заведением в Китае, где обучение осуществлялось полностью на английском языке) [7, с. 57].

Повсеместное введение в программу преподавания английского языка и позже преподаванием на нем общеобразовательных дисциплин являлось не только частью политики гуманитарного проникновения иностранных миссионеров и государств, которые они представляли, в китайское общество и вовлечения местных подданных в европейско-американскую культуру. Продвигая инициативу образования на иностранном языке, миссионеры имели возможность в полной мере сохранить передаваемые учащимся знания, ведь западные научные и технические знания было сложно адекватно

<sup>6</sup> Френсис Листер Йокс Потт (кит. имя: *Буфанцзи*, 卜舫济) (1864-1946) – известный американский миссионер, историк. В 1883 г. окончил Колумбийский университет по специальности филология, в 1886 г. окончил Нью-Йоркскую теологическую семинарию (New York Theological Seminary). В 1888 г. по линии Американской епископальной церкви прибыл на службу в Китай. Был назначен директором Шанхайской религиозной школы Св. Джона (Saint John's College, кит.: *Шэн юэхань шуюань*, 上海圣约翰书院), где также преподавал английский язык. Под руководством Потта школа начала активно развиваться, расширялась инфраструктура, при учебном заведении начали работу музей, лаборатория, библиотека, отстроены новое учебное и административные здания. В 1892 г. школа была преобразована в Университет Св. Джона (St. John's University, кит.: *Шэн юэхань дасюэ*, 圣约翰大学), руководить которым также было предложено Потту. Параллельно с работой в университете вел активную работу в миссионерских структурах – занимал пост председателя Всекитайской христианской ассоциации образования, председателя Королевской азиатской ассоциации (Royal Asian Society). Американец пробыл на посту руководителя учебного заведения до 1941 г., когда вышел в отставку и вернулся в США. После окончания Второй Мировой войны вернулся в Шанхай, где умер в 1947 г., прослужив в Китае 53 года.

транслировались посредством китайского языка, пока не приспособленного к иностранным научным категориям.

Кроме английского языка, который занимал господствующее положение в религиозных школах, учащимся также преподавались другие западные языки. В зависимости от того, религиозной организации какого государства принадлежало учебное заведение, слушатели изучали французский, немецкий, итальянский, а также русский языки.

Целью учреждения религиозных учебных заведений являлось в том числе распространение в китайском обществе современных европейских научных знаний и теорий, лежавших в основе военно-технологического прогресса мировых держав. В 1850-х – 1860-х гг., когда миссионерские школы только проходили путь становления, учебные планы были во многом сопоставимы: учащимся, кроме иностранного языка, также преподавались курсы по арифметике, алгебре, геометрии, географии, геологии, ботанике, химии, астрономии, истории, международному праву, политэкономии; в учебных заведениях, сориентированных на подготовку людей, знакомых с мореходством и военным делом, также были введены курсы навигации, основ кораблестроения; тем, кто хотел стать впоследствии лекарями, преподавали физиологию, хирургию, фармацевтику, западную и китайскую медицину [3, с. 106]. В 1870-е гг., по мере развития миссионерского образовательного дела, начинают создаваться школы с определенным профессиональным уклоном. Лишь в одной из авторитетных религиозных школ – Шанхайской естественнонаучной школе (кит.: *Шанхай гэчжи шуюань*, 上海格致书院)<sup>7</sup> – было учреждено шесть технических специальностей: минералогия и добыча полезных ископаемых, электрическое дело, геодезия и картография, инженерия, машины, технология производства [10, с. 136-137].

Надо сказать, что и при преподавании общеобразовательных дисциплин продвигалась идея неотделимости науки от религии. «Если наука не будет выступать в союзе с религией, она превратится во врага веры», — указывал Мейтир [7, с. 58]. Научные категории объяснялись сквозь призму религиозных догматов: там, где наука (даже западная) пока не могла дать надежного толкования, природные закономерности разъяснялись через «божественную волю».

<sup>7</sup> Основана в 1876 г. английским проповедником Джоном Фрейером, просуществовала до 1904 г.

Срок обучения в школах миссионеров обычно составлял шесть лет. В течение всего этого периода слушатели постигали основы религиозного учения, изучали иностранный язык и общеобразовательные предметы [2, с. 62-63]. Был определен возраст зачислявшихся учащихся: 10 лет – для поступления в начальную школу, 13 лет – в среднюю школу и 16 лет – в вуз [4, с. 126].

Основным контингентом учащихся школ в начальный период были дети из бедных семей, сироты. Учебные заведения предоставляли проживание, ученикам выдавалась одежда, организовывалось питание, практически все получали небольшую стипендию. Именно материальные блага побуждали родителей отправлять своих детей в миссионерские школы, так как даже при наличии в целом благоприятных условий обучения эти учебные заведения на начальном этапе не могли набрать достаточное количество учащихся, да и те, кто все же приходили, не всегда могли обучаться, в большинстве случаев за отсутствием элементарного интереса к учебе и на тот момент пока слабых перспектив трудоустройства. Кстати, именно желание привлечь как можно больше учащихся в свои заведения побудило миссионеров приступить к организации женского образования, как указывалось выше, сначала открывая начальные и средние религиозные школы, а потом, в начале XX в., и первые женские университеты.

В конце XIX в. ситуация с набором абитуриентов начала меняться: для работы на новых производствах, руководства ими необходимы были довольно специфические практические знания, которые на определенном уровне давали миссионерские учебные заведения. Интерес к получению такого образования начал постепенно формироваться среди состоятельных семей, которые стали направлять своих отпрысков для обучения в миссионерских учебных заведениях. Так иностранная церковь приступила к распространению своего влияния среди благородных сословий Китая [10, с. 124-125].

В своих школах миссионеры внедряли западную методику преподавания, которая качественно отличалась от принятой в Китае. Иностранные преподаватели разъясняли суть феномена, причинно-следственные связи возникновения определенных событий, тогда как китайская традиционная форма преподавания предполагала пустое и бездумное заучивание учащимися значительных массивов материала

без понимания их сути, выстраивания каких-либо логических схем.

Важным нововведением стали лаборатории, где теоретические знания апробировались на практике, а описанные явления подтверждались опытным путем. Скажем, упоминавшийся выше основатель Дэнчжоуской религиозной школы Мейтир, возвращаясь в 1879 г. в Китай из кратковременного отпуска в США, привез с собой телескоп и тепловой двигатель от паровоза, которые позже были помещены в открытую им же физико-химическую лабораторию, где он вел практические занятия, рассказывая в том числе о паровозостроении в США [3, с. 106]. Впоследствии наставник продолжил формирование коллекции современных наглядных технических приспособлений, которых в итоге набралось порядка 300 [10, с. 137].

В качестве учебных материалов в школах и вузах использовались в том числе переведенные на китайский язык научные произведения иностранных исследователей или дидактические разработки самих миссионеров, с целью чего при религиозных приходах открывались небольшие переводческо-издательские бюро. Первой такой структурой стало книжное издательство «Мохай» (кит.: *Мохай шугуань*, 墨海书馆), основанное в Шанхае в 1843 г. по линии Английского миссионерского общества. Кроме библейских текстов, издательство выпускало различные научные труды по естественным и гуманитарным наукам. До конца XIX в. в Китае функционировало 14 наиболее крупных миссионерских организаций, занимавшихся переводом, изданием и распространением переводной религиозной и научной литературы [7, с. 59].

С целью упорядочения переводческой и издательской деятельности религиозных структур в Китае в 1877 г. в Шанхае был учрежден Комитет школ и учебных пособий (School and Textbooks Series Committee, кит.: *Сюэсяо юй цзяокэшу вэйюаньхуэй*, 学校与教科书委员会). Важной инициативой этой организации стала разработка и внедрение в миссионерской системе образования двух серий единой учебной литературы для школ начальной и высшей ступеней. Пособия охватывали практически все школьные предметы, включая математику, астрономию, геологию, химию, биологию, историю, географию, иностранные языки, музыку. Были снабжены иллюстрациями, пояснительными схемами и картами, взятыми из китайской научной и справочной литературы, что позволяло местным учащимся лучше усваивать

материал [17, с. 86-87]. С момента своего учреждения и до 1890 г. Комитет утвердил издание 84 учебных пособий, более 50 экземпляров карт и справочных таблиц, с его одобрения через сеть книжных магазинов было реализовано более 30 тыс. томов учебных книг [9, с. 577]. Вообще, с 1853 по 1911 гг. по линии миссионерских образовательных структур было переведено на китайский язык и издано 468 наименований европейских научных трудов, при этом большинство из них были учебными пособиями по математике и физико-химическим наукам [7, с. 60]. Значительный вклад в дело перевода и распространения в Китайской империи иностранной научной литературы также внесла учрежденная в Шанхае в 1887 г. Китайская ассоциация христианской литературы «Гуансюэ хуэй» (The Christian Literature Society for China, кит.: *Гуансюэ хуэй*, 广学会) [7, с. 60]. Стоит сказать, что благодаря эффективной работе миссионерских переводческих и издательских структур по знакомству местного общества с достижениями западной науки в китайском лексиконе появилось специальное слово «научная литература» («цзяокэшу») [7, с. 59].

Переведенные религиозными организациями иностранные учебные пособия пользовались большим спросом среди новой китайской интеллигенции. Они широко применялись в учебных заведениях, открывавшихся китайскими властями по всей империи. Например, переведенный и изданный в 1892 г. миссионером Мейтиром учебник «Письменная математика» (кит.: *Бисуань шусяо*, 笔算数学) впоследствии до 1902 г. издавался еще 32 раза [7, с. 60].

Система иностранных религиозных учебных заведений в Китае просуществовала до середины XX в. После образования КНР новые власти взяли курс на возвращение суверенитета над национальной системой образования: 12 октября 1950 г. было издано постановление о переводе пекинских религиозных вузов под управление китайских властей, а 29 декабря того же года последовало новое распоряжение о полном запрете к концу 1951 г. деятельности всех религиозных учебных заведений по всей стране и установлении над ними исключительного права КНР [2, с. 287]. Вслед за созданием нового государства начался длительный процесс преобразования бывшей миссионерской образовательной инфраструктуры. Некоторые учебные заведения были упразднены, некоторые объединены и включены в состав школ, колледжей и университетов, созданных властями КНР.

Такова была история иностранного религиозного образования в Китае во второй половине XIX – начале XX вв. Это был важнейший период развития китайской национальной системы образования. Именно тогда обозначился постепенный переход от китайского традиционного гуманитарного образования к европейским стандартам обучения, сочетавшего теоретические и практические элементы.

Иностранные миссионеры в течение непродолжительного периода времени создали довольно развитую систему начального, среднего и высшего образования, которая в период своего расцвета в последней четверти XIX в. фактически определяла все новое образование в Цинской империи. Именно представителям иностранных религиозных конфессий принадлежит инициатива создания всеобщего женского образования, что было новаторством не только для самой педагогической системы Китая, но и вообще для китайского общества, тогда еще глубоко консервативного. В этой связи особое место занимают первые женские вузы, открытые миссионерами, которые наравне с мужскими университетами стали центрами подготовки высококвалифицированных специалистов в различных сферах<sup>8</sup>.

Была создана надежная централизованная система управления образованием. Учрежденные миссионерами специализированные ассоциации и комитеты обеспечили единый стандарт обучения, включая учебные планы, урочное расписание, практику комплектования преподавательского состава и разработки учебных пособий.

Именно с миссионерскими школами связывают начало системного изучения китайскими подданными иностранных языков. До этого иностранные языки преподавались в весьма незначительном количестве учебных заведений, готовивших переводчиков для государственной службы и внешней торговли. Качество обучения там было низким, в связи с чем местные администраторы при контактах с чужеземцами больше ориентировались на иностранцев, слу-

<sup>8</sup> Тот же Цзиньлинский женский университет за более чем тридцатилетнюю историю своего существования с 1913 по 1951 гг. подготовил более 1 тыс. выпускниц по педагогическим, медицинским специальностям, а также сотрудников сферы обслуживания [14, с. 89]. Среди 33 выпускниц 1922 г. 20 впоследствии были командированы в США для совершенствования знаний, некоторые из них получили высшие докторские степени [1, с. 27].

живших в Китае, нежели на свои кадры. Как-либо научных исследований иностранных языков в школах не проводилось, что не позволяло издавать современные учебные пособия и преобразовывать методику преподавания. Именно с открытием религиозных школ и внедрением повсеместного изучения иностранных языков (прежде всего английского) в Китае начался процесс подготовки специалистов, способных уверенно работать с языками и выполнять функции переводчиков. Важно, что в том числе и эти люди занимались переводом, интерпретацией и первичным анализом иностранной учебной и научной литературы в интересах накопления новых передовых знаний и формирования основ китайской современной науки.

Выпускники религиозных учебных заведений составили основу тогдашней педагогической интеллигенции. Например, 58% выпускников 1904 г. Дэнчжоуской религиозной школы (общий выпуск составил более 200 человек) были распределены в сфере образования, при этом восемь из них стали преподавателями Пекинского университета [7, с. 61]. Впоследствии, несмотря на то, что эти показатели немного снизились, учительство по-прежнему оставалось приоритетным направлением трудоустройства выпускников школ<sup>9</sup>. Например, 72 выпускника 1926 г. (из 273) Университета Св. Джона получили назначения на преподавательские и административные должности в различных учебных заведениях, при этом двое из них впоследствии дослужились до ректоров вузов, 65 стали преподавателями вузов, пять – директорами школ [3, с. 107].

Миссионерское образование, при всех своих достижениях, со временем утратило свое доминирующее положение в академической сфере. Китай вовлекался в систему новых международных отношений, формировалась национальная передовая интеллигенция, укреплялись контакты местных подданных с зарубежными государствами, в связи с чем религиозные учебные заведения постепенно начали утрачивать былой авторитет центров прогрессивной педагогической и научной мысли. Это также совпало по времени с периодом повсеместного открытия новых китайских государственных учебных заведений, ничем не уступавших миссионерским, но пользовавшихся поддержкой властей.

Спад интереса к миссионерскому образованию стоит также связывать с довольно консервативной формой обучения, реализуемой в церковных школах, которая была ориентирова-

на на воспитание учащихся в рамках традиционной христианской культуры. И несмотря на преподавание различных светских дисциплин и прививание учащимся практических умений и навыков, основной упор все же делался на толкование религиозных аспектов, формировавших у учащихся довольно узкое, а порой и ненаучное представление об окружающем мире. Выпускники таких учебных заведений не могли составить основу передовой интеллигенции, в своем большинстве не поддерживали реформаторские усилия местных властей и ограничивали свою профессиональную деятельность преподаванием, причем в рамках простых учебных программ, довольно быстро терявших свою актуальность.

Стоит также сказать, что надежды иностранной церкви в Китае посредством налаживания религиозного образования подготовить стабильную базу для проведения здесь христианской реформы не оправдались. Китайское общество, многие столетия формировавшееся в рамках конфуцианской идеологии, было глубоко традиционным, реформы прозападного толка второй половины XIX в. только набирали обороты, наталкиваясь на сильное сопротивление консервативной части китайской политической элиты, поэтому привитие местным подданным чуждых христианских ценностей и массовая подготовка адептов новой церкви в Китае оказались практически невыполнимыми задачами. Количество последователей католического и протестантского учения в масштабах империи было незначительным, истинных же верующих было еще меньше.

В целом иностранная церковь подготовила в Китае базу для развития системы школьного и вузовского образования, позволила местным администраторам наработать довольно богатый опыт по регулированию данной сферы, привнесла в китайское общество немало новых идей, однако предпринимаемые священнослужителями действия не смогли по настоящему вписаться в процесс реформ, запущенный местными властями во второй половине XIX в., отвечать потребностям времени, вследствие чего религиозное образование не смогло успешно конкурировать с национальной китайской школой и довольно быстро начало терять популярность, пока и вовсе не было запрещено в середине XX в.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ань Янь, Ду Эньлун. Цзяохуэй сюэсяо цзай чжунго цзиньдай цзяоюй чжун дэ цююн

(Роль религиозных школ в образовании в Китае в Новое время) // Хэбэй шифань дасюэ сюэбао (цзяоюй кэсюэ бань). 2009. № 9 (Т. 11). С. 23-28.

2. Гао Шилиян. Чжунго цзяохуэй сюэсяо ши (История миссионерских школ в Китае). Чанша: Хунань цзяоюй чубаньшэ, 1994.

3. Гу Инхуэй. Цзяосюэ сюэсяо юй чжунго цзиньдай цзяоюй (Религиозные школы и образование в Китае в Новое время) // Сучжоу дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 1994. № 2. С. 104-109.

4. Лунь сюэ ин фавэнь (О преподавании английского и французского языков) // Дигочжуй цинь хуа цзяоюй ши цзыляо — цзяохуэй цзяоюй / Под ред. Ли Чуцая. Пекин: Цзяоюй кэсюэ чубаньшэ, 1987.

5. Лю Цзиньюй. Чжунго цзиньдай цзидуцзяо цзяохуэй сюэсяо дэ шэнчэн таньтао (Анализ появления и развития христианских религиозных школ в Китае в Новое время) // Хэньян шифань сюэюань сюэбао (шэхуэй кэсюэ). 2004. № 1 (Т. 25). С. 111-115.

6. Люй Да. Цзиньдай чжунго цзяохуэй сюэсяо шулюэ (Описание религиозных школ в Китае в Новое время) // Шанхай шифань дасюэ сюэбао. 1987. № 3. С. 105-109.

7. Люй Да. Цзиньдай цзяохуэй сюэсяо кэчэн дэ тэдянь цзици пинцзя (Особенности урочного расписания в религиозных школах в Новое время и оценки его) // Цзяоюй пинлунь. 1990. № 3. С. 55-61, 19.

8. Ху Вэйцин. Лунь цзиньдай цзяосюэ сюэсяо дэ цзунцзяо цзяоюй (О религиозном образовании в религиозных школах в Новое время) // Сюэшу яньцзю. 2001. № 7. С. 119-125.

9. Хуан Цзиньган, Вэй Фуань. Вань цин цзяохуэй сюэсяо таньси (Анализ религиозных школ в поздние годы династии Цин) // Хулуньбэйэр сюэюань сюэбао. 2007. № 3 (Т. 15). С. 101-104.

10. Хэ Сяося, Ши Цзинхуань. Цзяохуэй сюэсяо ши юй чжунго цзяоюй цзиньдайхуа (История миссионерских школ и модернизация образования в Китае). Гуанчжоу: Гуандун цзяоюй чубаньшэ, 1996.

11. Хэ Хуавэй, Чжун Хайтао. Вань цин цзяохуэй сюэсяо дэ тэдянь (Особенности религиозных школ в поздние годы династии Цин) // Шоуду шифань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэ бань). 2004. Цзэнкань (дополнительный номер). С. 12-14.

12. Цзидуцзяо цзяоюй ши (Дело христианского образования) // Дигочжуй цинь хуа цзяоюй ши цзыляо — цзяохуэй цзяоюй / Под ред. Ли Чуцая. Пекин: Цзяоюй кэсюэ чубаньшэ, 1987.

13. Чжан Дэфу, Ван Ин. Цзяохуэй сюэсяо хэ янью сюэтан дуй во го вайюй цзяосюэ дэ лиши цююн цзици инсян (Роль религиозных и иностранных школ и их значение в истории преподавания иностранных языков в Китае) // Линьцуй цзяосюэ. 2005. № 4. С. 61-62.

14. Чжао Жукунь. Цзиньдай чжунго цзяохуэй сюэсяо пинцзя вэньти дэ цзай жэньши (Новое понимание вопросов оценок религиозных школ в Китае в Новое время) // Дунфан луньтань. 2006. № 5. С. 87-92.

15. Чжунго цзидуцзяо цзяоюй ши. Фулу (Дело христианского образования. Приложение) // Дигочжуй цинь хуа цзяоюй ши цзыляо — цзяохуэй цзяоюй / Под ред. Ли Чуцая. Пекин: Цзяоюй кэсюэ чубаньшэ, 1987.

16. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши (История образования в Китае в Новое время) / Под ред. Чэнь Цзинцина. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 2004.

17. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо (Педагогические справочные материалы по истории образования в Китае в Новое время) / Под ред. Чэнь Сюэсюня. Т. III. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1987.

18. Fairbank, J.K. ed., 1978. The Cambridge History of China. Vol. 10 (Late Ch'ing, 1800-1911). Part I. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

#### REFERENCE

1. 安岩, 杜恩龙, 2009. 教会学校在中国近代教育中的作用 [The role of missionary schools in modern Chinese education] // 河北师范大学学报 (教育科学版). 第11卷, 第9期, pp. 23-28. (in Chinese)

2. 高时良, 1994. 中国教会学校史 [The history of missionary schools in China]. 长沙: 湖南教育出版社. (in Chinese)

3. 顾莹惠, 1994. 教会学校与中国近代教育 [Religious schools and modern education in China] // 苏州大学学报 (哲学社会科学版). 第2期, pp. 104-109. (in Chinese)

4. 论学英法文 [On teaching English and French] // 帝国主义侵华教育史资料 — 教会教育. 李楚材主编. 北京: 教育科学出版社, 1987. (in Chinese)

5. 刘金玉, 2004. 中国近代基督教教会学校的生成探讨 [The analysis of the emergence and development of Christian missionary schools in modern China] // 衡阳师范学院学报 (社会科学). 第25卷, 第1期, pp. 111-115. (in Chinese)

6. 吕达, 1987. 近代中国教会学校述略 [A brief account on missionary schools in modern China] //

<sup>9</sup> В 1925-гг. – до 25% по всей стране [14, с. 90].

上海师范大学学报. 第3期, pp. 105-109. (in Chinese)

7. 吕达, 1990. 近代教会学校课程的特点及其评价 [The characteristics and evaluation of curriculum in the missionary schools of modern China] // 教育评论. 第3期, pp. 55-61, 19. (in Chinese)

8. 胡卫清, 2001. 论近代教会学校的宗教教育 [On religious education in modern missionary schools] // 学术研究, 第7期, pp. 119-125. (in Chinese)

9. 黄金刚, 韦福安, 2007. 晚清教会学校探析 [The analysis of missionary schools in late Qing China] // 呼伦贝尔学院学报. 第15卷, 第3期, pp. 101-104. (in Chinese)

10. 何晓夏, 史静寰, 1996. 教会学校史与中国教育近代化 [The history of missionary schools and modernization of education in China]. 广州: 广东教育出版社. (in Chinese)

11. 何华伟, 钟海涛, 2004. 晚清教会学校的特点 [The characteristics of missionary schools in late Qing China] // 首都师范大学学报(社会科学版). 增刊, pp. 12-14. (in Chinese)

12. 基督教教育事业 [Christian education] // 帝国主义侵华教育史资料 – 教会教育. 李楚材主编. 北京: 教育科学出版社, 1987. (in Chinese)

13. 张德富, 王颖, 2005. 教会学校和洋务学堂对我国外语教学的历史作用及其影响 [The role and importance of missionary and foreign schools in foreign languages teaching in China] // 林区教学. 第4期, pp. 61-62. (in Chinese)

14. 赵入坤, 2006. 近代中国教会学校评价问题的再认识 [Rethinking the role of missionary schools in modern China] // 东方论坛. 第5期, pp. 87-92. (in Chinese)

15. 中国基督教教育实业, 附录 [The Christian education in China. Appendix] // 帝国主义侵华教育史资料 – 教会教育. 李楚材主编. 北京: 教育科学出版社, 1987. (in Chinese)

16. 中国近代教育史 [The history of education in modern China]. 陈景磐主编. 北京: 人民教育出版社, 2004. (in Chinese)

17. 中国近代教育史教学参考资料 [Teaching reference materials on the history of education in China in modern times]. 陈学恂主编. 下册. 北京: 人民教育出版社, 1987. (in Chinese)

18. Fairbank, J.K. ed., 1978. The Cambridge History of China. Vol. 10 (Late Ch'ing, 1800-1911). Part I. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

## ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

УДК 94(47).084

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/73-77

Е.В. Спешилова\*

### ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКИХ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПРИМОРЬЯ В 1923-1925 гг.

В статье рассматриваются основные виды деятельности изб-читален в селах Приморского края в период 1923-1925 гг., когда в сельской среде наметился значительный культурный сдвиг. В данный период избы-читальни рассматривались центральными и местными властями как опорные пункты политико-просветительного влияния на сельское население, однако, как отмечает автор, существовал ряд факторов, которые в значительной мере тормозили политико-просветительную работу данных учреждений.

*Ключевые слова:* изба-читальня, внешкольная работа, политико-просветительная работа, культурно-просветительная работа

**The activities of rural cultural and educational institutions in Primorye, 1923-1925.** ELENA V. SPESHILOVA (Far Eastern Federal University)

The article deals with the main activities of village libraries and reading rooms of Primorye during early 1920s, when a significant cultural shift was observed in the rural areas. At this period of time, village libraries and reading rooms were seen by central and local authorities as the main points of political and educational influence on the rural population, however, as the author notes, there were a number of factors that significantly hampered the political and educational work of these institutions.

*Keywords:* village reading room, out-of-school work, political-educational work, cultural-educational work

После окончания Гражданской войны в Приморье была начата работа по созданию и расширению сети культурно-просветительных учреждений. После создания Главполитпросвета РСФСР в конце 1920 г., термины «внешкольная», «культурно-просветительная работа» заменяются термином «политико-просветительная работа», подчеркивающим, что главной задачей библиотек и иных учреждений этой группы является агитационно-пропагандист-

ская и политико-просветительная деятельность [1, с. 10].

Основу сети сельских политико-просветительных учреждений 1920-х гг. в Приморской губернии составляли красные уголки, избы-читальни, клубы, Народные Дома, Дома Крестьянина. Клубные учреждения зачастую лишь получали новые – советские – наименования, фактически продолжая деятельность, начатую до революции, и находясь в прежних помеще-

\* СПЕШИЛОВА Елена Валерьевна, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: speshilova1963@mail.ru

© Спешилова Е.В., 2018

ниях [11, с. 162-164]. Главполитпросвет требовал сделать основным типом культурно-просветительного учреждения на селе в РСФСР изба-читальню [8, с. 78]. Изба-читальня, по определению Н.К. Крупской, была суммой всех просветительных учреждений и опорным пунктом культурной работы [2, с. 252]. Идейным стержнем политико-просветительной работы избы-читальни стала пропаганда марксизма, политики Коммунистической партии и Советской власти. Важное место в политико-просветительной работе принадлежало также атеистическому воспитанию.

Характерная особенность избы-читальни тех лет – многогранность ее деятельности. Она была, как правило, единственным массовым очагом культуры на селе. Поэтому в ее работе сочетались функции клуба, библиотеки и школы для взрослых [8, с. 58].

Работа изб-читален носила плановый характер: велись беседы под руководством местных педагогических и общественных сил по разным вопросам, причем главное внимание уделялось сельскому хозяйству и животноводству; функционировали драматические кружки молодежи, которые своими силами ставили спектакли; выпускались «живые» и стенные газеты. Во всех избах-читальнях проводились громкие чтения газет и журналов, местами читались лекции [3; 6].

Опорные избы-читальни территориально располагались в центре укрупненных волостей. Волостные и сельские штатные избы в большинстве случаев функционировали в отдельных зданиях, внебюджетные – при школах (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 18. Л. 15 об.). При всех штатных избах-читальнях организовывались советы. В работу вовлекались учителя, агрономы и другие образованные слои населения деревни.

Оплата труда заведующего избой-читальней была различна: Забайкалье выплачивало по 5 руб. золотом, на Амуре – 25 руб., Приморье намечало 15 руб. в месяц, но не во всех уездах их выплачивали. На хозяйственные расходы выдавали небольшие суммы: 3-5 руб. золотом в месяц. В Забайкалье заведующие избами-читальнями в большинстве случаев работали по совместительству, в Приморье – или по совместительству, или привлекались в порядке комсомольской и партийной дисциплины [9, с. 13]. Эти факторы приводили к тому, что квалификация работников была низкой: не более 40% из них соответствовали требованиям, предъявля-

емым вышестоящими инстанциями (РГИА ДВ. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 18. Л. 28). Характерными чертами штата районных инспекторов и избачей стали отсутствие политико-просветительской подготовки, политическая и общеобразовательная малограмотность.

Тяжелое материальное положение определяло высокую текучесть даже таких кадров. Средняя продолжительность пребывания на работе избача не превышала 6 месяцев. Бывали случаи, когда в избах-читальнях избачи сменялись за месяц по 2 раза. Например, в деревне Житорлон за год сменились 12 чел. Наблюдались случаи использования работников политпросвет учреждений Районными Исполкомами Советов для работы, не имевшей никакого отношения к политпросвет работе. Например, в Газимирском районе Сретенского округа инспектор политпросвета 2 месяца сидел в канцелярии и вел исходящий журнал. Вышестоящие инстанции винили в этом Окружные исполкомы, которые четко не оформили функции, права и обязанности политпросвет работников (РГИА ДВ. Ф. Р-2429. Оп. 1. Д. 35. Л. 249).

Проводимые мероприятия по повышению квалификации политпросвет работников были также малоэффективны по причине текучести кадров. Например, Амурской округ за 2 года отправил на курсы 68 избачей, но к моменту обследования на политпросвет работе из них остались 5 чел., как признавала обследовавшая инстанция – «главным образом, по их непригодности к другой работе» (РГИА ДВ. Ф. Р-2429. Оп. 1. Д. 35. Л. 250).

В 1924 г. при Губернских учительских курсах была организована секция политпросвета, через которую прошло 30 заведующих избами-читальнями (или 40% от общего числа избачей). Основным методом работы было чтение лекций, что вышестоящие инстанции отмечали как минус в работе. Но при этом признавалось, что «секция встряхнула избачей и дала возможность усвоить основные методы деревенской работы». В дальнейшем уровень работы избачей, прошедших через переподготовку, оценивался выше по сравнению с уровнем работы тех, кто подобной подготовки не проходил (РГИА ДВ. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 18. Л. 26).

Число членов партии или комсомольцев среди политпросвет работников было очень высоким – в среднем 95%. При этом в документах вышестоящих инстанций часто отмечалось, что в работе политпросвет учреждений не было четкой классовой линии, слабо отражались важней-

шие директивы партии; формы и методы работы были однообразны (постановки докладов, громкие читки) и применялись без учета особенностей аудитории. Это определялось отсутствием опыта работы: 76% политпросветчиков имели стаж работы до 1 года, 12% – до 2 лет, 12% – до 3 лет. Уровень образования также оставлял желать лучшего: начальное образование имели 78%; незаконченное среднее – 14%; среднее – 8% (РГИА ДВ. Ф. Р-2429. Оп. 1. Д. 35. Л. 250).

Однако эти обстоятельства не привели к дискредитации самой формы работы: внебюджетных изб-читален, созданных самим населением, к концу 1924 г. в губернии насчитывалось до 165. В некоторых местах население не только изыскивало средства на постройку изб-читален, но и обеспечивало их топливом, охотно наделяло избы-читальни «Ленинскими десятинами» (т.е. землей, обработку которой жители брали на себя).

Влиянием изб-читален в деревни были охвачены в основном молодежь, бывшие красноармейцы. Значимое место в работе изб-читален занимала справочная работа, но ее тормозила слабая подготовка избачей, отсутствие справочного материала, слабая связь в справочной работе органов Советской власти с избой-читальней (РГИА ДВ. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 18. Л. 29-30).

С началом сплошной коллективизации сотрудников изб-читален стали привлекать к «колхозному строительству». Например, Шатухинская изба-читальня (Владивостокский округ), включившись во всесоюзный конкурс политпросвет учреждений деревни, организовала 4 колхоза [2, с. 410-411]. Знаменская изба-читальня не только была организатором «красных обозов», но и сумела организовать окружающие деревни на выполнение плана хлебозаготовок (РГИА ДВ. Ф. Р-2429. Оп. 1. Д. 35. Л. 248). Калининская изба Сретенского округа провела сельские конференции бедноты, организовала ряд групп бедноты, «организовала решительный отпор кулацкой агитации» (РГИА ДВ. Ф. Р-2429. Оп. 1. Д. 35. Л. 249).

Изба-читальня в с. Черниговка (Никольск-Уссурийский уезд) открылась 30 марта 1924 г. «при содействии волисполкома и сознательной части населения». Под избы-читальню отвели здание бывшей церкви. На ремонт и оборудование избы собрали 200 руб. золотом, что позволило быстро отремонтировать здание и начать работу [3]. В 1925 г. здесь функционировали уже 3 избы-читальни и 7 красных уголков. При избах-читальнях работали постоянные

избачи, в красных уголках – комсомольцы. Избы-читальни и красные уголки обслуживались библиотечками-передвижками. Своей литературы было мало. Посещались избы-читальни вяло. Массовой и кружковой работы не было. Слабо велась работа по ликвидации неграмотности [12, с. 99-101].

Помимо волостных изб-читален, в Никольск-Уссурийском уезде были открыты подсобные избы-читальни в Нестеровке, Богуславке, Барабаш-Левада, Духовском и в Содоне-Алексеевском Гродековской волости; в Монастырище и Вознесенке Черниговской волости; Раздольном, Борисовке, Раковке, Пушкино, Красный Яр и Териховке Суйфунской волости; в Полтавке Покровской волости; Хороле, Жариково, Старо-Бильмановке и Поповке Ханкайской волости; в Осиновке, Воздвиженке, Галенках, Дубках и Благодатном Михайловской волости; в Анучино, Николаевке Ивановской волости. В Михайловке под избы-читальню отвели вновь отремонтированное отдельное здание. Здесь проводились лекции и кинематографические сеансы. При посредстве Михайловской избы-читальни удалось наладить связь с волостными населенными пунктами. Михайловка снабжала газетами и небольшими библиотеками-передвижками села Воздвиженку, Дубки, Благодатное и Василе-Георгиевское [3].

Ивановская изба-читальня была открыта в марте 1924 г. с приездом заведующего, который сразу же организовал совет избы-читальни. Он же организовал ячейку РКСМ. В избе-читальне получали «Красное знамя», «Приморский крестьянин», «Гудок», «Безбожник», «Правда», «Беднота» и другие газеты. Посещаемость избы-читальни постоянно росла, работала ячейка «Долой неграмотность» [5].

Из отчета Никольского уездного политпросвета, в июле 1924 г. обследовавшего избы-читальни в селах Покровка, Полтавка, Раздольное, Михайловское, Осиновка, Ивановка, Анучино, Гродеково, Черниговка, Голенки и Монастырище, видно, что почти во всех избах-читальнях проводились чтения, беседы, лекции, доклады, в некоторых ставились спектакли, выпускались «живые» и стенные газеты. В конце мая 1924 г. в избах-читальнях устроили проводы новобранцев и провели «неделю леса». Некоторые избы-читальни засеяли коллективные участки, урожай с которых поступал на нужды этих учреждений. Увеличилось число подписчиков на газеты [4; 6].

В Барабашевской волости Владивостокского уезда насчитывалось 69 населенных пунктов, в них проживало 15 514 чел. Избы-читальни имелись в деревнях Барабаше, Верхнем Адими, Занадворовке и Славянке. В деревне Нижнее Адими культурно-просветительную работу вел комсомольский клуб, а в деревне Овчинниково был только Красный уголок [10, с. 84-86]. Лучшее всех работала Барабашевская изба-читальня. Под нее было приспособлено здание, прежде принадлежавшее фирме Кунст и Альберс, там же был устроен и клуб. Изба-читальня имела хорошую библиотеку, которую пополнили литературой за счет премии в 100 руб., полученной на конкурсе изб-читален [10, с. 86].

Верхне-Адиминская изба-читальня занимала корейскую частную фанзу, арендуемую на местные средства [10, с. 86]. В деревне Нижнее Адими избы-читальни не было. Был комсомольский клуб, который размещался в бывшей церкви. Клуб, который содержался силами комсомольской ячейки (40 чел.), посещала преимущественно деревенская молодежь. Средства на содержание клуба комсомольцы добывали спектаклями. При ячейке были организованы драматическо-хоровой, физкультурный и 2 политикпросветительных кружка. Клуб снабжал население литературой, выпускал корейскую стенную газету [10, с. 89].

В Славянке изба-читальня помещалась в здании, ранее принадлежавшем фирме Кунст и Альберс. При избе-читальне был устроен клуб. Обслуживалась изба-читальня силами двух партийных ячеек (военной и гражданской), комсомольской ячейкой, женделегатской группой и отрядами пионеров. Библиотека избы-читальни насчитывала до 3 000 томов «старой литературы» (это была бывшая библиотека 8-го Сибирского стрелкового полка). Из форм массовой работы использовались чтение докладов, издание живого журнала, стенгазет, проведение открытых партсобраний. В среднем изба-читальню за день посещали до 30 чел., преимущественно молодежь. Руководил избой-читальней совет из представителей местных партийных, общественных и профессиональных организаций. Работала там и сельская интеллигенция [10, с. 86, 90-91].

Были и примеры иного рода. Так, Занадворовская изба-читальня ютилась в одной холодной, тесной и неудобной комнате при сельсовете [10, с. 86]. По всем избам-читальням Барабашевской волости в сельскохозяйственных кружках занимались 72 члена, в политкружках – 58, драмкружках – 63 и в музыкально-хоровых

кружках – 29 чел. Наибольшая посещаемость изб-читален падала на зимний и весенний периоды (до апреля) – от 30 до 40 чел. в день [10, с. 86]. Средняя дневная посещаемость изб-читален была небольшой – 7-18 чел. [12, с. 90].

Поскольку культурно-просветительная работа в деревне обусловлена наличием в избе-читальне книг и газет, то особое значение придавалось вопросу снабжения деревни печатной продукцией. За 1924-1925 гг. в деревню поставили 34 905 экз. литературы. К 1 октября 1925 г. было направлено 88 400 экз. Из присланной литературы большая часть изданий относилась к разделу сельскохозяйственных наук – 45%, еще 25% – по социальным наукам; 10% составляла беллетристика, 8% – по точным наукам, 5% – атеистическая литература [11, с. 163].

В целях укрепления работы в деревне Губполитпросвет с 1 июля 1924 г. по 1 января 1925 г. направил 44 передвижки по 175 экз. книг в каждой. Был сделан заказ на сельскохозяйственную и политическую литературу для деревни на сумму 5 000 руб.; для всех бюджетных изб-читален было выписано 75 комплектов периодических изданий (в каждом по 10 наименований журналов, 12 наименований газет) на сумму 4 060 руб. 65 коп.; периодических изданий для пионеров и комсомольцев было выписано на 847 руб. (РГИА ДВ. Ф. Р-33. Оп. 1. Д. 18. Л. 15об.).

В течение февраля 1924 г. уездный политпросвет разослал по всем пунктам 1 156 экз. газет и журналов «Красное знамя», «Приморский крестьянин», «Правда», «Известия», «Беднота», «Рабочая газета», «Безбожник», «Крокодил», «Новая деревня» и др. В мае 1924 г. во все избы-читальни было отправлено уже 2 337 газет, журналов и книг. Также на места разослали 206 экз. всевозможных руководств по различным вопросам сельской и общественной жизни [4; 6].

Таким образом, в 1920-е гг. избы-читальни рассматривались центральными и местными властями как опорные пункты политико-просветительного влияния на деревню, особенно – на сельскую молодежь и подрастающее поколение. Однако сделать изба-читальню центром духовной жизни на селе удавалось с трудом: превращению изб-читален в центры политико-просветительной работы мешала материальная и кадровая необеспеченность.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов К.И. История библиотечного дела в России. Ч. 2. М.: Либерия, 2001.

2. История Сибири с древнейших времен до наших дней: в 5 т. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма / И.М. Разгон, В.С. Познанский, Д.М. Зольников и др. Л.: Наука, 1968.

3. Красное знамя. 1924. 10 апреля.

4. Красное знамя. 1924. 12 июля.

5. Красное знамя. 1924. 13 июля.

6. Красное знамя. 1924. 22 марта.

7. Крупская Н.К. Основы политико-просветительной работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://profilib.com/chtenie/89054/nadezhda-krupskaya-osnovy-politiko-prosvetitelnoy-raboty-26.php>

8. Культурно-просветительная работа в СССР / Под ред. Т.А. Ремизовой. М.: Просвещение, 1974.

9. Народное образование на Дальнем Востоке в 1923-1924 гг. Хабаровск, 1925.

10. Советское Приморье. 1925. № 10.

11. Советское Приморье. 1925. № 11.

12. Советское Приморье. 1925. № 12.

#### REFERENCES

1. Abramov, K.I., 2001. Istoriya bibliotchnogo dela v Rossii. Ch. 2 [The history of library science in Russia. Part 2]. Moskva: Liberiya. (in Russ.)

2. Razgon, I.M., Poznanskiy, V.S., Zolnikov, D.M. et al., 1968. Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 5 t. T. 4. Sibir' v period stroitel'stva sotsializma [The history of Siberia from ancient times to present days: in 5 volumes. Vol. 4. Siberia during the time of building socialism]. Leningrad. (in Russ.)

3. Krasnoe znamya, 1924, April 10. (in Russ.)

4. Krasnoe znamya, 1924, July 12. (in Russ.)

5. Krasnoe znamya, 1924, July 13. (in Russ.)

6. Krasnoe znamya, 1924, March 22. (in Russ.)

7. Krupskaya, N.K. Osnovy politiko-prosvetitel'noy raboty [The fundamentals of political-educational activities]. URL: <https://profilib.com/chtenie/89054/nadezhda-krupskaya-osnovy-politiko-prosvetitelnoy-raboty-26.php> (in Russ.)

8. Remizovs, T.A. ed., 1974. Kul'turno-prosvetitel'naya rabota v SSSR [Cultural-educational activities in the USSR]. Moskva: Prosveshchenie. (in Russ.)

9. Narodnoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke v 1923-1924 gg. [Public education in the Soviet Far East, 1923-1924.]. Khabarovsk, 1925. (in Russ.)

10. Sovetskoe Primorye, 1925, № 10. (in Russ.)

11. Sovetskoe Primorye, 1925, № 11. (in Russ.)

12. Sovetskoe Primorye, 1925, № 12. (in Russ.)

УДК 94(571.6)  
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/78-88

П.С. Гребенюк\*

## ДАЛЬСТРОЙ И ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ СССР: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

В статье представлены результаты исследования производительности труда в золотодобывающей промышленности Дальстроя в 1932-1956 гг. На основе опубликованных и архивных материалов автор определяет показатели производительности труда в Дальстрое, анализируя их в увязке с имеющимися данными в ординарном секторе золотодобывающей промышленности СССР (Главзолото) и с показателями ведущих золотодобывающих стран мира (США, Канада, Южно-Африканский Союз). Кроме того, в статье дается оценка фактору принудительного труда в дальстроевской производственной системе и ее эффективности.

*Ключевые слова:* Дальстрой, Магаданская область, производительность труда, золотодобыча, принудительный труд

**Dalstroy and labour productivity in the gold mining industry of the USSR: an attempt of comparative analysis.** PAVEL S. GREBENYUK (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

This paper explores the issue of labour productivity in the gold mining industry of Dalstroy (Far North Construction Trust) in 1932-1956. Basing on published and archival materials, the author determines the productivity indicators of Dalstroy, analyzing them in conjunction with the available data in the ordinary sector of the gold mining industry of the USSR (Glavzoloto) and with the indicators of the world's leading gold-mining countries, such as the USA, Canada and South African Union. In addition, the article provides an assessment of the forced labour factor in the Dalstroy production system and its efficiency.

*Keywords:* Dalstroy, Magadan region, labour productivity, gold mining, forced labour

Экономика принудительного труда и вопросы ее эффективности плодотворно исследуются учеными [2; 5; 14; 16; 17]. Большинство исследователей считают, что оценка затраченных ресурсов не позволяет делать выводы об экономических успехах принудительного труда, отмечается низкая эффективность труда заключенных, что в конечном счете влияло на темпы производства и

развитие социальной инфраструктуры. Рассматривая различные аспекты экономики ГУЛАГа в региональном и отраслевом измерении, исследователи отмечают, что производительность труда в вольнонаемном и принудительном секторах могут отличаться в зависимости от экономико-географических особенностей конкретного региона и отрасли производства [11; 15].

В настоящей работе мы обращаемся к проблеме производительности труда в золотодобывающей промышленности Дальстроя – организации, действовавшей на Северо-Востоке СССР в 1932-1956 гг. и являвшейся крупнейшим поставщиком драгоценного металла в СССР. Созданный в 1931 г. как государственный трест по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы, в 1938 г. Дальстрой был передан в ведение НКВД СССР и преобразован в Главное управление строительства Дальнего Севера НКВД СССР «Дальстрой». В 1953 г. организация была передана в Министерство металлургической промышленности СССР, в 1957 г. Дальстрой был ликвидирован путем реорганизации.

В современной историографии активное изучение истории Дальстроя началось в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда появились публикации, основанные на новых архивных источниках и затрагивающие различные аспекты деятельности этой организации на Северо-Востоке СССР, в том числе использование принудительного труда заключенных северо-восточных лагерей [6; 9; 10]. Вопрос эффективности экономической деятельности Дальстроя был обозначен А.Н. Пилясовым в 1993 г. в серии публикаций в производственно-техническом бюллетене «Колыма», а в 1996 г. представлен в монографии автора, посвященной закономерностям и особенностям развития Северо-Востока России [12; 13]. А.Н. Пилясов пришел к выводу что в целом деятельность Дальстроя по экономическим критериям была неэффективной. Отмечалось, что суммарный объем государственных инвестиций в трест Дальстрой составил 15,5 млрд. руб. в ценах 1950 г. (3,875 млрд. долл. по курсу 1950 г.), что было более чем в 2 раза выше стоимости конечной продукции производственного ядра Дальстроя (1,5-1,75 млрд. долл. по курсу 1950 г.) [13, с. 80].

Исследования И.Д. Бацаева, В.Г. Зеляка, А.И. Широкова [1; 3; 4; 18; 19; 20] затрагивают широкий круг вопросов, связанных с золотодобывающей промышленностью Дальстроя, экономикой принудительного труда. Исследователями отмечается низкая производительность труда на золотодобыче, акцент не на использование механизмов, а на мускульную силу заключенных. Следует отметить, что в специальных работах чаще всего находят отражение объемные натуральные показатели производительности труда, как добыча и переработка песков и торфов на одного рабочего.

Производительность труда – один из важнейших показателей эффективности производственной деятельности, измеряемый количеством продукции, произведенной за единицу времени. Среди различных данных важное значение для сравнения и оценки имеет индикатор производительности труда в натуральном выражении – количество добытого металла, приходящегося на одного производственного рабочего. В сравнении с другими данными этот показатель выражает как качество работы горнодобывающего комплекса, так и эффективность капитальных вложений в освоение месторождений.

Цель настоящей работы – рассчитать и подвергнуть анализу показатели производительности труда в золотодобывающей промышленности Дальстроя в 1932-1956 гг., а также сравнить с имеющимися данными в ординарном секторе золотодобывающей промышленности СССР (Главзолото), и с показателями ведущих золотодобывающих стран мира в указанный период (США, Канада, Южно-Африканский Союз). Источниковедческую базу исследования составили архивные и опубликованные данные по истории золотодобывающей промышленности Дальстроя. Используемые документы позволяют выделить основные показатели производственной и финансовой деятельности организации. Методологически автор опирался на системный подход и структурный метод, с помощью которых исследуются особенности хозяйственной деятельности Дальстроя. В ходе обработки количественных данных и расчетов автор руководствовался математическими методами и методами экономико-статистического анализа.

Рост показателей золотодобывающей промышленности СССР с конца 1920-х – начала 1930-х гг. определялся вниманием сталинского руководства к отрасли и такими факторами, как развитие старательской золотодобычи, осуществление программы государственных капиталовложений и повышение удельного веса рудной золотодобычи. Еще одним важнейшим фактором стало обнаружение богатых месторождений на реке Колыма на Северо-Востоке СССР и разработка этого района трестом Дальстрой, созданным согласно Постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) от 11 ноября 1931 г. «О Колыме» с непосредственным подчинением ЦК ВКП (б) [17, с. 69].

С 1931 г. по 1940 г. в СССР было добыто 1247 т золота (подсчитано по: Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф.

\* ГРЕБЕНЮК Павел Сергеевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук.

E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

© Гребенюк П.С., 2018

Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 31)), с 1941 по 1950 г. – 1390 т [4, с. 452], при этом добыча золота на Дальстроем составила в 1931-1940 гг. – 314,4 т и в 1941-1950 гг. – 599 т (подсчитано по: (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5)). Основу золотодобычи Дальстроя составили россыпи с высоким содержанием золота, которое было в десятки раз больше, чем в других регионах страны. Средняя себестоимость золота в 1930-х гг. по Главзолото составляла 12,7 руб. за грамм, в Дальстрое – 5,38 руб., то есть почти в 2,5 раза ниже. В 1940 г. среднее содержание золота в песках на мускульной добыче в Главзолото составило 1,94 г/куб. м, а в песках Дальстроя 11,1 г/куб. м, то есть в 5,7 раз больше [4, с. 70].

Результаты Дальстроя основывались на разработке богатейших участков золотых россыпей при преобладании принудительного ручного труда. Себестоимость дальстроевского золота была самой низкой в СССР, однако с 1943 г. содержание золота в россыпях стало падать, с каждым годом для достижения плана Дальстрою требовалось проводить все больший объем работ, для чего требовались машины и оборудование. Между тем, стоимость добычи золота в СССР была высокой и в 1930-е гг., а с тех пор постоянно повышалась. Удаленность и трудные условия работы на многих месторождениях, а также истощение богатейших месторождений повышали затраты на добычу. Коммерческая себестоимость дальстроевского золота повысилась с 6,55 руб. за грамм в 1940 г. до 13,67 руб. в 1945 г., в 1947-1956 гг. себестоимость золота уже не опускалась ниже 25 руб. за грамм (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5; Д. 176. Л. 34). Оценка себестоимости золота в СССР американскими экспертами в целом была близка к истине. Так, Джон Литлпейдж отчитывался в ЦРУ, что средняя стоимость производства была 3 руб. за грамм чистого золота в 1928 г., 7 руб. в начале 1930-х гг. и 15 руб. в 1935-1936 гг. В конце 1940-х гг. средняя себестоимость грамма золота в СССР высчитывалась в диапазоне от 45 до 60 руб. за грамм и 25 руб. за грамм золота в Дальстрое [24, р. 30-39].

Первые годы золотодобычи в Дальстрое прошли под знаком старательских работ, удельный вес хозяйственных разработок, как называли работы с использованием труда заключенных, оставался невысоким. В 1933 г. хозяйственные работы охватывали 31% всех разработок, в этом же сезоне впервые начали использовать заключенных на золотодобыче. В начале 1934 г. были подведены итоги по производственной себестоимости золота на старательских и хозяйственных

работах. Сравнение показало, что один грамм химически чистого золота при хозяйственной разработке обошелся на 67,26% дороже, чем на старательских работах. Но, как отмечалось в отчетных документах, это превышение было связано с «условиями расстановки заключенных и их малой опытности в работе», а также зависело от сравнительно слабого содержания золота на участках хозяйственных работ. Это соответствовало действительности: хозяйственные работы организовывались на более бедных участках, старательская система была нацелена на поиск старателями богатых «делян», и высокое содержание золота здесь выступало главным стимулом (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 45. Л. 100-101).

Однако при сопоставлении затрат выяснилось, что на хозяйственных разработках производственная себестоимость на 1 куб. м золотосодержащих песков почти в 2 раза ниже, чем на старательских работах (214 руб. к 111 руб.). Эта разница объяснялась снижением оплаты труда вольнонаемных работников и заработка заключенных против основной платы за золото старателям. Заработок вольнонаемных и заключенных составил 16,64% (18,48 руб.) в структуре производственной себестоимости выработки 1 куб. м песков, а при старательской системе та же работа оценивалась в 60,30 руб. (28% от производственной себестоимости). Кроме этого, учитывались еще два существенных фактора, повлиявших на удорожание старательских работ: премирование старателей и льготный отпуск товаров и материалов, что в калькуляции выразилось в сумме 12,85 руб. на 1 куб. м песков и составило 6% в производственной себестоимости, при этом при хозяйственных работах эти расходы полностью отсутствовали (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 45. Л. 100-101).

В результате руководством Дальстроя было признано «бесспорное преимущество» так называемой хозяйственной системы работ перед старательской для Колымы. В годовом отчете за 1933 г. отмечалось, что «использование исключительно организованного труда заключенных на золотодобычных работах, без сомнения, будет способствовать дальнейшему удешевлению производства. Себестоимость грамма химически чистого золота, определяемую для отчетного года в 7 руб. 30 коп., следует считать вообще не высокой, особенно если учесть громадность тех естественных преград, которые приходится преодолевать Дальстрою в процессе широкого промышленного освоения Колымского края» (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 45. Л. 100-101). Это

означало, что руководство Дальстроя сделало ставку на широкомасштабное использование заключенных исходя из экономических соображений, старательское золото выходило дороже, а привлечение вольнонаемных кадров требовало больших капитальных вложений в обеспечение нормальной жизнедеятельности людей, а также более высоких текущих затрат по вербовке вольнонаемных специалистов и оплате их труда.

Заключенные были основной рабочей силой в Дальстрое, вольнонаемный персонал, помимо вербовки кадров по организованному набору, также пополнялся бывшими заключенными. Согласно опубликованным данным, с 1932 по 1956 гг. в лагеря, существовавшие на территории Дальстроя, поступили 876 043 заключенных, из которых затем убыли по окончании срока 546 972 чел., умерли 127 792 чел., бежали 7 877 чел., остальные были переведены в другие лагеря страны [7, с. 28]. В первые годы войны наблюдались максимальные показатели смертности заключенных (если в 1932-1937 гг. умерло 4 тыс. чел. заключенных, то только в 1941 г. – 15,7 тыс. чел., в 1942 г. – 14,9 тыс. чел.) [4, с. 143-144]. Нечеловеческие условия существования, отсутствие нормального питания и медицинской помощи, тяжелый изнурительный труд, суровый климат были причинами высокой смертности заключенных. Руководство Дальстроя и его кураторы в центральных органах власти напрямую связывали количество металла с численностью заключенных. При этом, как отмечает Е.Д. Кочегарова, не брались в расчет преждевременная гибель миллионов людей, бессмысленное расточительство в каторжном труде сил и талантов, способных принести несравнимо большую пользу в нормальных условиях [8, с. 135-136].

Трудозатраты на добычу золота в Дальстрое за 1932-1956 гг. составили 186,1 млн. чел./дней [13, с. 81]. На уровень производительности труда оказывал сильное влияние природный фактор: среднее содержание металла в руде или песках, условия залегания руд и россыпей, длительность теплого периода года, наличие вечной мерзлоты. Россыпные месторождения на территории деятельности Дальстроя по некоторым этим условиям выгодно отличались от месторождений других районов СССР, прежде всего, содержание золота в песках было более высоким, а глубина залегания значительно меньшей. Однако при этом эксплуатационные условия на Крайнем Северо-Востоке были значительно хуже, чем в других районах. Эти условия ха-

рактеризовались малой продолжительностью теплого периода года, а, соответственно, более коротким сроком промывочного сезона, а также наличием вечной мерзлоты, что требовало предварительной оттайки при вскрытии торфов, в том числе и в летний период.

Таким образом, фактор сезонности, наряду с суровостью климатических условий и наличием вечной мерзлоты, оказывал существенное воздействие на производительность труда предприятий Дальстроя, определяя неравномерное распределение добычи золота в течение года. Наиболее высокая производительность труда при разработке россыпей наблюдалась в третьем квартале года – в летние месяцы, при этом в первом и четвертом кварталах промывка песков вообще не производилась, а вскрышка торфов осуществлялась с очень низкой производительностью труда.

Помимо природного фактора на уровень производительности труда влияла степень его механизации, квалификация рабочих, использование машин и оборудования, организация труда, система отработки месторождений и другие факторы. Что касается специалистов, используемых на производстве, то на протяжении всего существования Дальстроя низкая квалификация рабочих была отрицательным фактором, влияющим на величину производительности труда.

Какова была реальная производительность труда на золотодобывающих работах? Обратимся к 1940 г. – году максимальной добычи золота за всю историю Дальстроя, когда было получено 80 т химически чистого золота. Всего на золотодобыче работало 92,1 тыс. чел, из них 2,9 тыс. чел. вольнонаемного персонала и 89,2 тыс. чел. заключенных. Производительность труда составила среди вольнонаемного персонала 48,9 тыс. чел./дней, среди заключенных 2,7 млн. чел./дней (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 955. Л. 5).

В 1940 г., по расчетам, сделанным в Дальстрое, намыв на один отработанный чел./день на золотодобыче в целом составил по Дальстрою 5,64 грамма золота, а годовой намыв на одного списочного рабочего 1,159 кг золота. Намыв в граммах на лотках в 1940 г. на один отработанный чел./день составлял 13,73 грамма по Дальстрою, а по отдельным управлениям достигал 63 граммов золота (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 955. Л. 8). Однако указанные цифры были получены на основании расчета на одного списочного приискового рабочего. Мы пересчитали годовой намыв на одного рабочего золотодобывающей отрасли Дальстроя и сравнили полученные данные с результатами по Главзолото (табл. 1).

Таблица 1

**Производительность труда в Главзолото и Дальстрое на одного рабочего в год в 1938-1943 гг.  
(в граммах чистого золота)**

Год	1938	1939	1940	1941	1942	1943
Дальстрой (на одного рабочего золотодобывающий отрасли)	1225	934	868	793	941	1013
Главзолото (на одного работника всей системы)	232	292	234	313	248	196
– на государственного промышленного рабочего	473	558	647	674	565	413
– на старателя	365	386	420	434	371	371
– на трудящихся эксплуатационных предприятий	285	305	352	385	324	262

*Источник:* данные Главзолото приводятся по: (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 55); показатели Дальстроя рассчитаны на основе показателей золотодобычи Дальстроя (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5), численности работников золотодобывающей отрасли Дальстроя по данным В. Г. Зеяка [4, с. 58-59].

Цифры демонстрируют, что производительность труда на одного рабочего в Дальстрое была намного выше, чем в системе Главзолото (в том числе, если рассматривать показатели государственных промышленных рабочих системы), однако при оценке следует учитывать, что в Главзолото значительный удельный вес имела рудная добыча золота, тогда как в Дальстрое рудное золото до 1942 г. вообще не добывалось. В Главзолото в 1940 г. добыча рудного золота составила 35,5 т (44,7%), россыпного – более 55% или 43,9 т (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 93-94).

Годовой намыв на работника золотодобывающей отрасли Дальстроя в 1940 г. составил 868 грамм чистого золота, или 977 долл. США в соответствии с ценой на золото, установленной казначейством США. Важно определить, какое вознаграждение получили в 1940 г. работники золотодобывающей отрасли Дальстроя. Соглас-

но архивным данным, зарплата вольнонаемного персонала составила 12,1 млн. руб., премиальное вознаграждение заключенных – 23,8 млн. руб., при этом расходы по содержанию и этапированию заключенных составили 130,7 млн. руб. Общие расходы на оплату труда персонала Дальстроя (вольнонаемных и заключенных) составили 6,5% от коммерческой себестоимости золота (524,1 млн. руб.), однако, если включить в расчет расходы по содержанию и этапированию заключенных, доля всех затрат, связанных с оплатой труда и обеспечением рабочего режима, составит в структуре коммерческой себестоимости золота почти 1/3 (31%).

В 1940 г. совокупные расходы на одного заключенного (1732 руб. в год) были в 2,6 раза меньше, чем на одного вольнонаемного работника (4 585 руб. в год). Средняя заработная плата вольнонаемного рабочего в Дальстрое составила 4 203 руб. в год, среднее премиальное воз-

награждение заключенного в 15 раз меньше – 266 руб. в год (подсчитано по: (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 958. Л. 9)). Если принять во внимание коммерческую стоимость золота (6,55 руб. за грамм чистого золота) и цену золота, установленную казначейством США (35 долл. за тройскую унцию), доход одного вольнонаемного рабочего по нашим расчетам составил в среднем около 720 долл. США в год, на одного заключенного – около 45 долл. США в год.

Рассчитанный доход одного заключенного позволяет констатировать, что подавляющее большинство работников золотодобычи Дальстроя – 89,2 тыс. чел. заключенных – в 1940 г. получили в среднем около 4% от результатов своего труда. При этом в расчетах мы использовали отчетные бухгалтерские данные по себестоимости золота, где учитывались суммы, начисленные для выплаты по позиции «премиальное вознаграждение заключенным», однако мы не имеем возможности на основе имеющихся документов утверждать, что указанные суммы в действительности в установленном объеме выплачивались заключенным.

Следует отметить, что в 1935-1937 гг. (до декабря 1937 г.) премиальные вознаграждения, выплачивавшиеся заключенным северо-восточных лагерей Дальстроя, были на 60% выше, чем в лагерях системы ГУЛАГ. Только после смены руководства эта практика была признана вредительской и система премиальных вознаграждений была приравнена к гулаговской (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 362. Л. 27об). С 1938 г. система и условия оплаты труда заключенных постоянно ухудшались, особенно тяжелым для заключенных было военное время.

Согласно расчетам, за время с 1932 по 1955 гг. объем переработки горной массы на 1 кг добытого россыпного золота возрос почти в 10 раз, а объем отработки руды с 1942 г. по 1955 г. в расчете на 1 кг добытого рудного золота увеличился более чем в 6 раз. Это вызывало необходимость механизации процессов труда по всем видам горных работ, которая усиленными темпами проводилась и в годы войны, и в послевоенный период. В 1940 г. уровень механизации на вскрышных работах составил всего 18%, это означало, что механизированным путем вскрывалось 2,5 млн. куб., а вручную перерабатывалось свыше 12 млн. куб. Производительность труда составляла 4 куб. м на человека в день (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 202. Л. 45-46).

Как отмечают исследователи, индустриальный переход на золотодобычу в Дальстрое за-

вершился только после 11-14 лет работы. Так, на вскрыше торфов механизированный труд превзошел ручной в 1943 г., а на промывке песков промышленные приборы с экскаваторной и бульдозерной подачей впервые опередили мускульный способ в 1946 г. [4, с. 83-84]. При этом, следует отметить, что бульдозеры в Дальстрое появились только в 1944 г. – на весь Дальстрой работало три бульдозера (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 491. Л. 5). К середине 1950-х гг. в Дальстрое действовали сотни бульдозеров, экскаваторов, драги и другие механизмы. Производительность труда на вскрышных работах увеличилась с 1950 по 1956 гг. почти в 4 раза, на промывке песков – в 3 раза. В связи с механизацией труда при увеличении горных работ численность трудовых ресурсов горной промышленности за время с 1950 по 1958 гг. сократилась более чем в 1,5 раза.

В конце 1950-х гг. производительность труда составляла уже 65 кубометров на человека в день (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 202. Л. 45-46). Если в 1940 г. на обычном дальстроевском разрезе работало 100-150 человек, которые грузили золотоносные пески в тачки и доставляли их на простейшие промывочные устройства, то в 1950-х гг. работали уже один или два бульдозера, транспортирующие пески на ленточный конвейер и далее – в скруббер металлического промывочного прибора. Внедрение новых промывочных устройств с небольшим штатом обслуживающего персонала, механизация разработки и транспортировки песков позволили поднять производительность труда на промывочных работах с 1 кубометра в день на человека в 1940 г. до 24 кубометров в 1959 г. (ГАМО. Ф. П-21. Оп. 5. Д. 202. Л. 46). Согласно расчетам советских специалистов, в 1959 г. на Северо-Востоке СССР на получение грамма золота приходилось в 1,5-2 раза меньше затрат живого труда, чем в среднем по СССР, и в 4-5 раз меньше, чем в Западной Сибири и на Урале (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 341. Л. 156).

Тем не менее, по оценке экспертов ЦРУ, индивидуальная выработка советского работника золотодобывающей отрасли в первой половине 1950-х гг. составляла чуть более 1/10 от выработки американского [24, р. 3]. Согласно нашим расчетам, эти оценки были близки к реальности, причем такой разрыв будет действителен для всего периода 1940-х – 1950-х гг. В связи с этим в золотодобывающей промышленности СССР Дальстрой являлся исключением – производительность труда работника золотодобы-

вающей отрасли Дальстроя в среднем была в 5 раз меньше, чем в США и Канаде.

Так, в США в 1939 г. выработка на одного рабочего в год составила в среднем около 5 кг, а если учесть рабочих вместе со служащими – около 4,4 кг. При этом добыча на рудных предприятиях составила около 4,5 кг, на россыпных предприятиях – около 7,6 кг на одного рабочего (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 189об). В среднем в золотодобывающей промышленности США была достигнута высокая производительность труда, средняя заработная плата во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., согласно подсчетам, составляла от 4,25 до 5,75 долл. за смену в зависимости от квалификации работника.

В Канаде во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. среднегодовая добыча золота на одного рабочего составила на рудной добыче около 4,5 кг, на россыпной добыче около 3,5 кг. Средняя заработная плата в 1938 г. по рабочим и служащим золотодобывающего производства составила 6,19 канадских долл. в день. Средняя заработная плата рабочих на рудной золотодобыче составила в среднем около 5 канадских долл. в день, на россыпной добыче заработок был выше, так как учитывалась сезонность работы и более трудные условия в северных районах Юкона, где располагались крупные россыпные прииски. В 1938 г. среднегодовая зарплата на одного рабочего в год на россыпях составила 1920 канадских долл. (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 204об).

В Трансваале – провинции Южно-Африканского Союза, доминиона Британской империи, к концу 1930-х гг. добывалось 400-450 т золота в год. По добыче золота в год Трансвааль занимал первое место в мире. Главную роль в промышленности Трансваала играл золотоносный район Витватерсранд, где была сконцентрирована основная добыча рудного золота. Рабочий состав включал европейцев (около 10%), в основном – квалифицированных рабочих, и чернокожих африканцев, составляющих основную массу рабочих на рудниках и выполняющих всю физическую работу, не требующую квалификации. Заработная плата европейских специалистов составляла в среднем в 1930-е гг. около 1 фунта стерлингов в день, что примерно равнялось 4,86 долл. США (1939 г.) (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 219-219об). Среднегодовой заработок составлял в среднем 380 фунтов стерлингов (около 1846 долл. США). По данным официальной статистики, чистый среднемесячный заработок чернокожих рабочих составлял в

1930-х – начале 1940-х гг. около 36-40 шиллингов. Средний годовой заработок чернокожих рабочих был в несколько раз меньше европейских и составлял около 40-45 фунтов стерлингов или 194-218 в долл. США (1939 г.), учитывая, что заключались временные контракты на 10-11 месяцев (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 219-219об).

Выработка на одного рабочего золотой промышленности в Трансваале была во много раз ниже, чем в США. Так, в 1939 г. выработка составила около 1 кг на одного работника в год, т.е. в 4-5 раз меньше чем в США (подсчитано по данным Л. Катзена [22, р. 18-19, 26] и (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 1542. Л. 219-219об). Проблемой при оценке динамики производительности труда на золотодобыче в Южной Африке, как отмечают исследователи, являются вопросы учета технологической механизации производственных процессов и разделения «белого» и «небелого» труда [23, р. 631]. Приведенные данные производительности труда в Трансваале объясняются в большей степени тем, что лишь на некоторых стадиях производственного процесса находила применение новейшая техника, тогда как значительная часть наиболее трудоемких подземных работ осуществлялась вручную без применения механизмов при помощи низко оплачиваемого неквалифицированного труда.

Производительность труда в золотодобывающей отрасли США и Канады со второй половины 1930-х гг. в среднем не была меньше 5 тыс. долл. США в год на одного рабочего (от 4,5 до 5,5 кг в год), при этом с началом войны золотодобывающая промышленность погрузилась в кризис, и в конце 1940-х гг. – начале 1950-х гг. производительность труда в других горнодобывающих отраслях (например, добыча меди) в США была в 2-3 раза выше, чем на золотодобыче. Цифры показывают, что, например, в канадском Онтарио производительность труда на одного рабочего на золотодобыче (включая рудное и россыпное производство) составляла в 1937 г. – 5943 долл. США, в 1940 г. – 5298 долл. США, в 1949 г. – 5537 долл. США, а в 1953 г. – 7094 долл. США (подсчитано по: [21, р. 94, 115]).

На основе имеющихся материалов – данных годовой золотодобычи и численности работников золотодобывающей отрасли – была рассчитана годовая производительность труда в золотодобывающей отрасли Дальстроя на одного рабочего (табл. 2).

Таблица 2

**Годовая производительность труда на одного рабочего золотодобывающей отрасли Дальстроя в 1933-1956 гг.**

Год	1933	1934	1935	1936	1937	1938	1939	1940
Производительность труда (в граммах чистого золота)	565	1015	1290	1635	2155	1225	934	868
Производительность труда (в долл. США)	375	1141	1449	1839	2424	1378	1050	977
Год	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948
Производительность труда (в граммах чистого золота)	793	941	1013	977	863	613	515	534
Производительность труда (в долл. США)	892	1059	1140	1099	971	690	579	601
Год	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
Производительность труда (в граммах чистого золота)	709	655	861	974	1163	1310	1639	1665
Производительность труда (в долл. США)	798	737	969	1095	1309	1474	1844	1872

Источник: рассчитано на основе показателей золотодобычи Дальстроя (ГАМО. Ф. Р-23. Оп. 1. Д. 3. Л. 4-5; Д. 176. Л. 10), численности работников золотодобывающей отрасли Дальстроя (по данным В.Г. Зеляка: [4, с. 58-59]).

Производительность труда в Дальстрое в расчете на одного рабочего золотодобывающей промышленности была меньше, чем в канадском Онтарио в 5,4 раза в 1940 г., в 6,9 раз в 1949 г. и в 5,4 раза в 1953 г. Согласно приведенным данным, в 1937 г. по Дальстрою был зафиксирован самый высокий показатель годовой производительности труда на одного рабочего – 2 155 грамм или 2 424 долл. США, что было примерно в 2 раза меньше средних показателей по США и Канаде. Если посмотреть на ситуацию в ординарном секторе золотодобывающей промышленности СССР, то в Главзолото в 1940 г. было добыто 79,3 т золота, при этом количество рабочих составило 157 тыс. чел. (включая старателей), годовая производительность труда на одного рабочего составила 568 долл. США, или на 42% меньше, чем в Дальстрое. Это так-

же означает, что производительность труда в ординарном секторе золотодобывающей промышленности СССР в 1940 г. была в среднем в 8-9 раз меньше чем, в США и Канаде.

Таким образом, проведенное исследование показало, что производительность труда на золотодобыче Дальстроя была примерно в 2 раза выше, чем в ординарном секторе золотодобывающей промышленности СССР, но при этом в среднем в 4-6 раз ниже, чем в США и Канаде (в т.ч. если рассматривать исключительно добычу россыпного золота). В целом, если комплексно оценить все параметры, производительность труда при россыпной добыче золота в Дальстрое (а с 1957 г. и в совнархозе) превышала производительность труда в большинстве других районов СССР, однако при этом основным фактором, определяющим как более высокую производи-

тельность труда, так и более низкую себестоимость добываемого золота, было повышенное содержание золота в песках – это и приводило к тому, что в Дальстрое на одного рабочего добывалось больше металла, чем в большинстве предприятий других районов СССР.

Природный фактор являлся ключевым для всего периода истории Дальстроя, на пионерском этапе освоения Северо-Востока СССР разработка богатых участков россыпей обеспечивала низкую себестоимость добываемого золота. Производительность труда в 1930-е гг. постоянно росла, но после пика 1937 г. к 1940 г. уменьшилась почти в 2,5 раза (до 868 грамм или 977 долл. на 1 рабочего в год). В 1939 г. численность работников на золотодобыче увеличилась на 20,4 тыс. чел., а количество добытого золота на 4,3 т. Чтобы получить каждую дополнительную тонну золота в 1939 г. необходимо было направить на золотодобычу не менее 5 тыс. чел. На следующий год в 1940 г. численность работников увеличили еще на 21,1 тыс. чел., золотодобыча увеличилась и достигла пика в 80 т. Однако это был предел – последующий прирост численности работников на золотодобыче уже не давал увеличение добываемого золота, напротив, годовые показатели золотодобычи снижались вплоть до 1947 г. Дальстроевская управленческая система увязывала количество металла с численностью заключенных. Значительная часть металла добывалась вручную лотками: лотошная промывка всегда составляла большой процент от общей добычи. Так, в 1942-1946 гг., по нашим расчетам, удельный вес лотошной добычи составлял от 27 до 32%. Начало войны и снижение капиталовложений значительно затормозили процесс механизации производства.

Содержание золота в песках постоянно снижалось, данные показывают, что ни темпы, ни качество механизации производства не компенсировали истощение россыпей, а производительность труда во второй половине 1940-х гг. снизилась до 600-800 долл. на 1 рабочего в год. Несмотря на кризисные явления в системе Дальстроя, в первой половине 1950-х гг. уровень механизации производственных процессов, сокращение общей численности персонала и переход на квалифицированный труд вольнонаемных специалистов позволили увеличить производительность труда более чем в два раза (1639 грамм или 1844 долл. США на 1 рабочего в 1955 г.). Замедленная механизация производства высвечивает пробелы в принятии государственных решений

и подчеркивает управленческую психологию дальстроевского руководства, которое имело возможности для формирования современного парка машин и автоматизации производственных процессов, но, опираясь на систему принудительного ручного труда, действовало неэффективно.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацаев И.Д. Особенности промышленного освоения Северо-Востока России в период массовых политических репрессий (1932-1953). Дальстрой. Магадан, 2002.
2. Бородкин Л.И. Труд в ГУЛАГе: между принуждением и стимулированием // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. С. 129-156.
3. Зеляк В.Г. Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока России в 30-50-х гг. XX в. Магадан, 2004.
4. Зеляк В.Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928-1991 гг. Томск, 2015.
5. Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М. 1997.
6. Козлов А.Г. Из истории колымских лагерей (конец 1937-1938 гг.). // Краеведческие записки. 1993. №19. С. 117-143.
7. Козлов А.Г. Дальстрой как «комбинат особого типа» и его роль в освоении Северо-Востока России // II Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 70-летию Дальстроя. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. С. 5-29.
8. Кочегарова Е.Д. Государственная политика в золотодобывающей промышленности Дальнего Востока России (1917-1940 гг.). Новосибирск, 2011.
9. Навасардов А.С. Из истории строительства Колымской трассы (1928-1940 гг.) // Краеведческие записки. 1991. Вып. 17. С. 14-25.
10. Николаев К.Б. Тяжелый металл, или как родился, жил и умер Дальстрой // На Севере Дальнем. 1989. №2. С. 54-83.
11. Норландер Д. Магадан и становление экономики Дальстроя // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. С. 239-254
12. Пилясов А.Н. Трест «Дальстрой» как суперогранизация (1932-1956 гг.) // Колыма. 1993. № 8. С. 34-37; № 9/10. С. 37-41; № 11. С. 28 - 33.

13. Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан, 1996.

14. Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. / Отв. ред. Л.И. Бородкин, Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74-99.

15. Суслов А.Б. Принудительный труд на Урале (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): эффективность и производительность // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. С. 255-278.

16. Хлевнюк О.В. Принудительный труд в экономике СССР. 1929-1941 гг. // Свободная мысль. 1992. № 13. С. 73-84.

17. Хлевнюк О.В. Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития // ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / Отв. ред. Л.И. Бородкин, П. Грегори, О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2008. С. 67-89.

18. Широков А.И. Дальстрой: предыстория и первое десятилетие. Магадан, 2000.

19. Широков А.И. Государственная политика на Северо-Востоке России в 1920-1950-х гг.: опыт и уроки истории. Томск, 2009.

20. Широков А.И. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930-1950-е гг.). М., 2014.

21. Gold Mining in Ontario. Report of the Committee of Inquiry into the Economics of the Gold Mining Industry. Toronto: Queen's Printer, 1955.

22. Katzen, L., 1964. Gold and the South African economy: the influence of the gold mining industry on the business cycles and economic growth in South Africa, 1886-1961. Cape Town: Balkema.

23. Rockoff, H., 1984. Some evidence on the real price of gold, its costs of production, and commodity prices. In: Bordo, M.D. and Schwartz, A.J. eds., 1984. A retrospective on the classical gold standard, 1821-1931. Chicago: University of Chicago Press, pp. 613-650.

24. Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954. CIA. URL: [http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document\\_conversions/89801/DOC\\_0000496246.pdf](http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000496246.pdf)

#### REFERENCES

1. Batsaev, I.D., 2002. Osobennosti promyshlennogo osvoeniya Severo-Vostoka Rossii v period massovykh politicheskikh repressii (1932-

1953). Dal'stroi. [The features of the industrial development of the north-east of Russia in the period of mass political repressions, 1932-1953]. Dalstroy]. Magadan. (in Russ.)

2. Borodkin, L.I., 2008. Trud v GULAGe: mezhdru prinuzhdeniem i stimulirovaniem [Labour in GULAG: between enforcement and stimulation]. In: Borodkin, L.I., Gregory, P. and Khlevnyuk, O.V. eds., 2008. GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda. Moskva: ROSSPEN, pp. 129-156. (in Russ.)

3. Zelyak, V.G., 2004. Pyat' metallov Dal'stroya: istoriya gornodobyvayushchei promyshlennosti Severo-Vostoka Rossii v 30-50-kh gg. XX v. [Five metals of Dalstroy: the history of the mining industry of the north-east of Russia in 1930s – 1950s]. Magadan. (in Russ.)

4. Zelyak, V.G., 2015. Valyutniy tsekh strany: istoriya razvitiya gornopromyshlennogo kompleksa Severo-Vostoka Rossii v 1928-1991 gg. [The currency workshop of the country: the history of mining in the north-east of Russia, 1928-1991]. Tomsk. (in Russ.)

5. Ivanova, G.M., 1997. GULAG v sisteme totalitarnogo gosudarstva [GULAG in the system of the totalitarian state]. Moskva. (in Russ.)

6. Kozlov, A.G., 1993. Iz istorii kolymskikh lagerei (konets 1937-1938 gg.) [From the history of the Kolyma camps, 1937-1938], Kraevedcheskie zapiski, no. 19, pp. 117-143. (in Russ.)

7. Kozlov, A.G., 2002. Dal'stroi kak «kombinat osobogo tipa» i ego rol' v osvoenii Severo-Vostoka Rossii [Dalstroy as a «special type plant» and its role in the development of the north-east of Russia]. In: II Dikovskie chteniya: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 70-letiyu Dal'stroya. Magadan: SVKNII DVO RAN, pp. 5-29. (in Russ.)

8. Kochegarova, E.D., 2011. Gosudarstvennaya politika v zolotodobyvayushchei promyshlennosti Dal'nego Vostoka Rossii (1917-1940 gody) [Public policy in gold mining of the Russian Far East, 1917-1940]. Novosibirsk. (in Russ.)

9. Navasardov, A.S., 1991. Iz istorii stroitel'stva Kolymskoi trassy (1928-1940 gg.) [From the history of construction of Kolymskaya Route, 1928-1940], Kraevedcheskie zapiski, no. 17, pp.14-25. (in Russ.)

10. Nikolaev, K.B., 1989. Tyazheliy metall, ili kak rodilsya, zhil i umiral Dal'stroi [Heavy metal, or how Dalstroy was born, lived and died], Na Severe Dal'nem, no. 2, pp. 54-83. (in Russ.)

11. Norlander, D., 2008. Magadan i stanovlenie ekonomiki Dal'stroya [Magadan and the formation of Dalstroy economy]. In: Borodkin, L.I., Gregory,

P. and Khlevnyuk, O.V. eds., 2008. GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda. Moskva: ROSSPEN, pp. 239-254. (in Russ.)

12. Pilyasov, A.N., 1993. Trest «Dal'stroi» kak superorganizatsiya (1932-1956 gg.) [Dalstroy as a superorganization, 1932-1956], Kolyma, no. 8, pp. 34-37; no. 9/10, pp. 37-41; no. 11, pp. 28-33. (in Russ.)

13. Pilyasov, A.N., 1996. Zakonomernosti i osobennosti osvoeniya Severo-Vostoka Rossii (retrospektiva i prognoz) [Specific features and laws of the development of the north-east Russia (retrospective and forecast)]. Magadan. (in Russ.)

14. Sokolov, A.K., 2004. Prinuzhdenie k trudu v sovetskoi promyshlennosti i ego krizis (konets 1930-kh – seredina 1950-kh gg.) [Forced labour in the Soviet industry and its crisis (the end of the 1930s – mid-1950s)]. In: Borodkin, L.I. and Petrov, Yu.A. eds., 2004. Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik. 2003. Moskva: ROSSPEN, pp. 74-99. (in Russ.)

15. Suslov, A.B., 2008. Prinuditel'niy trud na Urale (konets 1920-kh – nachalo 1950-kh gg.): effektivnost' i proizvoditel'nost' [Forced labour in the Urals in the late 1920s and early 1950s: efficiency and productivity]. In: Borodkin, L.I., Gregory, P. and Khlevnyuk, O.V. eds., 2008. GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda. Moskva: ROSSPEN, pp. 255-278. (in Russ.)

16. Khlevnyuk, O.V., 1992. Prinuditel'niy trud v ekonomike SSSR. 1929-1941 gg. [Forced labour in Soviet economy, 1929-1941], Svobodnaya mysl', no. 13, pp. 73-84. (in Russ.)

17. Khlevniuk, O.V., 2008. Ekonomika OGPU-NKVD-MVD SSSR v 1930-1953 gg.: masshtaby, struktura, tendentsii razvitiya [The economy of

OGPU-NKVD-MVD of the USSR in 1930-1953: scales, structure, development tendencies]. In: Borodkin, L.I., Gregory, P. and Khlevnyuk, O.V. eds., 2008. GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda. Moskva: ROSSPEN, pp. 67-89. (in Russ.)

18. Shirokov, A.I., 2000. Dal'stroi: predystoriya i pervoe desyatiletie [Dalstroy: the background and the first decade]. Magadan. (in Russ.)

19. Shirokov, A.I., 2009. Gosudarstvennaya politika na Severo-Vostoke Rossii v 1920-1950-kh gg.: opyt i uroki istorii [State policy in the north-east Russia, 1920s – 1950s]. Tomsk. (in Russ.)

20. Shirokov, A.I., 2014. Dal'stroi v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930-1950-e gg.) [Dalstroy in the social and economic development of the north-east USSR, 1930s – 1950s]. Moskva. (in Russ.)

21. Gold Mining in Ontario. Report of the Committee of Inquiry into the Economics of the Gold Mining Industry. Toronto: Queen's Printer, 1955.

22. Katzen, L., 1964. Gold and the South African economy: the influence of the gold mining industry on the business cycles and economic growth in South Africa, 1886-1961. Cape Town: Balkema.

23. Rockoff, H., 1984. Some evidence on the real price of gold, its costs of production, and commodity prices. In: Bordo, M.D. and Schwartz, A.J. eds., 1984. A retrospective on the classical gold standard, 1821-1931. Chicago: University of Chicago Press, pp. 613-650.

24. Soviet Gold production, reserves, and exports through 1954. CIA. URL: [http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document\\_conversions/89801/DOC\\_0000496246.pdf](http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000496246.pdf)

УДК: 93: 627.772 (571.6)“1957/1993”  
DOI [dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/89-96](https://doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/89-96)

А.В. Усов\*

## МОРСКИЕ СПАСАТЕЛИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ПАРОХОДСТВА: АВАРИЙНО-СПАСАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА И УЧЕНИЯ (1957-1993 гг.)

В статье рассмотрены особенности планирования и проведения аварийно-спасательной подготовки и учений специалистами Экспедиционного отряда аварийно-спасательных, судоподъемных и подводно-технических работ Дальневосточного морского пароходства (ЭО АСПТР ДВМП) в период со второй половины 1950-х гг. по 1993 гг. Основной целью подготовки являлось повышение готовности Отряда к проведению операций по поиску и спасанию судов и их экипажей, терпящих бедствие на море, и оказание им необходимой помощи в экстремальных условиях. Автор приходит к выводу, что, несмотря на недостаток материально-технического оснащения, морские спасатели Дальневосточного пароходства систематически повышали свой уровень аварийно-спасательной подготовки, принимали участие в учениях различных уровней и видов с привлечением взаимодействующих организаций.

*Ключевые слова:* Дальневосточное морское пароходство, морские спасатели, аварийно-спасательная подготовка, учения

**Sea rescuers of the Far Eastern Shipping Company: emergency rescue training and exercises, 1957-1993.** ALEKSEY V. USOV (Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs)

The article deals with the history of planning and conducting emergency rescue training and exercises by the specialists of the Expeditionary Rescue Team of the Far Eastern Shipping Company in the late 1950s – 1993. The main purpose of the exercises was to increase the readiness of the Team to conduct search and rescue operations for distressed ships and crews and to provide them with the necessary assistance in extreme conditions. The author concludes that, despite the lack of material and technical equipment, the marine rescuers of the Far Eastern Shipping Company systematically raised their level of emergency rescue skills, taking part in exercises of various levels and types in cooperation with other organizations and institutions.

*Keywords:* Far Eastern Shipping Company, marine rescuers, emergency rescue training, exercises

В 2017 г. исполнилось ровно 60 лет с момента разделения на Дальневосточном бассейне военно-морского и гражданского направлений в отрасли спасания на море [1, с. 128]. Именно в 1957 г. Дальневосточное объединенное морское пароходство, следуя общегосударственному вектору [2, с. 291] (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. 46. Оп.

\* Усов Алексей Вячеславович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: 101-mvd@mail.ru

© Усов А.В., 2018

81. Д. 131. Л. 300-305об.) по созданию на морских бассейнах страны гражданских спасательных формирований, пополнило свою структуру вновь созданной «Службой пути, судоподъемных и подводно-технических работ», согласно приказу начальника от 10 июля 1957 г. № 1156 (ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 501. Л. 75-78).

С первого апреля 1958 г. отделы судоподъемных и подводно-технических работ были выделены из состава управлений морских путей в непосредственное подчинение морских пароходств, согласно приказу Министерства морского флота от 07 марта 1958 г. № 66. В Балтийском, Черноморском, Каспийском, Северном и Дальневосточном пароходствах были созданы Службы судоподъемных, подводно-технических и аварийно-спасательных работ (СПТС) (ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 153. Л. 140-142). Служба СПТС Дальневосточного пароходства (переставшего быть объединенным в соответствии с приказом Министра морского флота № 356 от 14 декабря 1957 г.) состояла из Отряда во Владивостоке и групп в Ванино, Корсакове, Магадане, Петропавловске-на-Камчатке, Проведении (ГАПК. Ф. 46. Оп. 81. Д. 153. Л. 140-142).

Позднее, с 1 июля 1959 г. Министерство морского флота СССР на основе подлежащей к ликвидации службы СПТС приказало создать Экспедиционный отряд аварийно-спасательных, судоподъемных и подводно-технических работ (ЭО АСПТР) Дальневосточного морского пароходства (ДВМП) в соответствии с приказом от 30 мая 1959 г. № 152, возложив на него обязанности по выполнению аварийно-спасательных работ и ответственность за спасение человеческих жизней на море (Текущий архив Приморского филиала ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота», далее – ТА ПФ МСС. Документы. Приказы, 1950-е – 1990-е гг.). В мае 1960 г. была создана Находкинская группа – наиболее крупная из периферийных (ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 1095. Л. 124). Через год, в мае 1961 г., была организована и приступила к работе группа АСПТР в порту Певек (ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 1223. Л. 91).

Исходя из поставленных задач, ЭО АСПТР ДВМП выполнял функции аварийно-спасательной службы Министерства морского флота (ММФ) в Японском море до параллели 45° северной широты, в Беринговом море от мыса Олюторского до мыса Дежнева и далее в Восточном секторе Арктики до меридиана 140° восточной долготы, а также функции подразделения по борьбе с ликвидацией разливов неф-

ти (ЛРН) в зоне ответственности ДВМП. Иные участки в водах СССР перекрывались Отрядами, созданными в Балтийском, Черноморском, Каспийском, Северном, Мурманском, Сахалинском, Камчатском, Дунайском пароходствах.

Настоящее исследование охватывает период со времени зарождения и создания предприятия (вторая половина 1950-х гг.) до его выхода из состава Дальневосточного морского пароходства (1993 г.) в связи с государственным запретом на акционирование спасательного флота в постсоветской России. Иными словами, верхняя временная граница исследования обоснована преобразованием ЭО АСПТР ДВМП в Дальневосточное аварийно-спасательное специализированное бассейновое управление (ДВ БАСУ)<sup>1</sup> Государственной морской аварийно-спасательной службы при Департаменте морского транспорта Минтранса РФ (Госморспасслужба) [5]. Накопленный за 60 лет исторический опыт может быть весьма актуален и востребован при корректировке современной национальной политики в деле спасания на море и экологической охраны вод. Исходя из этого цель настоящего исследования заключается в том, чтобы проанализировать особенности проведения аварийно-спасательной подготовки и учений специалистами ЭО АСПТР в указанный период.

С начала своей деятельности морские спасатели Дальневосточного пароходства активно и зачастую успешно выполняли аварийно-спасательные операции по оказанию помощи судам и людям, терпящим бедствие на море. Помимо этого, во исполнение функциональных обязанностей, возложенных на них приказом Министра морского флота № 145 от 17 августа 1965 г. (в соответствии с производственными программами ДВМП), производили операции по предотвращению и ликвидации разливов нефтепродуктов в море, организовывали подъем на поверхность затонувших судов и кораблей, а также осуществляли океанские буксировки и копровые работы. Специалисты Отряда также занимались подводным судоремонтом, очисткой от обрастания подводной части корпусов судов на плаву, шлифовкой и полировкой винтов, а также освидетельствованием с помощью телевизионной аппаратуры. На ЭО АСПТР ДВМП

<sup>1</sup> Правопреемники ЭО АСПТР/ДВ БАСУ в настоящее время (после реорганизации 2014 г.) имеют наименование Приморский филиал Федерального бюджетного учреждения «Морская спасательная служба Росморречфлота».

было возложено водолазное обеспечение ледоколов, работающих в Восточном секторе Арктики, и дизельэлектроходов, направлявшихся в Антарктиду (ТА ПФ МСС. Документы. Пояснительные записки к работе Отряда) (Рис. 1). Все эти работы выполнялись в установленные сроки, квалифицированно и зачастую без замечаний. Успешная деятельность ЭО АСПТР ДВМП была бы невозможна без надлежаще подготовленных кадров. Одним из важнейших элементов подготовки специалистов к фактическим операциям выступает аварийно-спасательная подготовка.



Рис. 1. Старший водолазный специалист Иван Иванович Пелепей (с 1966 г. по настоящее время трудится в Приморском филиале МСС) в тяжелом трехболтовом снаряжении (вт. пол. 1960-х гг.). Фото из личного архива И.И. Пелепея

#### Планирование и выполнение задач аварийно-спасательной подготовки

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что во второй половине 1950-х – 1960-х гг. аварийно-спасательная подготовка и учения не были выделены в отдельное направление деятельности морских спасателей Дальневосточного пароходства (ГАПК. Ф. 46. Оп. 77. Д. 233. Л. 1-39; Д. 1095. Л. 118-131; Д. 1152. Л. 53-80; Д. 1177. Л. 58-77; Д. 1209. Л. 1-78; Д. 1223. Л. 85-99; Д. 1246. Л. 51-118; Д. 1292. Л. 1-100). Однако еженедельно проводились совещания инженерно-технических работников Отряда, на которых рассматривались и обсуждались различные вопросы производства. Было организовано постояннодействующее производственное совещание. Его работа была направлена на увеличение эффективности использования трудовых и материальных ресурсов,

повышение технических знаний. Специалисты Отряда обучались как с отрывом от производства в различных учебных заведениях, так и без такового, повышали квалификацию.

В отложившихся архивных документах с 1970-х гг. устойчиво прослеживается тенденция к ежегодному планированию учений. Морские спасатели Дальневосточного пароходства стали уделять значительное внимание вопросам подготовки к проведению реальных (фактических) спасательных и подводно-технических операций. Дальневосточное морское пароходство в рамках борьбы с загрязнением окружающей среды начинает ежегодно планировать и проводить комплексные учения с использованием технических средств порта Владивосток, ЭО АСПТР, рыбного порта, судоремонтных заводов, Дальневосточного научного центра и других ведомств. На учения приглашались представители Камчатского, Сахалинского пароходств и портов бассейна. Данные мероприятия позволили приобрести навыки и опыт по сбору нефтепродуктов при их разливах [2, с. 368].

Аварийно-спасательная подготовка в Отряде АСПТР Дальневосточного пароходства начитает проводиться согласно годовому плану, утвержденному вышестоящей организацией (в зависимости от исторического периода развития, например, Всесоюзным обществом «Мореплавание») и составленному в соответствии с указаниями «Курса аварийно-спасательной подготовки судов и групп ЭО АСПТР (КАСП-77)» [3].

Обучение экипажей судов, морских буксиров и групп АСПТР проводилась не только на базе КАСП-77, но и на основании других действовавших наставлений и положений ММФ и Дальневосточного пароходства. В 1980-е гг. число важных для подготовки документов по ликвидации разливов нефти на морских бассейнах (КСП-ЛРН-82)», «Наставление по борьбе за живучесть судов морского флота СССР» (НБЖС РД 31.60.14-81) [4]. На основании КСП-ЛРН-82, приказов ММФ № 209 от 02.10.1984, «Положения об организации работ по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов в море» № 48 от 14.03.1986 происходила подготовка личного состава Морспецподразделения (создано в 1985 г.) к проведению операций по ликвидации разливов нефти и нефтепродуктов в море (ТА ПФ МСС. Документы. Учения).

С 1982 г. спасатели пароходства начали использование Международной космической систе-

мы определения местоположения судов и самолетов, терпящих бедствие, – КОСПАС-САРСАТ, за счет чего повысилась оперативность управления спасательными операциями на море.

Ежемесячно Службой мореплавания Дальневосточного пароходства проводились совещания командного состава судов пароходства, в которых принимал участие комсостав спасательных и буксирных судов Отряда. На совещаниях разбирались характерные случаи аварий и аварийных происшествий судов, рассматривались их причины, разрабатывались мероприятия по предотвращению подобных случаев.

С 6 июня 1987 г. в Японском море стали постоянно нести аварийно-спасательную готовность дежурное судно-спасатель с экипажем, оформленным в заграничный рейс. Как правило, для этих целей выделялись наиболее мощные и быстроходные о/с «Барс» или с/с «Ирбис», оборудованные средствами спутниковой связи и навигации.

Решение о дежурстве в море повысило готовность судна-спасателя к активным действиям, положительно отразилось на качестве аварийно-спасательной подготовки экипажей, ослабило напряженность в их укомплектовании.

Для массового спасения людей было организовано постоянное дежурство спасательного катера «Быстрый» в заливе Петра Великого, в портах Владивосток и Находка – водолазных рейдовых ботов (ТА ПФ МСС. Документы. Учения).

#### Подготовка руководящего состава

Подготовка командного состава спасательных судов, морских буксиров, судов групп АСПТР и инженерно-технических работников проводилась в соответствии с КАСП-77, согласно годовому плану аварийно-спасательной подготовки (АСП) Отряда, планам подготовки личного состава групп АСПТР и план-календарей аварийно-спасательной и морской подготовки экипажей судов. Темы занятий брались из программы аварийно-спасательной (АСП) и военно-морской (ВМП) подготовок курса КАСП-77.

В результате обучения по данным программам командный состав и инженерно-технические работники приобретали навыки руководства подготовкой и действиями подчиненного личного состава. Основными методами АСП и ВМП были: самостоятельная подготовка, занятия на судах и в группах, групповые упражнения, командно-штабные учения, на которых командный состав и инженерно-технические

работники, как правило, показывали удовлетворительные знания.

В результате проведенных учений и действительных операций по АСП комсостав спасательных судов и инженерно-технические работники Отряда приобретали навыки по руководству спасательной операцией. О степени подготовки командного состава можно судить по результатам аварийно-спасательным операциям и сложным морским буксировкам, успешно проведенных Отрядом (ТА ПФ МСС. Документы. Годовые отчеты).

#### Подготовка судов и береговых подразделений

На спасательных судах, морских буксирах и в группах АСПТР регулярно проводились тренировки личного состава и весь комплекс судовых тревог с отработкой элементов борьбы за живучесть всего судна и оказания помощи аварийным судам в объеме НБЖС и КАСП-77.

Спасательными судами отрабатывались и сдавались задачи СС-1 (Организация, плавание и борьба за живучесть судна); СС-2 (Оказание помощи аварийному судну и летательным аппаратам, терпящим бедствие на море). Происходила сдача нормативов спасательной готовности (СГ). В группах АСПТР ежемесячно проводился инструктаж аварийных партий I броска относительно правил и приемов выполнения аварийно-спасательных работ.

Основной целью подготовки являлось повышение готовности Отряда к проведению операций по поиску и спасению судов и их экипажей, терпящих бедствие на море, и оказанию им необходимой помощи в экстремальных условиях. Уровень подготовки экипажей спасательных судов и личного состава групп АСПТР проверялся при проведении зачетных учений по приему задач СС-1, СС-2 и СГ, а также непосредственным участием в комплексных учениях с взаимодействующими организациями и при проведении фактических аварийно-спасательных работ.

В группах АСПТР ежемесячно проводился инструктаж аварийных партий относительно правил и приемов выполнения аварийно-спасательных работ. Помимо этого, устраивались инспекторские осмотры спасательных судов, морских буксиров и плавсредств групп. На спасательных судах Отряда водолазы тренировались выполнять различные виды аварийно-спасательных работ, включая подводную сварку и резку (в том числе в темное время суток) (Рис. 2).

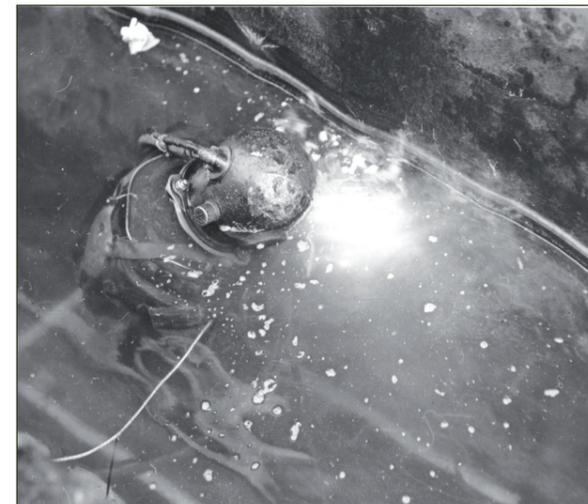


Рис. 2. Подводная сварка на аварийном судне (вт. пол. 1960-х гг.).

Фото из личного архива И.И. Пелепея

Рабочие Морспецподразделения осваивали полученное оборудование для ликвидации разливов нефти (ЛРН). В конце 1980-х начале 1990-х гг. в целях проверки готовности Морспецподразделения Находкинской группы АСПТР и Нефтепорта к операциям по борьбе с разливами нефти на акватории Находкинского судоремонтного завода проводились штабные учения. Для экономии средств учения между участниками проводились отдельно. Действия сил и средств координировались по радиотелефонной связи (ТА ПФ МСС. Документы. Учения).

В портах Владивосток, Находка, Магадан регулярно осуществлялись проверки готовности дежурных буксиров порта путем их привлечения к учениям, проводимым Отрядом АСПТР и его группам. В запланированные сроки, согласно приказу № 46 от 18.03.1974, проводились проверки наличия и условия хранения аварийно-спасательного имущества (АСИ) (ТА ПФ МСС. Документы. Годовые отчеты).

#### Учения

По целям и задачам учения подразделялись на комплексные (с отработкой элементов ликвидации последствий морских аварий) и частные (нацеленные на отработку одного частного элемента, например, поиска и спасения людей на море, оказания помощи аварийному судну (объекту), ликвидации разлива нефти). По целям, задачам и участникам учения могли быть бассейновыми и объектовыми. По своему назначению учения подразделялись на учения с

участием сил и средств, учения по связи, учения на картах или командно-штабные.

Наиболее часто проводились учения с привлечением дежурного спасателя и аварийной партии Отряда, в том числе бассейновые учения по оказанию помощи аварийному судну с привлечением взаимодействующих организаций: Дальневосточного пароходства, Управления Дальрыбы, авиации Владивостокского объединенного авиаотряда, Аварийно-спасательной службы Краснознаменного Тихоокеанского флота, Владивостокского, Находкинского, Восточного морских портов, Бассейновой больницы Водздрава. В целом поставленные учебные цели и задачи успешно выполнялись.

Для изучаемого периода характерны комплексные учения по оказанию помощи аварийному судну и людям, терпящим бедствие на море, и ликвидации разливов нефтепродуктов. Основными взаимодействующими организациями выступали: ДВМП, Сахалинское морское пароходство, Владивостокский морской торговый порт (Владторгпорт), Всесоюзное рыбопромышленное производственное объединение (ВРПО) «Дальрыба», Поисково-спасательная служба (ПСС) КТОФ, ВВС КТОФ, объединенный авиаотряд Министерства гражданской авиации (МГА) (г. Артем), авиация погранвойск, Сахалинское объединение ДВ управления гражданской авиации, Спасательно-координационный центр (СКЦ) Дальневосточного морского пароходства (с 1988 г.). От ЭО АСПТР часто участвовали Морспецподразделение (МСП) Отряда, с/с «Ирбис», МВБ «Водолаз Терехов», ВСК «Быстрый».

Регулярно проводились совместные учения, организатором которых выступал КТОФ, например: бассейновое учение по оказанию помощи аварийному танкеру на нефтебазе Первая речка г. Владивостока с привлечением взаимодействующих организаций; «Отработка парашютно-десантного метода оказания помощи терпящим бедствие на море»; «Борьба с пожаром и водой на высокобортном корабле»; «Оказание помощи в удаленном районе моря крупнотоннажному кораблю в борьбе с большими очагами пожара и опасным затоплением отсеков водой, с массовым спасением плавающего на воде личного состава». От ЭО АСПТР Дальневосточного пароходства в них принимал участие о/с «Барс» (Рис. 3). В учениях авиации ВВС КТОФ по поиску аварийного летательного аппарата в море и спасению людей отрабатывал задачи б/с «Лазурит». Также часто задействовался дежурный спасатель «Топаз».



Рис. 3. Легендарный капитан Дальневосточного пароходства Анатолий Михайлович Кавдейкин (награжден знаком «Почетный работник ММФ», орденом «Дружба народов») и старший помощник капитана Аркадий Николаевич Сиденко во время учений на океанском буксире «Барс» (1980-е гг.). Фото из личного архива А.Н. Сиденко

Регулярно проводились учения по оказанию помощи аварийному судну у причала находкинского торгового порта и ликвидации разлива нефти на акватории торгового порта.

Дежурная служба и суда-спасатели Отряда принимали участие в учениях: совместно с в/о Морсвязьспутник по паролю «Бедствие»; с Государственным спасательно-координационным центром (ГКЦ г. Москва): учения по проверке связи и времени прохождения оповещения категории «Учебная-авария», по проверке времени прохождения радиogramм категории «Учебная авария» из Отряда на суда-спасатели в море и обратно с судов в Отряд, по проверке прохождения аварийного сигнала на спасательное судно по радиостанции «Чайка» на частотах 2182 кГц и 2525 кГц.

Стали традиционными командно-штабные учения с командным составом взаимодействующих организаций, например, п. Находка (НМТП, нефтепорт, находкинская группа АСПТР, МСП) на тему: «Ликвидация разлива нефтепродуктов в нефтепорту Находка», с командным составом Морспецподразделения Отряда, отделом аварийно-спасательных работ, ликвидации разливов нефти и безопасности мореплавания на тему: «Оказание помощи аварийному танкеру», «Тушение пожара в машинно-котельном отделении судна».

В результате проведенных учений комсостав судов и инженерно-технические работники Отряда приобретали навыки по руководству спасательной операцией, экипажи судов и аварийные

партии групп усваивали основные технологические приемы при выполнении аварийно-спасательных работ. На всех учениях отрабатывалась организация взаимодействия и связи всех участвующих организаций и их спасательных средств (ТА ПФ МСС. Документы. Учения).

#### Контроль и оказание помощи в организации и проведении аварийно-спасательной подготовки

В течение изучаемого периода специалистами Отряда и отдела аварийно-спасательных работ, ликвидации разливов нефти и безопасности мореплавания систематически осуществлялись на судах и в группах АСПТР контроль и проверка организации общесудовой и штурманской служб, ход аварийно-спасательной подготовки, оказывалась практическая помощь. В соответствии с графиками проверок знаний принималась аттестация у штурманского состава судов.

Специалисты отряда были обязаны осуществлять регулярный контроль за ходом выполнения планов аварийно-спасательной подготовки в группах и на судах Отряда. Уровень подготовленности экипажей судов и личного состава групп АСПТР к оказанию помощи аварийным судам, терпящим бедствие на море, проверялся путем проведения контрольных практических учений в группах и на судах Отряда в дневное и ночное время.

Выявленные в процессе проверок недостатки указывались в актах, разбирались комсоставом судов со специалистами групп, ставились задачи по их устранению.

Несмотря на то, что ЭО АСПТР ДВ пароходства был готов к выполнению аварийно-спасательных работ в объеме технических возможностей, текучесть кадров рядового состава, а также постоянный некомплект экипажей отрицательно сказывалась на аварийно-спасательной подготовке судов. Кроме того, готовность ЭО АСПТР к выполнению своих задач снижало неудовлетворительное материально-техническое обеспечение Отряда службой МТО Дальневосточного пароходства.

В конце 1980-х начале 1990-х гг. аварийно-спасательный потенциал Отряда снижали такие факторы, как отсутствие судов-спасателей, соответствующих современным требованиям, морально устаревшая водолазная техника и оборудование, недостаточное материально-техническое обеспечение спасательных судов и групп Отряда службами Дальневосточного па-

роходства, продолжительные сроки ремонта судов-спасателей на судоремонтных базах ДВМП (например, б/с «Топаз» – в течение двух лет) (ТА ПФ МСС. Документы. Годовые отчеты).

Тем не менее яркими примерами высокого уровня подготовки выступают такие фактические операции 1980-х – начала 1990-х гг., как:

- Устранение Магаданской группой АСПТР водотечности корпуса т/х «Усури» ДВМП;

- Снятие с камней в заливе Находка с/с «Ирбис», Находкинской группой АСПТР и Морспецподразделением японской шхуны «Синничи Мару»;

- Тушение пожара и буксировка д/э «Капитан Бондаренко» ДВМП;

- Ликвидация Морспецподразделением разлива 85 тонн мазута м-100 на реке Безымянная с целью предотвращения его попадания в Усурийский залив (спасатели сумели собрать 81 тонну мазута);

- Операция по ликвидации разлива нефтепродуктов на территории городской котельной г. Находка в количестве 315 тонн (для сбора нефтепродуктов была использована нефтесборная система ДЕСМИ);

- Оказание помощи подводной лодке крановым судном «Витязь» в б. Улисс (Владивосток) по подъему, осушению отсеков и их герметизации;

- Буксировка во Владивосток п/б «Охотское море» спасателем «Ирбис» после тушения пожара в Японском море;

- Снятие с подводного препятствия катера «Буран-17» спасателем «Ирбис» в Амурском Заливе;

- Аварийно-спасательные работы на з/с «Невская» по заделке пробоины и поддержанию судна на плаву до постановки его в док;

- Оказание помощи т/х «Ольга Садовская» морским водолазным ботом «Водолаз Терехов» по откачке заборной воды из поврежденного танка;

- Тушение пожара о/с «Барс» в машинном отделении БПК «Адмирал Захаров» (КТОФ) при наличии 46 т. боезапаса в районе очага пожара.

Таким образом, если в конце 1950-х – 1960-х гг. аварийно-спасательная подготовка и учения не были выделены в отдельное направление деятельности морских спасателей ДВМП, то начиная с 1970-х гг. планы аварийно-спасательной подготовки регулярно выполнялись как самим Экспедиционным отрядом АСПТР, так и его судами и территориальными группами. Регу-

лярная отработка планов учений позволяла морским спасателям Дальневосточного пароходства быть готовым к выполнению аварийно-спасательных работ и мероприятий по ликвидации разливов нефти в объеме технических возможностей Отряда. При этом прослеживается четкий вектор, взятый на систематическое совершенствование навыков и повышение профессионального мастерства работников Отряда совместно с взаимодействующими организациями Дальневосточного бассейна, наиболее крупными из которых являлись: Поисково-спасательная служба и Военно-воздушные силы Краснознаменного Тихоокеанского флота, объединенный авиаотряд Министерства гражданской авиации СССР (г. Артем), авиация погранвойск, Владивостокский торговый порт и Дальрыба (Дальморепродукт), Сахалинское пароходство.

Необходимо отметить, что помимо фактора текучести кадров рядового состава, негативно сказывающегося на аварийно-спасательной подготовке, на протяжении всего изучаемого периода спасатели ДВМП испытывали нехватку материально-технического оснащения. Она ощущалась как в процессе аварийно-спасательной подготовки и учений, так и при выполнении фактических операций. К концу 1980-х – началу 1990-х гг. для выполнения сложных аварийно-спасательных работ в море и проведения буксировок крупнотоннажных объектов в места убежища Отряду требовались современные спасательные суда. Кроме того, имеющиеся спасательные суда и территориальные группы Отряда остро нуждались в современном аварийно-спасательном имуществе и оборудовании (водоотливной технике, изолирующих дыхательных аппаратах, взрывобезопасных фонарях, спецодежде для аварийных партий).

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 60 лет Морской спасательной службе Росморречфлота. М.: Нептун, 2016.
2. Дальневосточное морское пароходство 1880-1980 гг. Владивосток: Дальиздат, 1980.
3. Курс аварийно-спасательной подготовки судов и групп экспедиционных отрядов АСПТР (КАСП-77): учебно-методическое пособие. М.: ЦРИА "Морфлот", 1978.
4. Наставление по борьбе за живучесть судов. РД 31.60.14-81. СПб.: ЦНИИМФ, 2004.
5. Усов А.В. Государственная морская спасательная служба на Дальнем Востоке России (1991-2014 гг.). М., 2016.

REFERENCES

1. 60 let Morskoy spasatel'noy sluzhbe Rosmorrechflota [60 years anniversary of the Marine Rescue Service of Rosmorrechflot]. Moskva: Neptun, 2016. (in Russ.)
2. Dal'nevostochnoe morskoe parokhodstvo 1880-1980 gg. [Far Eastern Shipping Company, 1880-1980]. Vladivostok: Dal'izdat, 1980. (in Russ.)
3. Kurs avariyno-spasatel'noy podgotovki sudov i grupp ekspeditsionnykh otryadov ASPTR (KASP-77): uchebno-metodicheskoe posobie

- [Course of vessels and groups emergency-rescue training of Salvage division groups]. Moskva: TsRIA "Morflot", 1978. (in Russ.)
4. Nastavlenie po bor'be za zhivuchest' sudov. RD 31.60.14-81 [Manual on emergency plans in ships. RD 31.60.14-81]. Sankt-Peterburg: TsNIIMF, 2004. (in Russ.)
  5. Usov, A.V., 2016. Gosudarstvennaya morskaya spasatel'naya sluzhba na Dal'nem Vostoke Rossii (1991-2014 gg.) [State Marine Rescue Service in the Russian Far East, 1991-2014]. Moskva. (in Russ.)



УДК 332.8(571.621)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/97-103

С.А. Власов\*

РЕФОРМА ЖИЛИЩНО-КОМУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА  
В МАЛОМ СУБЪЕКТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
(НА ПРИМЕРЕ ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

В статье анализируется ход реформы жилищно-коммунального хозяйства в малом субъекте Российской Федерации – Еврейской автономной области. Автор полагает, что область не может самостоятельно справиться с основными проблемами реформирования жилищно-коммунального хозяйства (модернизацией инженерной инфраструктуры, ликвидацией аварийного жилья, утилизацией бытовых отходов) и не способна завершить программу реформирования без помощи федерального бюджета. Сложившаяся ситуация побуждает к дискуссии о возможном воссоединении ЕАО с Хабаровским краем.

*Ключевые слова:* региональная история, реформа, жилищно-коммунальное хозяйство, субсидии, модернизация инфраструктуры, аварийное жилье

**The reform of housing and communal services in a small Russian region (the case of the Jewish Autonomous Oblast).** SERGEY A. VLASOV (Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The article analyzes the progress of the reform of housing and communal services in a small region of the Russian Federation, focusing on the case of the Jewish Autonomous Region. The author argues that the region could not independently reach the key goals of reforming the housing and communal services (modernization of the engineering infrastructure, liquidation of emergency housing, utilization of municipal solid waste) and is unable to complete the reform program without the assistance of the federal budget. The current situation prompts discussion about the possible reunification of the JAO with the Khabarovsk Territory.

*Keywords:* regional history, reform, housing and communal services, subsidies, infrastructure modernization, emergency housing

В декабре 1991 г. Еврейская автономная область (ЕАО) вышла из состава Хабаровского края и стала самостоятельным субъектом Российской Федерации. Область оказалась в ряду других малых субъектов РФ, появившихся в 1990-е гг. на Дальнем Востоке (Корякский и Чукотский автономные округа). Классифицировать субъекты на малые, средние и крупные принято исходя из следующих критериев: численности населения,

размеров территории, валового регионального продукта<sup>1</sup>, приходящегося на душу населения, денежных доходов, инвестиций [1, с. 86].

По этим показателям ЕАО является типичным малым субъектом, как в сравнении со сво-

<sup>1</sup> Валовой региональный продукт (ВРП) – обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг для конечного использования.

\* ВЛАСОВ Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук.

E-mail: vlasov54@bk.ru

© Власов С.А., 2018

ими соседями по Дальневосточному федеральному округу (ДФО), так и в общероссийском масштабе. В 2016 г. в ЕАО проживало 166 тыс. чел., лишь в Магаданской области и Чукотском автономном округе (ЧАО) было меньше, соответственно 147 тыс. и 50 тыс. [14, с. 70]. По всем другим показателям ЕАО устойчиво занимала последнее место в ДФО. Валовой региональный продукт на душу населения в 2014 г. был ниже всех в ДФО и составил 246449 руб. [13, с. 517]. Среднедушевые денежные доходы населения в месяц в ЕАО в 2015 г. были ниже всех в ДФО и составили 24459 руб. [14, с. 141]. Лишь по инвестициям в основной капитал ЕАО немного превзошла ЧАО, в ЕАО – 12977 млн. руб., в ЧАО – 8443 млн. руб. [14, с. 584]. Таким образом, по всем социально-экономическим и демографическим критериям ЕАО является типичным малым субъектом.

Следует отметить, что за все годы своего «суверенного» (самостоятельного) существования ЕАО получала дотации от федерального центра. Область является хронически дотационной, разница наблюдалась лишь в величине дотаций, получаемых от центра – от 80% общей суммы областного бюджета в 1990-е гг. до 60% в 2000-е гг. [3, с. 95].

Все вышеупомянутые обстоятельства не могли не сказаться на ходе проведения реформы жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), которая началась по всей стране как раз в то время, когда ЕАО стала самостоятельным субъектом РФ.

На начальном этапе реформы ЖКХ (первая половина 1990-х гг.) ставилась задача за счет приватизации жилья создать класс собственников жилых помещений, которые будут самостоятельно (без участия государства) решать вопросы по содержанию своего жилища, оплате жилищно-коммунальных услуг (ЖКУ), капитальному ремонту. Таким образом, была сделана попытка перевести всю отрасль на рыночные отношения, полную самообеспеченность и самокупаемость за счет 100% оплаты услуг потребителями.

Перевод ЖКХ на самофинансирование привел к резкому повышению тарифов на ЖКУ, что в условиях стремительного снижения уровня жизни значительной части населения, галопирующей инфляции, невыплаты заработной платы объективно не позволило решить задачу восполнения себестоимости расходов на ЖКУ за счет потребителей. Неспособность людей решать текущие коммунальные проблемы потребовала внести некоторые изменения и дополне-

ния в ход проведения реформы. В апреле 1997 г. правительством была принята «Концепция реформы жилищно-коммунального хозяйства в Российской Федерации», в которой заявлялось о необходимости «смягчения процесса реформирования системы оплаты жилья и коммунальных услуг». В частности, ставилась задача усовершенствовать систему социальной защиты населения по предоставлению жилищных субсидий гражданам с низкими доходами.

С сентября 1998 г. Госкомстат России стал учитывать число семей, получающих субсидии на оплату ЖКУ, и её размеры, что позволило проследить – насколько успешно решалась задача по переводу ЖКХ на самофинансирование и самокупаемость. В ЕАО право на субсидии получили семьи, в совокупном доходе которых расходы на ЖКУ превышали 15% семейного бюджета. Мы располагаем статистическими данными с 2000 по 2015 гг., что позволяет проследить динамику роста числа семей, получающих субсидии. Так, в 2000 г. их насчитывалось 3,3 тыс. (6,3% от общего числа семей), в 2005 г. – 12,0 тыс. семей (26,4%), в 2010 г. – 7,3 тыс. семей (10,9%), в 2015 г. – 7,7 тыс. семей (11,4%) [13, с. 318-319].

Анализ данных за период с 2000 по 2015 гг. показывает, что число семей в ЕАО, получающих субсидии на оплату ЖКУ, увеличилось и на протяжении нескольких лет держалось на уровне 11% от их общего числа. Таким образом, переход на 100% оплату населением услуг ЖКХ оказался невозможен, прежде всего, из-за низких доходов населения.

Помимо низкодходной части населения в ЕАО, оплата ЖКУ которых осуществлялась за счет бюджета, часть платежеспособного населения области оплачивала ЖКУ нерегулярно, с опозданием, что приводило к задолженности потребителей перед поставщиками коммунальных ресурсов (воды, тепла, электроэнергии).

Неспособность и нежелание части населения нести расходы, связанные с потреблением ЖКУ, можно проследить по данным задолженности за ЖКУ, которая на протяжении длительного времени не только не сокращалась, а, наоборот, росла с каждым годом. Долг населения ЕАО за ЖКУ за предыдущие годы к маю 2016 г. достиг 830 млн. руб., что для небольшой области с населением 170 тыс. чел. является чрезмерным. При этом по сравнению с 2015 г. он не уменьшился, а вырос на 100 млн. руб. [9].

Задолженность населения за ЖКУ приводит к тому, что у предприятий ЖКХ нет средств

на оплату ресурсоснабжающим организациям (электроэнергия и тепло). Администрация ЕАО вынуждена систематически тратить бюджетные деньги на финансирование предприятий ЖКХ. Так, в октябре 2013 г. Биробиджанскому МУП «Водоканал» было выделено из областного бюджета 35 млн. руб., что позволило коммунальщикам погасить задолженность перед энергетиками и теплоснабжающими организациями. В противном случае банкротство предприятия оставило бы город без воды и канализации [4].

Менее чем через полгода, в апреле 2014 г. ситуация повторилась – потребители задолжали МУП «Водоканал» за воду и водоотведение почти 40 млн. руб. [6], и вновь возникла угроза отключения предприятия от электроэнергии. Неплатежи приводят к тому, что вместо модернизации, замены старых сетей, Биробиджанский «Водоканал» вынужден регулярно просить бюджетную помощь, чтобы не оставить город без воды и канализации.

Деньги нужны не только на оплату текущих расходов за электричество, тепло, они необходимы для модернизации инфраструктуры ЖКХ. Неприемлемо высокий уровень физического и морального износа инженерной инфраструктуры приводит к значительным непроизводительным потерям энергии, воды и других видов ресурсов, что ведет к дополнительным финансовым затратам, которые покрываются за счет повышения тарифов на ЖКУ. Модернизация инфраструктуры необходима, поскольку для нормального и безаварийного функционирования коммунального комплекса требуется проводить замену инженерных сетей на уровне не менее 5% от общей протяженности, иначе процесс разрушения примет необратимый характер. Для Биробиджана, по расчетам специалистов, на это необходимо ежегодно выделять по 150 млн. руб. (на проведение работ по замене и реконструкции инженерных сетей города). У мэрии Биробиджана средств на это нет, нет их и в областном бюджете. В целом по области только на модернизацию систем водоснабжения и водоотведения необходимо 8 млрд. руб., в замене нуждается около 70% сетей [11]. Решить эту проблему ни за счет потребителей, поднимая тарифы на услуги, ни за счет областного бюджета, не получается. Здесь необходима помощь из федерального бюджета.

Замена ветхих водопроводных сетей, водозаборных сооружений – это лишь часть проблемы. Помимо этого, необходимо менять уста-

ревшую инфраструктуру. Большие затраты и крупные вложения требуются на модернизацию Биробиджанской ТЭЦ, оборудование которой сильно изношено. Основные котлоагрегаты ТЭЦ построены в 1970-е – 1980-е гг., их необходимо капитально ремонтировать, однако денег на основательную замену оборудования ни у предприятия, ни в городском, ни в областном бюджетах нет. Поэтому ремонтные работы производятся исходя из возможностей и в рамках подготовки к осенне-зимнему отопительному сезону, но не всегда качественно. Так, начало отопительного сезона 2017/2018 г. ознаменовалось очередной аварией на Биробиджанской ТЭЦ – в ноябре 2017 г. из строя вышел один из котлов, что привело к ограничению теплоснабжения жителей города и создало угрозы срыва отопительного сезона в ЕАО.

Биробиджанская ТЭЦ, помимо нестабильной работы в пик зимних нагрузок, является основным источником загрязнения воздуха в областном центре, т.к. работает на угле. По данным Минприроды, Биробиджан попал в список двадцати городов с наибольшим уровнем загрязнения атмосферы. Уровень концентрации загрязняющих веществ превышает предельно допустимый почти в 30 раз. Единственно возможный вариант изменить ситуацию – это перевод ТЭЦ с угля на газ.

Учитывая износ оборудования ТЭЦ, проблемы с экологией, назрела острая нужда в строительстве новой городской котельной. Очевидно, что решить эту проблему самостоятельно область не сможет, здесь также требуется существенные инвестиции из федерального бюджета.

Низкий уровень доходов населения и отсутствие средств в бюджете области – все это сказывается и на работе товариществ собственников жилья (ТСЖ), создание и деятельность которых является важной частью реформы ЖКХ. ТСЖ призваны побудить собственников жилых помещений взять на себя ответственность за эксплуатацию и сохранность имущества многоквартирных домов (МКД), в которых они проживают, покончить с порочной советской практикой, когда все заботы по эксплуатации МКД брало на себя государство, а люди лишь предъявляли к нему претензии по поводу плохой работы ЖЭК, сами же не желали вникать в жилищно-коммунальные проблемы и тем более – участвовать в их решении.

По данным на сентябрь 2016 г., на территории ЕАО действовало более 40 ТСЖ, большинство из них в Биробиджане [7]. Практически все

они из-за высоких тарифов на коммунальные услуги и частичной задолженности потребителей ЖКУ не способны своевременно и полностью рассчитываться с ресурсоснабжающими компаниями за ЖКУ. В этой ситуации правительство ЕАО приняло решение финансово поддержать ТСЖ, компенсировать им разницу между фактическими затратами и предельными индексами тарифов на коммунальные услуги. Однако с 2014 г. начались задержки компенсаций, поскольку в областном бюджете не хватает средств. За 2015-2016 гг. правительство ЕАО задолжало ТСЖ более 25 млн. руб. Ресурсоснабжающие организации не хотят ждать, пока с нами рассчитается областное правительство, и подают на ТСЖ в суд, выставляя огромные неустойки. В итоге многие ТСЖ оказались на грани выживания – все деньги, собираемые с жильцов, идут на оплату услуг поставщиков, а на развитие денег не остается. Некоторым ТСЖ вообще нечем рассчитываться с поставщиками, и над ними нависла угроза самоликвидации.

Таким образом, одно из направлений реформы ЖКХ – привлечение собственников жилых помещений к управлению общедомовым имуществом многоквартирных домов (МКД), побуждение их проявлять гражданскую ответственность и активность хотя бы в масштабах своего дома – в ЕАО оказалось недееспособным.

Приоритетным направлением жилищно-коммунальной реформы является расселение граждан из аварийного и ветхого жилья. В жилищном фонде области сотни домов непригодны для проживания, люди вынуждены жить в нечеловеческих условиях из-за отсутствия средств на приобретение нормальных квартир. Эта проблема долго не решалась, к ней приступили только после того, как в июле 2007 г. был принят Федеральный закон «О фонде содействия реформированию ЖКХ». Фонд создавался как некоммерческая организация, осуществляющая функции по предоставлению финансовой поддержки субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям на капитальный ремонт многоквартирных домов и переселение граждан из аварийного жилья. ЕАО с 2008 г. стала получать финансовую поддержку по переселению граждан из аварийного жилья за счет средств Фонда. За 2008-2015 гг. Еврейской автономной области из средств Фонда было выделено 1,45 млрд. руб., в порядке софинансирования область добавила 628,09 млн. руб. Таким образом, сумма из федерального бюджета более чем в 2,3 раза превзошла сумму, вложенную из

местного бюджета. В совокупности эти средства были направлены на проведение капремонта 189 МКД и улучшение условий проживания 14355 чел., а также на переселение 3343 чел. из аварийного жилья [5].

Перед региональными властями стояла непростая задача – до 1 сентября 2017 г. расселить весь жилой фонд, признанный аварийным на 1 января 2012 г. и подлежащий сносу, т.е. 52 тыс. кв. м [2]. Можно сказать, что в ЕАО почти справились с поставленной задачей – программа была выполнена на 98,4% [12]. Следует отметить, что проблема была решена за счет средств федерального бюджета при постоянном жестком контроле со стороны Фонда содействия реформированию ЖКХ. Самостоятельно администрация области не смогла бы справиться с задачей по ликвидации аварийного жилья.

Трудно решаемой проблемой для ЕАО является утилизация твердых бытовых отходов (ТБО). Существующие сегодня схемы и технологии утилизации ТБО не учитывают возможности малых субъектов РФ. Сейчас в Комитете по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации рассматривается проект постановления Правительства РФ о внесении изменения в госпрограмму «Охрана окружающей среды». Согласно проекту постановления, собранные от экологического сбора средства будут распределяться через субсидии между регионами РФ пропорционально численности населения, проживающего в субъекте. Предоставление субсидий регионам начнется ориентировочно в 2018 г. Для городов-миллионников и даже 300-тысячников решать проблему утилизации ТБО несложно – есть технологии, мощности, да и субсидии они получать будут больше, поскольку расчет идет исходя из численности населения. А вот малые регионы окажутся в незавидном положении. Для них эта проблема окажется трудно решаемой, т.к. они будут получать субсидий меньше, при этом сказываться будет и «технологический» фактор – существующие способы утилизации мусора предназначены в основном для крупного тоннажа, крупных городов. Если при разработке вышеупомянутого проекта постановления Правительства не будут учтены интересы малых субъектов, то в перспективе ЕАО столкнется с проблемой утилизации ТБО [10].

Таким образом, по всем ключевым направлениям реформы ЖКХ ЕАО не может реализовать их самостоятельно и вынуждена систематически просить помощь федерального центра.

Логичной выглядит ситуация, при которой область вернется в состав Хабаровского края, что позволит решить часть проблем в сфере ЖКХ. В противном случае область не справится с реализацией «Комплексной программы модернизации и реформирования ЖКХ на 2010-2020 гг.», цель которой – обеспечить к 2020 г. собственников жилых помещений всеми коммунальными услугами нормативного качества по доступной стоимости при надежной и эффективной работе коммунальной инфраструктуры.

Вопрос об укрупнении российских регионов не раз обсуждался представителями российской политической элиты. Одним из постоянных и твердых сторонников укрупнения является лидер Либерально-демократической партии В.В. Жириновский. Не раз об этом говорили руководители из высшего эшелона власти Российской Федерации. Президент РФ В.В. Путин 13 декабря 2012 г. на заседании Совета законодателей, посвященном решению приоритетных задач, обозначенных в Послании Президента Федеральному Собранию, отметил, что укрупнять, объединяться в более крупные субъекты надо «исходя из необходимости более эффективного решения социально-экономических проблем». Спикер Совета Федерации В.И. Матвиенко в апреле 2016 г. заявила, что «надо укрупнять регионы, и не просто по чьей-то воле, а имея под этим экономические, инвестиционные и иные обоснования».

Следует вспомнить и высказывание экс-премьера Правительства РФ Е.М. Примакова, который в январе 2015 г. высказался так: «Очевидно, существуют предпосылки для рассмотрения целесообразности присоединения отдельных национальных образований к субъектам Федерации, созданным на территориальной основе. Политическим анахронизмом является, например, существование ЕАО, где «титупная» нация составляет меньше 1% населения» [8].

Таким образом, на современном этапе развития федерализма и российской государственности интеграция субъектов федерации является объективной задачей. Историческая, социокультурная, географическая, природно-сырьевая, демографически-языковая общность, политические, торгово-финансовые, производственные, транспортные связи, общие интересы и вопросы хозяйствования – все это не может не вести к интеграции близких по многим параметрам (и прежде всего – территориальным) субъектов Российской Федерации.

Предыдущая компания по укрупнению российских регионов проводилась в начале 2000-х гг. Первым прецедентом стало объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в Пермский край в декабре 2005 г. Затем в январе 2007 г. укрупнился Красноярский край – в его состав вошли Таймырский и Эвенкийский автономные округа. В дальнейшем произошло объединение Камчатской области и Корякского автономного округа в Камчатский край (июль 2007 г.). Были объединены Иркутская область и Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (январь 2008 г.). Читинская область и Агинский Бурятский автономный округ объединены в Забайкальский край (март 2008 г.).

Опыт проведения реформы ЖКХ в ЕАО свидетельствует, что самостоятельно области не справиться с поставленными задачами. Полная зависимость от федерального центра по всем основным параметрам реформы ставит на повестку дня вопрос об объединении ЕАО с Хабаровским краем.

Основным препятствием объединения Хабаровского края и Еврейской автономной области является позиция местных чиновников, депутатов и части жителей ЕАО. Чиновники опасаются потерять рабочие места, подобные опасения есть и у депутатов Законодательного собрания ЕАО, которые высказались против объединения. Если ЕАО войдет в состав Хабаровского края, финансовые потоки на содержание автономии из федерального бюджета будут поступать не напрямую в область, а через Хабаровск. Следовательно, местная элита потеряет над ними контроль.

Некоторые жители опасаются потерять национальную идентичность своей малой родины. Хотя национальный фактор не должен являться главным препятствием в объединении большого и сильного региона с маленьким и экономически слабым. Доля еврейского населения мизерна в общем количестве населения ЕАО. Здесь, скорее, может сказаться не внутренний, а внешний фактор. «Ликвидация еврейской автономии» может быть воспринята однозначно негативно и внешний имидж России не украсит. Представить более болезненную и скандальную тему для мирового сообщества, как символическое «ущемление евреев», затруднительно. Однако, говоря об объединении Еврейской автономной области с Хабаровским краем, необходимо учитывать, прежде всего, социально-экономические аргументы. Экономисты и аналитики считают, что от объединения выи-

грают оба субъекта, потому что ЕАО специализируется на сельском хозяйстве, а Хабаровский край – в большей степени промышленный регион. Таким образом, произойдет дополнение одного субъекта другим. Еще одним плюсом объединения станет сокращение расходов на административный аппарат.

Для простых жителей ЕАО объединение с Хабаровским краем дает надежду на улучшение инфраструктуры, качества медицинских услуг, школьного образования. Согласно на объединение молодежь ЕАО, что понятно, т.к. девять из десяти заканчивающих школу едут поступать в вузы Хабаровска. Активно выступают за объединение жители Смидовичского района ЕАО. После строительства автодорожного перехода на левый берег Амура, левобережье стало фактически пригородом Хабаровска. Экономически территория к востоку от пос. Волочаевки отчетливо тяготеет к Хабаровску.

На примере проведения жилищно-коммунальной реформы в ЕАО можно убедиться, что по всем основным направлениям малому субъекту РФ невозможно справиться с поставленными задачами. Незавершенность реформы ЖКХ в совокупности с другими социально-экономическими факторами (низкими душевыми доходами населения, постоянными просьбами помощи у федерального центра) формируют для ЕАО имидж территории, малопривлекательной для комфортного проживания, а, следовательно, для привлечения туда населения и инвестиций. Такой имидж является определенным социально-психологическим барьером, который необходимо преодолеть. Изменением существующей ситуации может стать воссоединение Еврейской автономной области с Хабаровским краем.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамеску А.А., Смирнова О.О. Укрупнение регионов как модель новой экономической политики России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 2. С. 84-89.
2. Более 770 чел. нужно расселить из аварийного жилья в ЕАО до конца 2016 г. // Сетевое издание «Информационное агентство ЕАОmedia» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaomedia.ru/news>
3. Веретенников Н.П., Петров Г.И. Особенности экономики Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2005. № 6-7. С. 95-99.
4. Власти ЕАО спасли «Водоканал» от банкротства // Сетевое издание «Информационное

агентство ЕАОmedia» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaomedia.ru/news>

5. ЕАО представила в Фонд ЖКХ заявки на получение финансовой поддержки // Портал «ЖКХ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhkh.su/news/>

6. Злостных неплательщиков отключат от водоотведения // «Информационное агентство ЕАОmedia» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaomedia.ru/news>

7. Из-за миллионов долгов правительства ЕАО ТСЖ оказались на грани выживания // ООО «ДВ-новости» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dvnovosti.ru>

8. Калачев К. Кто поглотит Еврейскую АО – Китай или Хабаровский край [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://republic.ru>

9. Куршева А. Зиму пережили // Биробиджанер Штерн (Биробиджан). 2016. 4 мая.

10. Малым регионам требуется особая технология утилизации ТБО // «Информационное агентство ЕАОmedia» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaomedia.ru/news>

11. Около 8 млрд. руб. требуется на замену ветхих водопроводных сетей в ЕАО // «Информационное агентство ЕАОmedia» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eaomedia.ru/news>

12. Расселение аварийных домов в ДФО // Портал «ЖКХ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhkh.su/news>

13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016.

14. Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб. М.: Росстат, 2016.

#### REFERENCES

1. Adamesku, A.A. and Smirnova, O.O., 2016. Ukpupnenie regionov kak model novoi ekonomicheskoi politiki Rossii [Integration of regions as a model of Russia's new economic policy], MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie), Vol. 7, no. 2, pp. 84-89. (in Russ.)
2. Bolee 770 chel. nuzhno rasselit' iz avariynogo zilia v EAO do kontsa 2016 g. [More than 770 people need to be resettled from emergency housing in the JAO until the end of 2016.]. URL: <http://eaomedia.ru/news> (in Russ.)
3. Veretennikov, N.P. and Petrov, G.I., 2005. Osobennosti ekonomiki Evreiskoi avtonomnoi oblasti [The features of the economy of the Jewish Autonomous Oblast], Regionalnie problemy, no. 6-7, pp. 95-99. (in Russ.)

4. Vlasti EAO spasli «Vodokanal» ot bankrotstva [The authorities of the JAO saved «Vodokanal» from bankruptcy]. URL: <http://eaomedia.ru/news> (in Russ.)

5. EAO predstavila v Fond ZhKKh zayvki na poluchenie finansovoy podderzhki [JAO applied for financial support to the Housing Fund]. URL: <http://www.zhkh.su/news> (in Russ.)

6. Zlostnikh neplatelshchikov otklyuchat ot vodosnabzhenia [Non-payers will be disconnected from water disposal]. URL: <http://eaomedia.ru/news> (in Russ.)

7. Iz-za millionnikh dolgov pravitelstva EAO TSZh okazalis na grani vyzhivaniya [Due to the millions of debts, the governments of the EAO Association of Homeowners came to the verge of survival]. URL: <http://www.dvnovosti.ru> (in Russ.)

8. Kalachev, K. Kto poglotit Evreiskuyu AO – Kitay ili Khabarovskiy kray [Who will swallow the Jewish Autonomous Oblast – China or Khabarovsk Territory]. URL: <https://republic.ru> (in Russ.)

9. Kurcheva, A., 2016. Zimu perezhili [We've survived the winter], Birobidzhanin Shtern (Birobidzhan), May 4. (in Russ.)

10. Malym regionam trebuetsa osobaya tekhnologiya utilizatsii TBO [Small regions in need of a special technology for MSW utilization]. URL: <http://eaomedia.ru/news> (in Russ.)

11. Okolo 8 mlrd. rub. trebuetsa na zamenu vetkhikh vodoprovodnikh setei v EAO [About 8 billion rubles is required to replace the old water supply networks in the JAO]. URL: <http://eaomedia.ru/news> (in Russ.)

12. Rasselenie avariynikh domov v DFO [Resettlement of people from the emergency houses in the Far Eastern Federal District]. URL: <http://www.zhkh.su/news>

13. Regiony Rossii. Sotsialno-ekonomicheskie pokazateli. 2016 [Regions of Russia. Socio-economic indicators]. Moskva, 2016. (in Russ.)

14. Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2016. [Russian statistical yearbook]. Moskva, 2016. (in Russ.)



## МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/104-109

Е.Н. Мотовникова\*

О ПРОБЛЕМАХ И СТРАТЕГИЯХ РЕКОНСТРУКЦИИ  
РУССКОЙ ТРАДИЦИИ ОРГАНИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ\*\*

В статье анализируются научная актуальность и философско-методологические возможности исторической реконструкции органического понимания истории как целостной традиции в русской мысли XIX-XX вв. Автор рассматривает проблемы, с которыми может столкнуться исследователь, реконструируя специфику метода и стиля мышления органицистов, а также размышляет о наиболее адекватной и методологически эффективной позиции исследователя в данном контексте.

*Ключевые слова:* историческая реконструкция, философия истории, органицизм, интеллектуальная традиция, стиль мышления, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, Г.С. Померанц

**Reconstructing Russian tradition of organic interpretation of history: issues and strategies.** ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article analyzes scientific relevance and philosophical and methodological possibilities of the historical reconstruction of the organic interpretation of history as a holistic tradition in Russian thought of the 19th and 20th centuries. The author focuses on the issues that any researcher, reconstructing specifics of organicists' method and style of thinking, may face and reflects on the most adequate and methodologically effective position that this researcher could take in this context.

*Keywords:* historical reconstruction, philosophy of history, organicism, intellectual tradition, thinking style, Apollon Grigoriev; Nikolay Strakhov; Grigory Pomerants

Русская традиция органического понимания истории – одна из составляющих российской интеллектуальной истории, исследованных мало и фрагментарно, предметно-целостно же, как таковая, не изучавшаяся до сих пор. Можно предположить, что в первую очередь эта неизученность обусловлена тем, что такая традиция никогда не существовала в каких-либо организованных формах и представляет собой некую «естественную», стихийную преемственность нефиксированной совокупности предпосылок,

установок, принципов исторического, и шире – гуманитарного мышления, передававшихся и передающихся поныне в несистематизированных, неформализованных коммуникациях, прежде всего – через свободное самоопределение в кругу чтения в процессе самообразования. Поэтому сама органическая традиция как историческое целое является именно реконструированной, пока только предварительной, в рамках современных усилий по осмыслению и возрождению коллективного интереса к недооценен-

ным именам и идеям в области истории российской гуманитарной мысли (см., напр.: [4; 5; 6]).

Наиболее общими чертами этого реконструируемого целого являются такие идеи и установки мышления, которые сегодня наиболее известны в философском сообществе под именами холизма (или холистичности), телеологизма и историчности, познавательного кеносиса и теоретического скепсиса, имеющими разнородное происхождение и разрозненные контексты употребления. В этой ситуации встает вопрос о создании опознаваемого языка описания реконструируемой традиции, более-менее определенной системы концептов, однако сами предпосылки органического понимания истории, которые нельзя упускать из вида в процессе его историко-философской и культурно-исторической реконструкции, обуславливают неизбежность встречи исследователя с рядом проблем. Наиболее актуальные из первостепенных, как представляется, – это взаимосвязанные проблемы герменевтической реконструкции общего метода и индивидуальных стилей представителей русской органической традиции, а в связи с этим – проблема адекватной (эффективной) исследовательской позиции самих философов-историков, участников проекта реконструкции.

На первое место здесь можно поставить проблему и задачу реконструкции авторского стиля каждого писателя-мыслителя органической традиции, поскольку родовая черта всех органицистов – яркая, откровенная, часто даже подчеркнутая стилистическая индивидуальность. Каждый из них чрезвычайно высоко ценил и культивировал неповторимость своего стиля, письма, мышления, выражения, языка – оригинальность, не подлежащую типизации и обобщению. «Обладать стилем, – писал ближайший к нам выдающийся представитель традиции органического исторического мышления Григорий Померанц, – это значит быть самим собой» [8, с. 9]. «Найти свой стиль – значит найти свое внутреннее зернышко, свое чувство Истины» [8, с. 9]. Это *чувство* истины действительно ярко характеризует индивидуальность письма Ап. Григорьева и Н.Н. Страхова, Ю.Н. Говорухи-Отрока и В.В. Розанова, М.М. Бахтина и самого Г.С. Померанца. Оно улавливается непосредственно при чтении каждого их текста и заставляет вчитываться и вдумываться в авторские размышления, даже когда они кажутся на первый взгляд слишком субъективными. Но как возможна *рациональная* реконструкция, если это – чувство, интуиция, вдохновение, взвол-

нованность? Обладать собственным стилем означает, согласно истолкованию Г.С. Померанца, «совершенно верить себе, своему интуитивному знанию, куда повернуть, а не только знать какие-то образцы» [8, с. 9]. Переводима ли такая стилевая установка на теоретико-методологический язык? Бесспорно, например, романтическое начало стиля мышления Ап. Григорьева (который и сам называл себя «последним романтиком»), но когда требуется определить идейные основы его литературной критики, Б.Ф. Егоров вынужден сетовать на избыточную многозначность существующих литературоведческих терминов и делать постоянные оговорки насчет *особенного* «романтизма» раннего Григорьева, соединенного с *особенной* же «патриархальностью» [3, с. 11], а затем – и об *особых* значениях его «реализма» и «идеализма» [3, с. 25], сама особость которых имеет значение и выявляется как значимая лишь в исторически реконструируемом общественном и литературном контексте григорьевских выступлений, в связи с историей его индивидуального развития и существенных идейных трансформаций.

Как подчеркивает Г.С. Померанц, «стиль – это установка на разговор с известного круга людьми» [8, с. 8]. Если можно считать корректным трактовать это высказывание как относящееся и к понятию «стиль научного мышления»<sup>1</sup>, то есть в том смысле, что стиль – это общий язык определенного исследовательского сообщества и общий круг обсуждаемых вопросов и проблем, то это выражение может быть понято близко к тому, что в методологии и философии науки принято называть теоретико-методологическим единством. При том, что каждый индивидуально ищет *свой* стиль, в стиле, как его понимает Г.С. Померанц, есть и то, что подлежит усвоению, подражанию, воспроизведению, трансляции в пространстве и во времени. Более того, на взгляд этого мыслителя, именно эта «повторимая» сторона стилевого поведения имеет наибольшее социально-историческое значение: «Стиль полемики важнее предмета полемики. Предметы меняются, а стиль создает цивилизацию» [7]. В чем же состоят специфические черты «органической цивилизации» в мире русской мысли?

Характеризуя свой стиль, Г.С. Померанц выделял в нем те же особенности, которыми

\* МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

© Мотовникова Е.Н., 2018

\*\* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 16-03-00704.

отмечены работы и других русских органицистов XIX – начала XX вв.: «Я действительно удерживаю в уме несколько параллельных (и не только параллельных) рассуждений и скорее даю направление к синтезу, чем простое однозначное решение. Я передаю читателю больше открытых вопросов, чем ответов» [7] (выделено Г.С. Померанцем – прим. авт.). Неприятие упрощенных теоретических схематизаций жизненных процессов и сил, претендующих объяснить всё и навсегда; интеллектуальная и эмоциональная открытость, неоднозначность суждений, внимание к иррациональному – само это сходство установок мышления, которое нельзя объяснить прямой преемственностью, ученичеством<sup>2</sup>, указывает на глубинное типологическое родство органицистов, на общую им определенную прирожденную склонность к умственной самостоятельности, самобытности. В проявлении и развитии этой врожденной черты, надо полагать, судя по ярким биографиям, важнейшую роль сыграло и сильное волевое начало, способность к сопротивлению авторитетам, к порой рискованному экзистенциальному выбору и к ответственности, влекомой этим «не-алиби»: «Я отвергаю прямолинейные решения сложных вопросов» [7], «...Только за ту головную мысль борются, которой корни в сердце, в его сочувствиях и отвращениях, в его горячих верованиях или таинственных, смут-

<sup>2</sup> Если Н.И. Надеждин, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, М.М. Бахтин могут быть выстроены в последовательность читателей друг друга, то единомыслие Г.С. Померанца с А.А. Григорьевым и Н.Н. Страховым чтением их работ не обусловлено, судя по всему, ни в какой мере – своих учителей, круг чтения и другие источники идейных поворотов Г.С. Померанц указывает весьма тщательно. При этом он, несомненно, человек органической традиции, что явствует из всего им написанного, где ключевыми понятиями и идеями являются жизнь во всех ее взаимосвязанных проявлениях, глубина и целостность личности, сложность и историчность видения ответов на жизненно важные вопросы и отрицание линейно-прогрессистских теорий, разоблачение всяческих идеологических догм; об этом же свидетельствует полемичный, диалогичный, вопросно-ответный стиль его письма, постоянное возвращение к главным темам органической традиции – время и вечность, Бог и история, Восток и Запад, личность, этнос, нация и человечество, их развитие и глубинная неподвижная сущность... Г.С. Померанц не только постоянно пользуется понятиями органического и органичного, но и предпринимает попытку уточнения органической метафоры «цивилизация-организм» (см.: [9, с. 222-228]).

ных, но неотразимых и, как некая сила, могущественных предчувствиях!» [2, с. 37]. Можно ли превратить этот стиль в теорию и метод, что, собственно, и предполагает рациональная строгая реконструкция?

Попытки описать органицизм как теорию и метод предпринимаются время от времени. Но при знакомстве с результатами такого упорядочивания возникает впечатление некой противоречивости их и с предметом описания, и с самими органицистами. Как уже было цитировано выше, для познавательного самоконтроля органического мышления метод не принципиально важен, важнее «интуитивное знание, куда повернуть». С объективной точки зрения, при этом важно еще раз отметить, что в органической традиции мы знаем только гениальных уникалов, и не находим как таковых методических «школ». Невозможно обнаружить эпигонов среди их почитателей, известных какими-нибудь подражательными работами. Н.И. Надеждин, А.А. Григорьев, Н.Н. Страхов, В.В. Розанов, Ф.Э. Шперк, М.М. Бахтин, Г.С. Померанц – все они узнаваемо индивидуальны и неподражаемы, и объединены, в том числе, нелюбовью к подражательству<sup>3</sup>, к «сделанности» мысли и текста по чужому – а значит, чуждому, не органичному – образцу. Самое методологически описанное и отрефлектированное в обсуждениях явление в рамках органицизма – это литературная органическая критика, названная так Ап. Григорьевым и связывавшаяся им самим с европейской органической шеллингианской традицией<sup>4</sup>. В структуре этой органической критики необходимым образом присутствует и историческая критика, или историческая герменевтика, как ее сейчас было бы корректней называть, в силу первенствующего значения в ней над задачей понимания истории и духа времени, сущности национально-исторической эпохи – задачи уяснения авторского отношения к исторической действительности и оценки его с позиции идеалов (идеалов авторских и идеалов «вечных», истинных, постигаемых тем самым «чувством Истины») (см.: [3, с. 18]). Однако важно подчеркнуть, что, владея приемами органической критики, более того, описав эти при-

<sup>3</sup> Отдельного рассмотрения заслуживают стилизации в статьях Н.Н. Страхова.

<sup>4</sup> О шеллингианских основаниях органического понимания истории см.: [2, с. 38]; о том, что шеллингианец Т. Карлейль – «творец совершенно новой критики», а именно – «органической критики» см. [2, с. 50].

емы органической критики как альтернативные по отношению к неправильным методам эстетической и исторической критик (Григорьев прямо употребляет слово «метод» [2, с. 46] в этом значении), сам Аполлон Григорьев писал исключительно по вдохновению и бросал недописанные статьи, если уходило волнение, и никакого метода взамен ушедшего настроения не применяя и не в силах применить (кроме компиляции текста из больших фрагментов своих прежних работ, практически не измененных). И В.В. Розанов не раз признавался, что не мог переработать ни одну свою статью в заданном методическом или теоретическом ключе.

Самый методически дисциплинированный, самый рациональный критик и писатель из круга русских органицистов, Н.Н. Страхов не только уличен в отступлении от григорьевских методических принципов<sup>5</sup>, но неоднократно высказывался весьма критично, а порой и насмешливо, против методологизма (позитивистского толка, в первую очередь), захлестывавшего литературные и исторические исследования конца XIX в. Так, в работе 1893 г. «Заметки о Тэне» он прямо дает оценку попыткам Тэна, абсолютно неудачным, с точки зрения Страхова, убедительно описать и объяснить ход событий французской революции: «...В душе человека и в истории действуют некоторые высшие силы, которых не знает или не умеет ввести в свой расчет Тэн. Разумеется, весь смысл истории изменяется для того, кто будет сознательно следить в ней за проявлением и развитием этих сил. В сущности, история человечества представляет нам ряд явлений таинственных, непонятных, то есть имеющих для нашего ума неисчерпаемую глубину, неистощимую поучительность. ... Мы прикидываем к предмету то одни, то другие мерки, мы освещаем его то с одной, то с другой стороны, и каждый раз лучше и лучше его разумеем, но вполне исчерпать его мы не можем, так как часть всегда меньше целого, и никакой ум не может подняться на высоту, на которой человечество лежало бы ниже его. Одно из самых таинственных и глубоких явлений есть революция» [10]. С этими мыслями удивительно тесно переплетаются размышления Г.С. Померанца о мистике революции, записанные почти

<sup>5</sup> См. тезисы диссертации Ж.В. Малецкой, выполненной под научным руководством профессора Н.А. Горбанева, автора идеи о том, что Страхов предал органическую критику Григорьева, отступил от провозглашенных принципов в сторону почвенничества. См. также статью самого Н.А. Горбанева [1].

веком позже в связи с осмыслением другой великой трагедии, о возможности которой писал в свое время Н.Н. Страхов, – о революции в России, смысл и историческое значение которой уже многократно пересмотрены и будут долго оставаться открытыми вопросами для открытого, не догматического исторического мышления. «Я думаю, что в решающий момент эпохи чувствуется та сверхчеловеческая рука, смысл действий которой мы даже не понимаем. Лишь недостаток глубинного мышления заставляет нас искать объяснения в полуреальной-полуфантастической группе, которая будто бы что-то замышляет и делает» [9, с. 231].

В этой диалогической переключке сначала привлекает внимание сходство в авторских подходах – прежде всего замечаются одинаковые используемые ключевые словопонятия «глубинное» – о мире и об уме, постигающем мир; «высшее» и «непонятное» – о том самом сверхъестественном, что проявляет себя в самых глубинных явлениях бытия и мышления. Но и различия в репликах примечательны и существенны: Н.Н. Страхов говорит о непонятности события революции в его полноте и целостности, но признает полезными, всё «лучшими», все подходы к ее освещению, все прилагаемые мерки; Г.С. Померанц же считает некоторые объяснения совершенно ложными (и мы знаем, как появились эти искусственные схемы «теории революции», с которыми еще не приходилось в обязательном порядке иметь дело И. Тэну и Н.Н. Страхову)<sup>6</sup>. Роль высших

<sup>6</sup> В другой книге Г.С. Померанц, правда, опровергает эту свою оценку следующими словами: «Ни один век не ошибался. Нельзя судить историю по двоичной логике (да – нет, истина – ложь). Каждый исторический пласт включает в себе истину, но истины неравноценны. И задача духовной работы – установить “ценностей незыблемую скалу”. В которой социальный, классовый анализ не отбрасывается, а становится на свое (подчиненное) место» [8, с. 31]. В этом суждении Г.С. Померанц снова сближается с одной из главных мыслей А.А. Григорьева и Н.Н. Страхова о наличии герменевтического смысла и исторического оправдания у любого человеческого заблуждения, личного или коллективного (в отличие от О. Манделштама, они не считают «ошибки веков» «скучными» – в этом смысле цитата тоже усиливает многозначность смысла фразы, ее полемичность с самой собой). И в этом сближении опять можно заметить различие: Г.С. Померанц возлагает духовную (не абстрактно-логическую, не теоретическую!) работу по установлению более гармоничного, более многогранного видения и понимания – на человека, на немногочисленных, но очень важных в жизни любой культуры духовных подвижников, фактически

сил в истории обоими философами, признававшимися в мистическом умонастроении, отдается, конечно, божественному началу, но и к нему отношение не тождественное: если Г.С. Померанц говорит как бы за всех людей, что смысл действия «сверхчеловеческой руки» мы не понимаем, то Н.Н. Страхов, очевидно, разделяет пытающихся промыслить исторические пути на тех, кто «не знает или не умеет» учесть в своих «расчетах» высшие силы, и тех, кто, по-видимому, знает и умеет или хотя бы знает, хотя и не умеет разбираться в этих по-настоящему глубинных и таинственных духовных силах. И на эту мысль о ясновидах мы тоже найдем диалогический (в бахтинском смысле диалога) ответ в текстах А.А. Григорьева, В.В. Розанова, Ю.Н. Говорухи-Отрока и других мыслителей русской органической традиции, что прекрасно иллюстрирует григорьевский тезис о том, что «идея есть явление органическое, что она носится в воздухе, которым мы дышим...» [2, с. 42]. Однако такая взаимная переключка и тематическая отзывчивость создает возможность соблазна, собрав коллекцию тематически каталогизированных цитат, сконструировать из них «школу» русской органической философии или хотя бы «направление».

В связи со всем сказанным встает вопрос об уточнении самоопределяемой (в условиях отсутствия теории и метода) позиции сегодняшнего реконструктора, того, кто не может не учитывать в своей исследовательской работе неподражаемые авторские индивидуальности и в то же время известную общность установок мышления органицистов. Решая задачу реконструировать общие черты традиции, мы должны помнить и понимать противоречие тотального обобщения индивидуализирующему предметному отношению как важнейшей составляющей самой традиции. Провода органических иссле-

хранителей этой культуры (ее стиля прежде всего); почвенники же А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов считают, что действительное разрешение противоречий, как и их зарождение и развитие, происходят только внутри самой тайной («неисследимой» для человеческого ума) стихии жизни, попытки управлять которой всегда приводят к отторжению естественным искусственным пути, то есть к реакции (у А.А. Григорьева «реакция» – понятие положительно окрашенное, выражение неукротимой правды жизни (см.: [2, с. 49])). Роль же гения сводится к тому, чтобы вывести прозрение этого тайного движения на свет сознания, разума и чувства, создав понятный людям художественный образ, в котором по вдохновению свыше выражено то, что велел ему выразить «вечный закон» (см.: [2, с. 43]).

довательских интуиций должна быть показана в рамках максимально проясненных принципов каждого взятого в отдельности мыслителя, а затем и в более широкой перспективе накопленного нового опыта познания, дающей возможность убедиться как в справедливости гениальных прозрений, в их подхваченности и развитии, так и в неизбежной, исторически обусловленной конкретной неполноте их, ограниченности, а в чем-то и ошибочности. Г.С. Померанц сформулировал задачу так: «Отбросим все термины и будем говорить просто о вечном (глубинном) и временном (поверхностном) я» [8, с. 25]. Этот призыв выявлять сочетание и проявление вечного во временном, неизменно-го идеала человеческой души в его живом конкретном историческом воплощении, словами А.А. Григорьева, – чрезвычайно характерная стихийная переключка органических писателей, ничем и никем нарочно не организованная тема, общая им всем, выражимая наилучшим образом не терминами – философскими ли, или психологическими, – а понятным всем и каждому простым человеческим языком.

Традиция органического понимания в истории русской мысли, представители которой всегда выступали против засмысленности господствующих идеологизированных теорий и догм, остается актуальной для современной российской философии во всех своих главных темах. Это и вопрос о природе и судьбе русской/российской нации, о развитии ее самосознания в научных, художественных и религиозных формах; и поиск гармоничного созидательного взаимоотношения между личной свободой и национальным историческим путем; поиски рационального объяснения интуитивно понятым истинам истории, истолкование их не только научно-теоретически, то есть односторонне, но и в философско-религиозном, мировоззренческом, смысло-жизненном ключе, выражающем содержание данной исторической ситуации максимально полно, «художественно» ощутимо, как жизненно важное.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбанев Н.А. Аполлон Григорьев и Н.Н. Страхов // Филологические науки. 1988. № 1. С. 19-25.
2. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 31-69.
3. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев – литературный критик // Григорьев А.А. Искусство

и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 5-30.

4. Кузьмина Г.П., Гаврилова Н.Г. Органицизм как теоретико-методологическая основа миропонимания российских мыслителей // Фундаментальные исследования. 2014. № 6-4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34258>

5. Ольхов П.А. Здравый смысл и история. Заметки к полемической эпитафии Н.Н. Страхова «Вздок на гробе Карамзина» // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 125-132.

6. Ольхов П.А., Мотовникова Е.Н. История как жизненное целое: А.А. Григорьев и Н.Н. Страхов в поисках органического понимания истории // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3. С. 88-95.

7. Померанц Г.С. Догматы полемики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.pomeranz.ru/p/pub\\_dogmats.htm](http://www.pomeranz.ru/p/pub_dogmats.htm)

8. Померанц Г.С. Записки гадкого утенка. М.: РОССПЭН, 2003.

9. Померанц Г.С. Лекции по философии истории // Миркина З.А. Огонь и пепел. Померанц Г.С. Лекции по философии истории. М.: «Док», 1993. С. 197-266.

10. Страхов Н.Н. Заметки о Тэне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://az.lib.ru/s/strahov\\_n\\_n/text\\_1893\\_ten\\_oldorfo.shtml](http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml)

11. Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX-XX вв.: От личности к традиции / Под ред. Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2013.

#### REFERENCES

1. Gorbanev, N.A., 1988. Apollon Grigoriev i N.N. Strakhov [Apollon Grigoriev and Nikolai N. Strakhov], *Filologicheskie nauki*, no. 1, pp. 19-25. (in Russ.)
2. Grigoriev, A.A., 1986. *Kriticheskii vzglyad na osnovi, znachenie i priemi sovremennoi kritiki iskusstva* [A critical look at the fundamentals, meanings and techniques of contemporary art criticism]. In: Grigoriev, A.A., 1986. *Iskusstvo i npravstvennost'*. Moskva: Sovremennik, pp. 31-69. (in Russ.)

3. Egorov, B.F., 1986. Apollon Grigoriev – literaturni kritik [Apollon Grigoriev as a literary critic]. In: Grigoriev, A.A., 1986. *Iskusstvo i npravstvennost'*. Moskva: Sovremennik, pp. 5-30. (in Russ.)

4. Kuzmina, G.P., Gavrilova, N.G., 2014. Organitsizm kak teoretiko-metodologicheskaya osnova miroponimaniya rossiyskikh mysliteley [Organicism as theoretical and methodological foundation of the worldview of Russian thinkers]. URL: <https://fundamental-research.ru/en/article/view?id=34258> (in Russ.)

5. Olkhov, P.A., 2009. *Zdravyi smysl i istoriya. Zametki k polemicheskoy epitafii N.N. Strakhova «Vzdokh na grobe Karamzina»* [Common sense and history. Notes to the polemical epitaph of N.N. Strakhov "Sigh on the Karamzin's coffin"], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 125-132. (in Russ.)

6. Olkhov, P.A. and Motovnikova, E.N., 2015. *Istoriya kak zhiznennoye tseloye: A.A. Grigor'yev i N.N. Strakhov v poiskakh organicheskogo ponimaniya istorii* [History as a living entity: Apollon A. Grigoriev and Nikolay N. Strakhov in search of organic conception of history], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 3, pp. 88-95. (in Russ.)

7. Pomerants, G.S., 2003. *Dogmati polemiki* [The dogmas of controversy]. URL: [http://www.pomeranz.ru/p/pub\\_dogmats.htm](http://www.pomeranz.ru/p/pub_dogmats.htm) (in Russ.)

8. Pomerants, G.S., 2003. *Zapiski gadkogo utenka* [Notes of an ugly duckling]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

9. Pomerants, G.S., 1993. *Lektsii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. In: Mirkina, Z.A., 1993. *Ogon' i pepel*. Pomerants, G.S., 1993. *Lektsii po filosofii istorii*. Moskva: «Dok», pp. 197-266. (in Russ.)

10. Strakhov, N.N., 1893. *Zametki o Tene* [Notes about Tane]. URL: [http://az.lib.ru/s/strahov\\_n\\_n/text\\_1893\\_ten\\_oldorfo.shtml](http://az.lib.ru/s/strahov_n_n/text_1893_ten_oldorfo.shtml) (in Russ.)

11. Pruzhinin, B.I. and Shchedrina, T.G. eds., 2013. *Epistemologicheski stil' v russkoi intellektual'noi kul'ture XIX-XX vv.: Ot lichnosti k traditsii* [Epistemological style in Russian intellectual culture of 19<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> centuries: From personality to tradition]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

РЕАЛЬНЫЙ СЕТЕВОЙ ДИЗАЙН:  
ДИНАМИЧЕСКИЕ ДЕСКРИПТОРЫ\*\*

Статья посвящена вопросам топологического структурирования пространства и формы социальных сетей через логическую операцию построения реального сетевого дизайна. Задача осуществляется посредством выделения теоретико-методологических единиц, поименованных как дескрипторы. Интерес автора фокусируется вокруг характеристик динамических дескрипторов, разделенных на функциональный и поисковый. Особое внимание уделяется вопросам образования, удержания и трансформации топологической сетевой формы. Автор утверждает, что динамические дескрипторные характеристики дают начало разработке измерительных методов сетевой изменчивости и способов возможного влияния на эффективность сетевых информационно-обменных процессов.

*Ключевые слова:* социальная сеть, сетевой дизайн, дескриптивная модель, динамические дескрипторы, функциональный дескриптор, поисковый дескриптор

**Real network design: dynamic descriptors.** RAISA A. ZAYAKINA (Novosibirsk State Technical University)

The article deals with topological structuring of space and form of social networks as well as the logical operation of mapping the structure embodied in the social reality of the network that is called the real network design. The real network design is made by means of theoretical and methodological units named static and dynamic descriptors. The focus of the author's interest is on the characteristics of dynamic descriptors, which fall into functional and search ones. The author states that the characteristics of dynamic descriptors lay the foundation for the development of methods used for measuring the network changeability. They also create the techniques, which make it possible to influence the efficiency of network information-exchange processes.

*Keywords:* social network, network design, descriptive model, dynamic descriptors, functional descriptor, search descriptor

В современных науках об обществе сетевой подход является относительно новым<sup>1</sup> и актив-

но развивающимся исследовательским полем, предлагающим, с одной стороны, оригинальные онтологические трактовки ансамблей социально-сетевых отношений, с другой же – комплексы уникальных инструментов, способов и техник исследования социальных феноменов [14]. При этом все направления сетевого подхода тяготеют к структурированию социального

<sup>1</sup> Анализ социальных сетей развивается с середины XX в., реляционная социология и акторно-сетевая теория могут быть зафиксированы в качестве обособленных научных направлений в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

\* ЗАЯКИНА Раиса Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического факультета Новосибирского государственного технического университета.

E-mail: raisa\_varygina@mail.ru

© Заякина Р.А., 2018

\*\* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 16-06-00087.

пространства, демонстрируя обилие различных топологических изысканий.

В большей степени разрабатывается топологический взгляд, сосредоточивающийся вокруг символических социальных позиций акторов исследуемого сетевого объекта. Он восходит к идеям П. Бурдьё [2, с. 16] и явно прослеживается как в попытках отображения сетевой социальности в ее трансформациях, что характерно для реляционной социологии (см., напр.: [23]), так и в различных техниках визуализаций, в пределе выходя на технологии топографического «картирования» (что характерно для анализа социальных сетей, см., напр.: [19; 20; 22]). В меньшей степени топологический акцент ставится на раскрытие особых пространственных форм изучаемых сетевых объектов, множественной пространственности их существования (Джоном Ло выделяются пространства регионов, сетей, потоков), оригинальных объемных и глубинных характеристик участвующих в сетевых взаимодействиях акторов (разрабатывается в русле акторно-сетевой теории, см., напр.: [13]).

Между тем, зачастую сетевые исследования демонстрируют весьма вольное использование топологических интерпретаций социальных сетей, при слабой проработанности общих теоретических топологических принципов. Можно констатировать возникновение противоречия между востребованностью топологического пути исследования социальных сетей, выраженной в пролиферации использования топологического концепта, и явной непроработанностью теоретического аппарата и методологического инструментария социально-сетевой топологии. Обозначенные трудности указывают на необходимость нахождения более высокого уровня генерализации накопленного в данной области знания. Полагаем, преодоление сложившихся проблем возможно через социально-философскую рефлексию воспроизводства социальности сетевых объектов в топологической логике.

Противоречивость используемых различными направлениями сетевого подхода конкретных топологических методов изучения социальных сетей, далеко не всегда раскрывающих уникальные сетевые свойства и отношения, диктует необходимость разработки комплексного взгляда на характеристики как пространственных позиций, так и особенностей формы объекта сетевой природы. Разрешить обозначенную проблему возможно через привлечение разработанных автором методологических

процедур сетевого дизайна. Сетевой дизайн представляет собой логическую операцию отображения строения/состояния сети с учетом характеристик времени-пространства-формы. Реальный сетевой дизайн, помещенный в фокус интереса данной статьи, отображает конфигурации воплощенной в реальность социальной сети, и применим к анализу любого существующего социального объекта сетевой природы. Он осуществляется посредством привлечения теоретико-методологических единиц, названных дескрипторами. Сетевой дескриптор – это информационный блок, состоящий из ключевых сведений, характеризующих конкретную атрибутивную сторону объективированной в социальной реальности сети. Дескрипторы разделены на статические и динамические (подробнее см.: [4]).

Динамические дескрипторы, которым и будет посвящен данный текст, – это совокупность данных, характеризующих трансформацию состояний, количественные и качественные изменения сети, внутренние движущие силы и внешние проявления сетевых преобразований. Динамические сетевые дескрипторы делятся на функциональные и поисковые. Функциональный сетевой дескриптор – это конкретный набор изменяющихся характеристик, коррелирующих с обеспечением функций объекта сетевой природы. Поисковый сетевой дескриптор – это конкретный набор изменяющихся характеристик, описывающих связанное мониторинговое поведение в поисках оптимальной стратегии, корректируемое внешними условиями и внутренними параметрами объекта сетевой природы.

Говоря о сетевой динамике мы, прежде всего, пытаемся решить вопрос, проблематизированный реляционной социологией в критических разговорах о недостатках анализа социальных сетей. А именно: любая фиксация конкретного сетевого состояния не позволяет схватить характеристики его изменчивости, ведь люди предстают через трансформирующуюся смену соотношений с другими людьми как «встроенные в социальные структуры друг с другом» [21, с. 29]. Путь решения этого вопроса видится в нахождении и изучении предельных оснований самой сетевой изменчивости. Или иначе: требуется выделить и описать такие данные, которые неизменно порождают трансформационные процессы, происходящие в социальных сетях (взгляд изнутри) и с социальными сетями (взгляд извне).

### Функциональный сетевой дескриптор и его характеристики

Характеристики, входящие в данный дескриптор, способны описывать особенности, вытекающие из осуществления сетями своих непосредственных функций. Именно функциональное предназначение сетевых объектов существенно влияет на происходящие с ними метаморфозы. Сеть перестраивается, расширяется или, напротив, сужается, приспособляясь к различным условиям именно для реализации своей главной «заботы», своего «центрального предприятия» – выполнения основной миссии. Таковой является работа (в самом широком значении) с информацией, протекающая на двух уровнях: инфовзаимодействие с окружающей средой и внутрисетевая инфопереработка.

Конечно, спектр актуальных сетевых ресурсов много шире и включает в себя не только информацию, однако главнейшей функцией социальной сети остается, прежде всего, обеспечение свободного доступа к информационным ресурсам [8; 9; 11]. Сети не только пропускают инфопотоки, но и перерабатывают их, в подавляющем большинстве случаев соотносясь с сетевыми целями. Сосредоточимся на этих характеристиках. Кроме того, сетевые среды предоставляют акторам определенные преимущества, также находящиеся в фокусе нашего внимания.

В качестве первой характеристики заявленного дескриптора выделим специфику механизмов распространения информации. Топологически сетевая форма держится на пересечениях и объединениях, вытягиваемая фронтиром<sup>2</sup>. Пересечением сетевых множеств называем сетевое множество, состоящее только из общих для сетей и/или подсетей различного уровня заглупленности акторов. Объединением сетевых множеств называем сетевое множество, состоящее из всех акторов хотя бы еще одного из множеств. Сетевой фронтир – это абрис сетевого множества, очерчивающий условную сетевую/подсетевую форму.

Так как условная иерархия положения акторов выстраивается через критерий принадлежности пересечениям и объединениям, следовательно, наиболее значимый актор будет наиболее приближен к акторам окрестности, а значит и наиболее близок к фронтиру, как бы «вытягивая» сетевую форму. Именно через этот актор идут основные потоки, он является «местом транзита» информации. Таким образом,

центральная роль в осуществлении сетевого взаимодействия, оформлении структуры и формы сети или подсети, и в конечном счете, организации внутрисетевого и околосетевого пространства отдается именно фронтирным акторам.

Сетевые акторы пересечений и объединений являются не только ключевыми структурными связками, но и местами информационного транзита между множествами топологического пространства сети. Следует помнить, что по мере «погружения» в сетевую тыл связи неизбежно ослабевают постольку, поскольку акторы отдаляются от «свежих», проходящих через сетевой фронтир потоков и обменов. Важно также помнить, что для объединения и пересечения множеств действительны законы коммутативности и ассоциативности (подробнее см.: [17, с. 7]).

Коммутативные (переместительные) свойства выражаются несколько специфически и заключены не только в прямом («в сеть»), но и в неизбежном обратном («из сети») информационном сетевом потоке. Иначе говоря, то, что «входит» в сеть, с высокой долей вероятности из нее и «выходит», разумеется, с большими оговорками, связанными с процессами информационной обработки. Ассоциативные (сочетательные) свойства в полной мере распространяются только на внутрисетевые процессы, предполагая, что какая-то группа акторов имеет доступ к объему сетевой информации, равному объему информации, обладателем которой является каждый из них в отдельности. Фронтирные акторы, находясь в особом информационном положении, в эти процессы не попадают. Если же подсетевые акторы как множества дизъюнкты по отношению друг к другу, для налаживания инфообмена следует заполнить их пересечение хотя бы одним актором.

Вторая выделяемая характеристика – результативность обработки информации. Фронтирные акторы, являясь «информационными воротами», первыми оценивают качество и степень пригодности входящей информации. Именно они интерпретируют как адресованные сети конкретные запросы, так и случайные инфопотоки, поступающие из внешней среды, и чутко реагируют на внутрисетевые потребности, проводя в сеть желательную информацию. По сути, они могут выступать не только «точками инфосортировки», но и создателями «инфобанка», хранящего отфильтрованную информацию до момента ее актуализации.

Таким образом, в сети циркулирует вовсе не любая информация, входящая через пересе-

чения и объединения, но только такая, которая представляется фронтирным акторам адекватной сетевым интересам и имеющей потенциальный спрос. Тыловые акторы играют наименьшую роль в процессах информационной обработки, однако важно понимать, что любой действующий сетевой актор вынужденно является соучастником процессов обработки информации, реализуя своеобразную «сетевую перцепцию». Это происходит потому, что сетевая структура саморегулируема и «отбраковывает» все мешающее ей оптимально формироваться, в противном случае она становится неустойчивой» [10, с. 118].

Из двух предыдущих характеристик логически вытекает третья: наличие сетевых сервисов. Любая социальная сеть представляет своим акторам некий набор удобных «встроенных добавочных дивидендов», перечень которых может разниться. Важно, что все они неразрывно связаны с информационными взаимодействиями, а точнее основываются на них и не могут существовать без них. К наиболее типичным можно отнести:

- оптимизирующий (улучшение управленческих процессов, рационализация затрат, разделение рисков, концентрация на уникальных компетенциях акторов) (см.. напр: [18]);
- коммуникативный (возможность человеческого общения, создания внутрисетевых сообществ по интересам) (см.. напр: [15]);
- оценочный (одобрение, поддержка, безразличие, критика предлагаемых сетевым контентом новаций или интерпретаций) (см.. напр: [3]);
- адаптивный (построение с привлечением сетевых ресурсов успешных социально-адаптивных стратегий) (см.. напр: [7]) и пр.

Подчеркнем, что ассортимент сервисов изменяется, пластично подстраиваясь под конкретные сетевые потребности. Однако и сеть, как это ни парадоксально, по своим динамическим характеристикам зависима от них. Ведь именно содержание сервисов и те возможности, которые они предоставляют акторам, делают сеть интересной для вхождения новых участников, «собирают» их, концентрируя вокруг идей или ресурсов, а иногда и напротив, подталкивают устремиться на поиски «более интересных предложений».

### Поисковый дескриптор и его характеристики

Процедура выделения характеристик данного дескриптора неотъемлема от анализа конфигурации сетевой формы. Несмотря на кажущуюся очевидной принадлежность категории

формы статическим дескрипторам, такие ее особенности, как подвижность, пластичность, транзитивность, впрямую отсылают нас к маркированию именно поискового поведения сети.

Сеть как целое находится в постоянном поиске оптимальных стратегий взаимодействия с окружающим социальным миром, при этом каждый сетевой актор должен также демонстрировать подобное поведение. В процессе мониторинга социального пространства форма сети видоизменяет конфигурацию. Утверждаем, что степень поисковой активности всегда отражена в особенностях сетевого формообразования, напрямую связанного с категорией плотности. Соответственно, через аналитические процедуры, направленные на визуализацию сетевой формы посредством исследования плотности, можно определять уровень ее поисковой активности.

Плотность связей фронтирных акторов на условной демаркационной линии свидетельствует о поисково-мониторинговой активности по отношению к внешним объектам и процессам. Плотность внешних фронтирных взаимодействий выделяем в качестве первой характеристики поискового дескриптора. Напомним, что форма сети держится на пересечениях и объединениях, как бы «растягиваемая» фронтиром. Значит, при наличии высокой плотности окрестности, активно взаимодействующей со всеми, в свою очередь задающими плотность демаркационной линии фронтирными акторами, самая вероятная топологическая форма – сфера (одно из основных используемых в математической топологии понятий). Сетевые объекты, условно визуализируемые через сферические формы, обладают предельно высоким уровнем внешней поисковой активности.

Если фронтир плотнее взаимодействует с определенным фрагментом окрестности, акторы которой концентрируются только с одной стороны, сфера может деформироваться в гомеоморфную полусферу. Здесь поясним: мыслительные деформации фигур (растягивание, сжатие и пр.) являются в топологии наиболее наглядными процедурами преобразований. Если не происходит разрыв, «фигура в окончательном ее положении – после указанных операций – будет находиться в топологическом соответствии с фигурой в ее первоначальном положении» [12, с. 268]. Соответственно, топологически полусфера обладает всеми свойствами сферы, с тем лишь дополнением, что прочие сетевые акторы становятся более зависимы от

<sup>2</sup> О модели «фронтир-тыл», реализованной на конкретном примере, см.: [5; 6].

инфовазимодействий конкретного числа фронтальных акторов-поисковиков. Это указывает только на то, что сетевые объекты, визуализирующиеся через полусферические формы, обладают неравномерной внешней поисковой активностью.

Плотность вертикальных, горизонтальных и диагональных связей, пронизывающих сеть, говорит о внутрисетевых поисково-мониторинговых процессах. Плотность внутренних межакторных связей составляет вторую характеристику поискового дескриптора. Очевидно, что любые внутренние связи правильнее отслеживать по направлению от фронта к тылу. Они могут иметь различные характеристики – интенсивность, направленность, условия обменов. Неравновесные, разнонаполненные и разнонаправленные сетевые процессы характерны для взаимодействий, возникающих безотчетно, для достижения акторами сиюминутных потребностей, не связанных общесетевой целесообразностью. Сжатая, компактная фигура указывает на высокий уровень внутренней поисковой активности акторов, как правило, свидетельствует о целенаправленной сетевой деятельности.

Между тем, чрезмерная концентрация сети на внутрисетевых поисково-мониторинговых процессах приводит к такому уплотнению, которое ослабляет информационные связи с акторами окрестности. Чем больше сжатие, тем меньше возможных пересечений и объединений, а значит, тем слабее фронтальные ресурсы. Предельно возможное внутреннее уплотнение (без разрушения сетевой структуры) приведет в конечном итоге к неизбежному выходу объемного актора из общей сетевой орбиты и рождению нового топологического пространства [16].

Таким образом, сложноустроенный актор-подсеть также может стать новой обособленной сетью. При этом важно учитывать, что до момента его полного выхода из сетевого топологического пространства прочие акторы ассоциативны и способны удержать сеть от возможного разрыва путем стремительного перестраивания связей в точке бифуркации. Помним, что «топологические свойства фигур <...> в известном смысле это – самые глубокие, самые основные геометрические свойства, так как они сохраняются при самых «резких» преобразованиях» [12, с. 269].

Предположим обратную ситуацию: форма актора или сети существенно растягивается. Такая процедура неизбежно ослабит поисково-мо-

нитринговые процессы и настолько укрупнит области пересечений и объединений, что вместо изначальной связующей функции они будут способствовать угасанию информационных сигналов, которые станут «растворяться» в них, теряя в пути прохождения ресурсную значимость. Растяжение сетевой формы приводит к ее распаду, даже если будущая граница разрыва еще демонстрирует устойчивые связи. «Рассматривая две точки, лежащие по разные стороны линии разрыва, мы видим, что расстояние между ними может быть неограниченно малым, тогда как после разрыва этого уже не будет» [12, с. 268]. Такой разрыв для формы сети существенен и неустраим. Отсюда важная мысль: сетевая экспансия (формула: «сеть стремится к расширению») возможна только за счет вовлечения новых акторов, сохраняющих сетевую плотность для поддержания обменных процессов. Новые же акторы, в свою очередь, должны создавать пересечения и объединения, что значительно увеличивает «отсев» возможных «претендентов» по критериям соответствия.

Особую значимость при анализе поисково-мониторингового поведения сети имеет такая относящаяся к внутренним связям, однако весьма обособленная проблемно-аналитическая область исследования, как плотность взаимодействия между фронтом и тылом. Заявляем ее самостоятельной, третьей характеристикой поискового дескриптора. В случае, если основные результаты поисково-мониторингового поведения аккумулируются у малого количества ключевых фронтальных акторов, которые, в свою очередь, распоряжаются ими по своему усмотрению, внутренние сетевые связи, основанные на поисковых процессах, могут истончаться, а сетевые сигналы доходить до тыловых акторов с большим запозданием или угасать вовсе.

Предположительно, ключевые акторы фронта, в поисках наибольшей выгоды, могут начать взаимодействовать исключительно с себе подобными, сепарируя фронт от тыла. Если же подсеть начинает жить и развиваться исключительно за счет активно взаимодействующих с окрестностью фронтальных акторов и перестает «видеть» тыл, то тыловая сегрегация без сетевых обменов неизбежно «отмирает», полностью выпадая из поля зрения сети. Можно допустить распад сферической сетевой формы и образование формы торообразной. Почему же такие процессы нельзя рассматривать как трансформацию? Топологи «говорят, что сфера

и тор суть топологически различные поверхности или поверхности, принадлежащие к различным топологическим типам или, наконец, что эти поверхности не гомеоморфны между собой» [1, с. 184]. Следовательно, сфера не может быть преобразована в тор путем деформаций. Собственно, деформаций и не происходит, а происходит символический разрыв.

Подчеркнем, что при этом учитывается только «дееспособная» сетевая область, на деле же никаких удалений тыловых акторов нет. Оставаясь на своем месте, они попросту выключаются из поисково-мониторингового взаимодействия и предстают как пустое множество, соответственно, со временем выполнение ими акторных функций значительно затрудняется и, наконец, становится невозможным. Фактически, здесь описывается тот же процесс, что и ранее при умозрительном внутреннем сжатии, с той лишь разницей, что разрывы происходят от уплотнения околофронтальных связей в ущерб тыла. В пределе, как и в предыдущем случае, будучи «внутри» подсети, тыловая сегрегация способна переформлироваться в обособленную от материнской, новую сеть [16].

Таким образом, охватывая не только сетевой функционал, но и процессы топологических трансформаций сетевой формы, характеристики динамического дескриптора способны дать начало методологическому аппарату, нацеленному на измерение изменчивостей. Подобная работа с топологическими формами социальных сетей способна раскрыть их ключевые характеристики, продвинуть в понимании их устройства и, в конечном счете, подтолкнуть нас задуматься над возможностью влияния на эффективность сетевых информационно-обменных процессов.

Крайне важно понимать, что все входящие в реальный сетевой дизайн аналитические ярлыки, в том числе и представленные выше динамические, не есть простой набор разнородных сетевых характеристик, но являются единой картиной, в совокупности дающей нам топологическую реконструкцию особенностей реализации и способов функционирования сети в социальной реальности.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров П.С., Маркушевич А.И., Хинчин А.Я. Энциклопедия элементарной математики: в 5 т. Т. 5: Геометрия. М.: Наука, 1966.
2. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007.

3. Власов Ф.Б., Стебаков А.А. Социальный капитал, его виды и противоречия // Общество и экономика. 2016. № 10. С. 18-30.

4. Заякина Р.А. Реальный сетевой дизайн: статический идентификационный дескриптор // Вестник Вятского государственного университета. 2017. №6. С. 17-22.

5. Заякина Р.А. Топология предпринимательского университета: статическая дескриптивная модель // Высшее образование в России. 2017. №7. С. 69-78.

6. Заякина Р.А. Топология предпринимательского университета: динамическая дескриптивная модель // Высшее образование в России. 2017. №11. С.69-78.

7. Каравай А.В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1-14.

8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

9. Коган В.З. Теория информационного взаимодействия: философско-социологические очерки. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991.

10. Кожевников Н.Н., Данилова В.С. Философское осмысление светского аскетизма // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. №1. С. 114-119.

11. Кристакис Н., Фаулер Дж. Связанные одной сетью: как на нас влияют люди, которых мы никогда не видели. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011.

12. Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? (элементарный очерк идей и методов). М.: МЦНМО, 2001.

13. Ло Дж. Объекты и пространства // Социология вещей: сб. статей / Под ред. В. Вахштайна. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. С. 223-243.

14. Мальцева Д.В. Сетевой подход в социологии: генезис идей и применение. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017.

15. Серых А.А. Модель «сети общения» отечественных историков конца XIX – начала XX вв. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 150-157.

16. Фишов П.М., Заякина Р.А., Ромм М.В. Деформация сетевой формы: обособление сегментов в новую сеть. Flash-визуализация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/DuPx3QAYJ-U>

17. Худенко В.Н., Махоркин В.В. Лекции по топологии. Калининград: Изд-во КГУ, 2000.

18. Ansell, Ch., Bichir, R. and Zhou, Sh., 2015. Who says networks, says oligarchy? Oligarchies as «Rich Club» networks. *Connections*, Vol. 35, no. 2. URL: [http://www.insna.org/PDF/Connections/v35/ansell\\_web.pdf](http://www.insna.org/PDF/Connections/v35/ansell_web.pdf)

19. Beyhan, B., 2011. Inter-firm social networks created by mobile laborers: a case study on Siteler in Ankara. *Journal of Social Structure*, Vol. 12, no. 1, pp. 1-33.

20. Mossel, E., Sly, A. and Tamuz, O., 2015. Strategic learning and the topology of social networks. URL: [http://people.hss.caltech.edu/~tamuz/papers/strategic\\_learning.pdf](http://people.hss.caltech.edu/~tamuz/papers/strategic_learning.pdf)

21. Raab, J., 2010. Der «Harvard breakthrough». In: *Handbuch netzwerk forschung*. Wiesbaden: VS-Verl, pp. 29-39.

22. Tagarelli, A. and Interdonato, R., 2014. Lurking in social networks: topology-based analysis and ranking methods. *Social Network Analysis and Mining*, Vol. 4, no. 1. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.4695.pdf>

23. White, H., 2002. *Markets from networks: socioeconomic models of production*. Princeton: Princeton University Press.

#### REFERENCE

1. Aleksandrov, P.S., Markushevich, A.I. and Khinchin, A.Ya., 1966. *Entsiklopediya elementarnoy matematiki: v 5 t. T. 5: Geometriya* [Encyclopedia of elementary mathematics: in 5 volumes. Vol. 5: Geometry]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

2. Bourdieu, P., 2007. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

3. Vlasov, F.B. and Stebakov, A.A., 2016. *Sotsial'niy kapital, ego vidy i protivorechiya* [Types and contradictions of social capital], *Obshchestvo i ekonomika*, no. 10, pp. 18-30. (in Russ.)

4. Zayakina, R.A., 2017. *Real'nyy setevoy dizayn: staticheskiy identifikatsionnyy deskriptor* [Real network design: static identification descriptor], *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 17-22. (in Russ.)

5. Zayakina, R.A., 2017. *Topologiya predprinimatel'skogo universiteta: staticheskaya deskriptivnaya model'* [Topology of entrepreneurial university: static descriptive model], *Vyshee obrazovanie v Rossii*, no. 7, pp. 69-78. (in Russ.)

6. Zayakina, R.A., 2017. *Topologiya predprinimatel'skogo universiteta: dinamicheskaya deskriptivnaya model'* [Topology of entrepreneurial

university: dynamic descriptive model], *Vyshee obrazovanie v Rossii*, no. 11, pp. 69-78. (in Russ.)

7. Karavay, A.V., 2016. *Sotsial'nyy kapital rossiyskikh rabochikh i ikh ustanovki v otnoshenii ego nakopleniya* [Russian workers: social capital and capital accumulation settings], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 1-14. (in Russ.)

8. Castells, M., 2000. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The information age: economy, society and culture]. Moskva: GU-VShE. (in Russ.)

9. Kogan, V.Z., 1991. *Teoriya informatsionnogo vzaimodeystviya: filosofsko-sotsiologicheskie ocherki* [The theory of information exchange: the philosophical and sociological essays]. Novosibirsk: Izd-vo NGU. (in Russ.)

10. Kozhevnikov, N.N. and Danilova, V.S., 2017. *Filosofskoe osmyslenie svetskogo asketizma* [Philosophical reflection on secular asceticism], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 114-119. (in Russ.)

11. Christakis, N. and Fowler, J., 2011. *Svyazannye odnoy set'yu: kak na nas vliyayut lyudi, kotorykh my nikogda ne videli* [Connected: the surprising power of our social networks and how they shape our lives]. Moskva: OOO «Yunayted Press». (in Russ.)

12. Kourant, R. and Robbins, G., 2001. *Chto takoe matematika? (elementarnyy ocherk idey i metodov)* [What is Mathematics? An elementary approach to ideas and methods]. Moskva: MTsNMO. (in Russ.)

13. Law, J., 2006. *Ob'ekty i prostranstva* [Objects and spaces]. In: Vakhshain, V. ed., 2006. *Sotsiologiya veshchey: sb. statey*. Moskva: Izd. dom «Territoriya budushchego», pp. 223-243. (in Russ.)

14. Maltseva, D.V., 2017. *Setevoy podkhod v sotsiologii: genezis idey i primenenie* [Network approach in sociology: genesis of ideas and applicability]. Novosibirsk: Izd-vo NGTU. (in Russ.)

15. Serykh, A.A., 2016. *Model' «seti obshcheniya» otechestvennykh istorikov kontsa XIX – nachala XX veka* [The «communication network» model of Russian historians of the late XIXth – early XXth century], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, no. 2, pp. 150-157. (in Russ.)

16. Fishov, P.M., Zayakina, R.A. and Romm, M.V. *Deformatsiya setevoy formy: obosoblenie segmentov v novuyu set'*. Flash-vizualizatsiya [Deformation of network forms: segregation of segments into a new network. Flash visualization]. URL: <https://youtu.be/DuPx3QAYJ-U> (in Russ.)

17. Khudenko, V.N. and Makhorkin, V.V., 2000. *Lektsii po topologii* [Lectures on topology]. Kaliningrad: Izd-vo KGU. (in Russ.)

18. Ansell, Ch., Bichir, R. and Zhou, Sh., 2015. Who says networks, says oligarchy? Oligarchies as «Rich Club» networks. *Connections*, Vol. 35, no. 2. URL: [http://www.insna.org/PDF/Connections/v35/ansell\\_web.pdf](http://www.insna.org/PDF/Connections/v35/ansell_web.pdf)

19. Beyhan, B., 2011. Inter-firm social networks created by mobile laborers: a case study on Siteler in Ankara. *Journal of Social Structure*, Vol. 12, no. 1, pp. 1-33.

20. Mossel, E., Sly, A. and Tamuz, O., 2015. *Strategic learning and the topology of social*

*networks*. URL: [http://people.hss.caltech.edu/~tamuz/papers/strategic\\_learning.pdf](http://people.hss.caltech.edu/~tamuz/papers/strategic_learning.pdf)

21. Raab, J., 2010. *Der «Harvard breakthrough»* [The «Harvard breakthrough»]. In: *Handbuch netzwerk forschung*. Wiesbaden: VS-Verl, pp. 29-39. (in German)

22. Tagarelli, A. and Interdonato, R., 2014. *Lurking in social networks: topology-based analysis and ranking methods*. *Social Network Analysis and Mining*, Vol. 4, no. 1. URL: <https://arxiv.org/pdf/1409.4695.pdf>

23. White, H., 2002. *Markets from networks: socioeconomic models of production*. Princeton: Princeton University Press.



## ЧЕЛОВЕК БУНТУЮЩИЙ: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ БУНТА У ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА И АЛЬБЕРА КАМЮ

Статья посвящена актуальной для современных социально-гуманитарных наук проблематике бунта. Автор предлагает рассмотрение феномена бунта как экзистенциальной проблемы на примере литературно-философского творчества Леонида Андреева и философии Альбера Камю. Особое внимание уделяется анализу понятия «метафизический бунт», занимающего одно из центральных мест в системе художественных и философских координат двух мыслителей. Подходы Андреева и Камю к природе бунта, видам и формам его выражения являются продуктивными для последующих философских, культурологических, исторических концепций бытия человека.

*Ключевые слова:* Л.Н. Андреев, А. Камю, бунт, экзистенциальный выбор, смысл жизни, смерть, свобода, абсурд

**The rebellious man: the existential concept of rebellion of Leonid Andreyev and Albert Camus.** SERAFIMA A. DEMIDOVA ((National University of Science and Technology MISiS).

The article is devoted to the problem of rebellion, which is of great importance for current humanities and social sciences. The author explores the phenomenon of rebellion as an existential problem of the literary and philosophical works of Leonid Andreyev and the philosophy of Albert Camus. Special attention is paid to the analysis of the concept of «metaphysical rebellion», which plays one of the central roles in the system of artistic and philosophical coordinates of the two thinkers. The approach of Andreyev and Camus to the nature of the rebellion, the types and forms of its expression could be of great interest for the future philosophical, cultural or historical concepts of human existence.

*Keywords:* Leonid Andreyev, Albert Camus, rebellion, existential choice, meaning of life, death, freedom, absurd

Проблема бунта является одной из сквозных тем и литературно-философского творчества русского писателя, публициста, драматурга, мыслителя Леонида Николаевича Андреева (1871-1919), и идейного наследия французского прозаика, драматурга, эссеиста, философа Аль-

бера Камю (1913-1960). Оба эти мыслителя, жившие в разные эпохи, на удивление интеллектуально созвучны в своем устремлении объявить категорию «бунта» одним из основополагающих понятий собственных оригинальных концепций человека. Герои-бунтари Андреева

во многом идейно предопределили «взбунтовавшегося человека» Камю. И хотя о каком-либо заимствовании французским мыслителем андреевских идейно-концептуальных построений речи вестись не может, необходимо отметить общие тенденции в экзистенциальном по своей сути творчестве Андреева с традициями западноевропейской философии от С. Кьеркегора до М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра. Многие взгляды Андреева предвосхитили, а отчасти даже определили философские идеи и формулы французского экзистенциализма, а также новые способы и средства выражения экзистенциальной сущности кризисного, «ломающегося» сознания нового столетия.

Исследуя проблему бунта у Андреева и Камю, можно с уверенностью сказать, что Андреев, вынося экзистенциальные уроки Ф.М. Достоевского и Ф.В. Ницше, стоит у истоков философии о людях «бунтующего духа», в то время как у Камю «философия бунта» получает свое последовательное развитие и наиболее полную, законченную форму. Идейно-эстетическое наследие Андреева и Камю можно смело охарактеризовать как «бунт в искусстве». Именно искусство, которое «наделяет формой ценности, неуловимые в потоке вечного становления» [5, с. 320], может окончательно прояснить для нас смысл бунта, так как бунт представлен в нем «по ту сторону истории, в чистом состоянии, в своей первозданной сложности» [5, с. 316]. По Камю, творчество – это тяга к единению и в то же время отрицание мира. Но творчество всегда отрицает мир за то, чего ему недостает, во имя того, чем он, мир, хотя бы иногда является. Выдающиеся произведения искусства не могут и не должны быть отделены от реальности в силу того, что вся безмерность их величия остается именно земной (см.: [5, с. 81]). Сочинения Андреева и Камю, монотонно и страстно повторяя темы и мотивы, которые «оркестрованы самим миром», изначально заключают в себе «мощный освободительный заряд» бунта художников-философов против действительности.

Мыслители синкретического толка Андреев и Камю сделают показательный для понимания общности их мышления выбор «писать, прибегая к образам, а не к рассуждениям» (А. Камю) [5, с. 79]. Однако стоит заметить, что, может быть, не всегда логическая, но интуитивная точность рассуждений несомненно присутствует в их образно-символических системах, очевидными признаками которых являются мифотворчество (создание романов-мифов), прит-

чевость, размывание граней между философией и литературой, тенденция к символизации действительности. «Философия в образах» Андреева и Камю, являясь свидетельством тотальной экзистенциальной ситуации, в которой оказался человек XX в., обращает нас к духовным истокам бунта, зримым только для философствующих писателей. Проникая с помощью художественного слова в сущность бытия, писатели, в отличие от академических философов, могут обнаружить всеобщие высшие ценности и «похитить их у истории». Таким образом, бунт, по мысли Камю, обретает свое воплощение только в искусстве (например, в художественной литературе<sup>1</sup>) как наиболее адекватном средстве многогранного выражения «высочайшего» бунтарского порыва.

Можно без преувеличения сказать, что идея бунта является отправной точкой художественно-философского исследования Андреевым и Камю бытия человека в мире. У художников-метафизиков Андреева и Камю нет ни одного сочинения, в котором, так или иначе, не поднималась и экзистенциально не осмыслилась бы проблема бунта. Практически все без исключения их произведения можно охарактеризовать как «чистейший продукт бунтарского творчества». Философское решение проблемы бунта нашло свое разностороннее отражение в художественно-философских произведениях Андреева «Рассказ о Сергее Петровиче», «Жизнь Василия Фивейского», «Жизнь Человека», «Иуда Искариот и другие», «Царь Голод», «Мои записки», «Мысль», «Дневник Сатаны», «Иго войны», «Анатэма», «Савва», «Красный смех», «Сашка Жегулев» и в разноплановых сочинениях Камю «Гость», «Посторонний», «Калигула», «Чума», «Осадное положение», «Миф о Сизифе», «Бунтующий человек», «Праведники», «Письма о бунте» и многих других. Перечисленные выше произведения Андреева и Камю, несомненно, «являются потрясающим свидетельством единственного достоинства человека: упорного бунта против своего удела, настойчивости в бесплодных усилиях» [5,

<sup>1</sup> Раскрывая замысел рассказа «Бунт на корабле», Андреев в 1901 г. писал М. Горькому о том, как он задумал показать бунт: «Без слов, ибо я не знаю языка бунтующих: одни зрительные да звуковые ощущения» [4, с. 15]. Судя по сохранившимся вариантам рассказа, Андреев безусловно добился желаемого. Он изобразил зарождение бунта, как одной из важных для своего творчества тем, в звуке, ритме, игре красок, тоне повествования.

\* ДЕМИДОВА Серафима Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и технологий Национального исследовательского технологического университета «МИСиС».

E-mail: amifares@mail.ru

© Демидова С.А., 2018

с. 81], явленного в «образах живого, дышащего слова» (А.С. Волжский).

Симптоматично, что Андреев предвосхищает интеллектуальный путь «зарождения, развития, ужаса и радости бунта» [4, с. 15], по которому потом пройдет Камю, от бунта метафизического к бунту историческому через бунт гносеологический («самоубийство логическое») и творческий («бунт в искусстве»). Камю в одной из своих философских тетрадей, обращаясь к истокам и этапам развития бунта, подтвердит радость «отказа от примирения со своим уделом» для человека: «Я не покорюсь. Я буду безмолвно протестовать до конца. <...>. Я прав в своем бунте, и я буду шаг за шагом идти к радости, этой вечной страннице на земле» [6, Т. 5, с. 42]. К сожалению, рамки статьи не позволяют вместить всесторонний анализ всех видов и форм бунта. В связи с этим я предприму попытку лишь подступиться к проблеме бунта у Андреева и Камю, контурно наметив возможности и перспективы в рассмотрении экзистенциально окрашенного понятия «метафизический бунт» в творчестве русского и французского мыслителей.

Проблемы одиночества, отчуждения, смысла жизни и смерти, свободы, абсурда, являющиеся магистральными для «полифонического» творчества Андреева и Камю, цементируются у этих писателей-философов проблемой бунта. Человек бунтующий Андреева и бунтующий человек Камю восстают против Бога, разума, традиции, культуры, морали, общества, истории (и в этом Андреев и Камю встречаются с Достоевским и Ницше). В дневнике от 1 августа 1891 г. двадцатилетний Андреев записал: «Я хочу показать всю несостоятельность тех фикций, которыми человечество до сих пор поддерживало себя: Бог, нравственность, загробная жизнь, бессмертие души, общечеловеческое счастье и т.д. Я хочу показать, что одна только смерть дает и счастье, и равенство, и свободу, что только в смерти и истина, и справедливость, что вечно одно только “не быть”, [что] все в мире сводится к одному и это одно, вечное, неизблемое есть смерть» (Русский архив в Лидсе. Андреев Л.Н. Дневник. 1891.05.15 – 1891.08.17. MS. 606. Е. 4. Л. 91-92). Духовный бунт андреевского «голого человека на голой земле» (см.: [1, Т. 2, с. 385]) и «абсурдного человека» Камю явится бунтом, рожденным в столкновении между иррациональностью мира и иступленным желанием ясности. Человек Андреева и Камю будет стремиться к ясности мышления

и языка («борьба интеллекта с превосходящей реальностью») и равным образом безуспешно требовать прозрачности от бытия. Наделенные по праву своего рождения свободой, герои-бунтари Андреева и Камю оказываются в ситуации экзистенциального выбора – феномена, обусловливающего сущность человека и смысл человеческого существования.

В контексте идей Андреева и Камю бунт окажется неизбежным следствием «пограничной ситуации» (К. Ясперс), когда «нужно выбирать между созерцанием и действием. Это и называется: стать человеком» [5, с. 71]. В экзистенциальной ситуации, порожденной страхом, отчаянием, тревогой, чувством одиночества, заброшенности и оставленности, наступает момент «прозрения», отличительной чертой которого является экзистенциальный или метафизический ужас<sup>2</sup>. Открытую впервые Л.Н. Толстым «пороговую» ситуацию «лицом к лицу» с экзистенциальными и метафизическими «данностями» существования сначала Андреев, а следом и Камю спроецируют на каждодневность человеческого бытия. Перед осознанным выбором между бунтом или сознательным отказом от бунта они поставят не протестующего раба, восстающего против несправедливого социального устройства, а героя-личность – метафизического бунтовщика, «оспаривающего конечные цели человека и вселенной» (Камю) и обладающего решительностью и смелостью принять «мир без Бога, но и без Дьявола» (Андреев).

Что же представляют собой герои-бунтовщики Андреева и Камю? Бунтующий человек у этих мыслителей – это человек, говорящий «нет». Он говорит твердое «нет» своему трагическому уделу, уготованному ему как представителю рода человеческого. Он решительно говорит «нет» абсурдному мирозданию, которым он обделен и даже обманут. И посему говорящий «нет» человек, который по своей природе изначально есть «вопросание и бунт», – бунтарь метафизический. В письме от 1904 г. к В.В. Вересаеву Андреев, оказавшийся в своих философских размышлениях о «мире-демоне» и человеку «между да и нет», напишет: «Кто я? До каких неведомых и страшных границ дойдет мое отрицание? Вечное “нет” – сменится ли оно хоть каким-нибудь “да”? И правда ли, что “бунтом жить нельзя”? Не знаю. Не знаю.

<sup>2</sup> За Андреевым в русской литературе конца XIX – начала XX вв. прочно закрепилась репутация «певца ужаса».

Но бывает скверно. Смысл, смысл жизни, где он? Бога я не приму пока не одурею, да и скучно вертеться, чтобы снова вернуться на то же место. Человек? Конечно, и красиво, и гордо, и внушительно, – но конец где? Стремление ради стремления – так ведь это верхом можно поехать для верховой езды, а искать, страдать для искания и страдания, без надежды на ответ, на завершение, нелепо. А ответа нет, всякий ответ – ложь. Остается бунтовать – пока бунтуется...» [3, с. 404-405].

Камю словно продолжает «бунтарскую мысль» Андреева, но при этом в своих размышлениях идет значительно дальше. Бунтующий человек, по мысли Камю, отрицая, не отрекается. Человек бунтующий – человек, одновременно с «нет» говорящий «да». В «да» бунтующий человек утверждает собственный бунт («нет») как готовность восстать и сражаться против всего мира. Именно своим «страстным утверждением» бунт отличается от простого возмущения, несогласия или мятежа<sup>3</sup>. В любом внешне негативном бунте, взламывающем бытие и помогающем человеку выйти за его пределы, скрыт глубокий позитивный смысл, указывающий на наличие в человеке того по-настоящему для него важного, что требует защиты. Человек бунтующий в своем первом, а потому истинном порыве протестует против посягательств на себя как такового. Он осознанно борется за целостность своей личности, за свое единственное и неповторимое «Я». Именно по этой причине многие бунтари принимают смерть или заканчивают жизнь самоубийством<sup>4</sup> в своем бунтарском порыве, являющемся следствием метафизического прозрения «мировой скорби».

Метафизические бунтари Андреева и Камю в своем бунте впадают в крайнюю непримиримость «Все или ничего». В границах, предо-

<sup>3</sup> Вспомним, что Иван Карамазов Достоевского начинает бунтарским порывом, а заканчивает метафизическим восстанием.

<sup>4</sup> Для Андреева метафизический бунт часто является выходом, ведущий в Никуда, в Пустоту. Андреев конструирует бунт как субъективный порыв онтологического отчаяния, за гранью которого есть только безумие и ужас, самоубийство и смерть, на примере многих, но не всех своих героев показывая обреченность такого бунта. У Камю в бунте метафизическом заложено созидательное начало. В связи с чем самоубийство как «примирение с абсурдом» и бунт как «созидатель вселенной» логически противоречат друг другу. Бунт «придает жизни цену», потому как абсурд имеет смысл только тогда, когда с ним не соглашаются.

пределенных судьбой и природой (Камю) или же «роком, дьяволом или жизнью» (Андреев), человек всегда имеет право на бунт против «страшного мира» абсурда – дочеловеческой и внечеловеческой всеобщей бессмысленности мироустройства. Непрерывный, героический и безнадежный бунт, по Андрееву и Камю, является единственно верным следствием из ответа на вопрос: «Как можно себя вести, если не веришь ни в Бога, ни в разум?» [8, р. 1427]. Человек бунтующий бросает вызов Богу<sup>5</sup>, богам, року, судьбе, человеческому знанию, своему разуму, смерти, природе, и это наполняет его существование смыслом в мире, где «не на что опереться ни в себе, ни вовне» [7, с. 327]. Свобода «быть против» позволяет человеку противостоять равнодушному «молчаливому» миру и принимать свою судьбу даже через бунт «молчаливый», «тихий». «В бунтарстве есть страсть к свободе. <...> Бунту не может принадлежать последнее слово, но на путях человека ввысь бунт может играть огромную роль» [2, с. 64]. Выбранный человеком бунтующим путь бунта есть его восстание против своего удела и против всего мироздания. Так, последняя и окончательная истина абсурдного мира (Андреев и Камю поставят своих героев «лицом к лицу» с абсурдом) являет собой вызов не смиряться с «миром боли и страданий» вопреки безнадежности. И это и есть метафизический бунт как дерзкое несогласие человека с миром абсурда. У Андреева абсурд – Он, или Некто в Сером – «верный спутник Человека во все дни его жизни, на всех путях его» [1, Т. 2, с. 444]. Именно Некто в Сером (главный герой философской пьесы «Жизнь Человека», а не Человек<sup>6</sup>) безразлично констатирует брошенность человека в «бытие-к-смерти» (М. Хайдеггер): «Так умрет Человек. Придя из ночи, он возвратится к ночи

<sup>5</sup> Необходимо сказать несколько слов об этапах метафизического бунта в философии Камю. Сначала бунт метафизический не посягает на устранение Бога. Он бросает вызов Богу, но этот вызов предполагает разговор «на равных» (первые страницы андреевской повести «Жизнь Василия Фивейского»). Но со временем разговор человека с Богом (а чаще всего это монолог человека) начинает предполагать полемику, воодушевляемую желанием взять верх. Человек начинает требовать у Бога справедливости в мире, где «все плачут» (финал «Жизни Василия Фивейского»).

<sup>6</sup> Примечательно, что Андреев не дает своему герою имени собственного. Именем нарицательным «Человек» Андреев показывает, что его персонаж во всем подобен другим людям.

и сгинет бесследно в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем» [1, Т. 2, с. 444].

Размышления Андреева и Камю над идеей бунта приводит мыслителей независимо друг от друга к мысли о том, что человек бунтующий – человек, живущий до или после священного (герои-богоборцы Андреева и Камю). Метафизический бунтарь требует человеческого порядка, при котором ответы будут человеческими, а именно – разумно сформулированными. Однако человеческий разум, человеческое разумение, жаждущее ясности и единства, сталкивается с «неразумным молчанием мира» (Камю), где «так много богов и нет единого вечного Бога» (Андреев). Бунтовать против «невыносимого» мироустройства, против «увиденной бессмысленности», «непонятного и несправедливого удела человеческого», против, наконец, «смерти Бога» будут андреевские идеологи-бунтари Сергей Петрович, Керженцев, Василий Фивейский, о. Иван, Савва, Иуда Искариот, Магнус, дедушка из «Моих записок», Человек из «Жизни Человека» и метафизические бунтари Камю Мерсо, Каллигула, персонажи «Чумы», Сатана, Прометей, Сизиф, Дон Жуан, братья Карамазовы и иные. Эти герои-бунтари Андреева и Камю станут решительно и смело заявлять, что они обделены и жестоко обмануты самим мирозданием. Они будут безуспешно стараться разорвать «круг железного предначертания», «с темным началом и темным концом» (Андреев). «Люди умирают, и они несчастны» [6, Т. 1, с. 259], и «все бедные. Все плачут. И нет помощи!» [1, Т. 1, с. 516] ни на земле, ни на опустевших небесах. А потому «даже сама скорбь лишена смысла» [6, Т. 1, с. 314]. Следовательно, вместо «мировой скорби» остается лишь бунт «мятежного духа» в обезбоженном абсурдном мире.

Любой бунт у Андреева и Камю есть прежде всего борьба человека за свое человеческое достоинство. Метафизический бунт предполагает признание величия земного существования, а значит и утверждение величия самого человека. Вот почему Человек в «Жизни Человека» показан Андреевым в образе «рыцаря» без меча и щита (Дон Кихот XX в.), который хочет и может до конца воевать со своей судьбой. И это свое достоинство андреевский Человек и бунтующий человек Камю утверждает уже тем, что даже будучи безоружным, борется за свободу и справедливость, честь и достоинство, любовь и творчество, жизнь вопреки смерти, смысл своего существования, а не мирится со своим

униженным положением. Метафизический бунтарь «вечно возобновляет противостояние загадочному бытию» несмотря на трагическую убежденность в неуспехе. Но бесполезность нимало не ослабляет бунта, она его только разжигает (см.: [6, Т. 5, с. 42]). Бунт является определяющей идеей для понимания экзистенциального смысла свободы у Андреева и Камю, которая всегда неизбежно трагична, ибо рождается из внутреннего раздвоения человеческого духа, быющего без надежды над неразрешимыми вопросами бытия.

Зрелый Андреев, как и впоследствии поздний Камю, придут к общему для них мнению, что метафизический бунт не может быть вызван эгоистическими порывами индивидуальной души. Только в подлинном, а не мнимом, показном бунте рождаются все универсальные гуманистические ценности. Камю будет утверждать, что для себя самого индивид вовсе не является той ценностью, которую он хочет защищать. Во вселенском бунте человек сближается с другими, у него возникает чувство «сопричастности», «братства», «общности», и с этой точки зрения человеческая солидарность является метафизической. Экзистенциальная «философия бунта» Леонида Андреева и Альбера Камю, актуальная и по сей день, есть утверждение не только бытия отдельного человека (я бунтую, следовательно, мы одиноки), но и возможной общечеловеческой солидарности, смысл которой раскрывается в знаменитом перифразе Камю: «Я бунтую, следовательно, мы существуем» [5, с. 198]. Говоря о «солидарности, рождающейся в оковах», Камю подчеркивает, что бунт открывает в человеке то, за что всегда и до последнего вздоха стоит бороться. И именно в противостоянии-борьбе против «мира такого, какой он есть» человек становится человеком.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. М., 1990-1996.
2. Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1991.
3. Вересаев В.В. Леонид Андреев // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1961. С. 395-421.
4. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка // Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965.
5. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990.

6. Камю А. Сочинения: в 5 т. Харьков, 1998.
7. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.-П. Сартр. М., 1989. С. 319-344.
8. Camus, A., 1965. Essais. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade.

#### REFERENCES

1. Andreev, L.N., 1990-1996. Sbranie sochineniy: v 6 t. [Collected works in 6 volumes]. Moskva. (in Russ.)
2. Berdyayev, N.A., 1991. Samopoznanie (Opyt filosofskoy avtobiografii) [Self-knowledge (An attempt of philosophical autobiography)]. Moskva. (in Russ.)
3. Veresayev, V.V., 1961. Leonid Andreev [Leonid Andreev]. In: Veresayev, V.V., 1961. Sbranie

sochineniy: v 5 t. T. 5. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, pp. 395-421. (in Russ.)

4. Gor'kiy i Leonid Andreev. Neizdannaya perepiska [Maksim Gorky and Leonid Andreev]. In: Literaturnoe nasledstvo. T. 72. Moskva: Nauka, 1965. (in Russ.)
5. Camus, A., 1990. Buntuyushchiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moskva. (in Russ.)
6. Camus, A., 1998. Sochineniya: v 5 t. [Works in 5 volumes]. Khar'kov. (in Russ.)
7. Sartre, J.-P., 1989. Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is humanism]. In: Sumerki bogov. F. Nitsche, Z. Freid, E. Fromm, A. Kamyu, Zh.-P. Sartr. Moskva, 1989, pp. 319-344. (in Russ.)
8. Camus, A., 1965. Essais [Essays]. Paris: Gallimard, Bibliothèque de la Pléiade. (in French)



УДК 130.2  
DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-1/124-129

М.А. Юшкевич\*

## ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Г.П. ФЕДОТОВА\*\*

Статья посвящена творчеству русского историка, философа и публициста – Г.П. Федотова, чьи труды были направлены на исследование русской культуры. Среди бурных событий военной и пореволюционной поры, в своих научных исследованиях, он стремился отыскать устойчивые основания жизни нации, позволившие жить и развиваться Руси, а затем России, на протяжении тысячелетия. На этом своем пути он обращается к исследованию традиций как устойчивой формы социального взаимодействия, что не могло не вызвать философского осмысления автором понятий национального и исторического. Прояснение содержания и взаимосвязи этих понятий на основе анализа творческого наследия Г.П. Федотова и составляет цель данной работы.

*Ключевые слова:* Г.П. Федотов, национальное самосознание, национальная жизнь, революция, история, будущее

**The issue of national consciousness in the works of G.P. Fedotov.** MIKHAIL A. YUSHKEVICH (Moscow State Pedagogical University)

The article is devoted to the work of the Russian historian, philosopher and publicist Georgy Fedotov, whose research was aimed at the study of Russian culture. In the context of the turbulent events of the First World War and revolutionary years, he sought to find in the past the stable foundations of national life that allowed Russia to live and develop for ages. On this path, he turned to the study of traditions as a stable form of social interaction, which brought him to the development of his own philosophical concepts of the national and the historical.

*Keywords:* Georgy Fedotov, national consciousness, national life, revolution, history, future

Тема национального сознания по праву может называться одной из ведущих тем в творчестве Георгия Петровича Федотова (1886-1951). В попытках постичь русский народный гений Г.П. Федотов обращается к самым разным областям жизни народа, пытаясь в социальных практиках, искусстве, религиозных представлениях, представлении о государстве и практике управления, природных условиях жизни народа и даже в миграционных процессах

населения уловить «лицо России». Этой теме национального сознания посвящены такие его труды, как «Стихи духовные», «Русское религиозное сознание», «Святые древней Руси», десятки публицистических работ, среди которых особо стоит отметить «Лицо России», «Будет ли существовать Россия», «Русская культура», «Письма о русской культуре», сборник «Революция идет. Размышления о России и революции», «Трагедия интеллигенции», «Рос-

сия Ключевского» и другие. Анализ этой темы безусловно потребовал бы отдельного большого исследования. В предлагаемой же работе мы ограничимся таким специфическим моментом, как роль историко-философского исследования в формировании национального сознания в России.

К самой теме национального Г.П. Федотов приходит через тему родины, ценность которой он переживает в связи со сложившимися жизненными обстоятельствами. Из биографического очерка мы узнаем о политических убеждениях Г.П. Федотова – социализме. Разделяя такие базовые установки марксизма, как классовые основы общественного развития, универсальность общественных процессов, взгляд на государство как на аппарат принуждения, тема родины и тема России звучали для него, в лучшем случае, фальшиво.

Будучи лидером одной из саратовских ячеек РСДРП, Г.П. Федотов занимался активной нелегальной политической деятельностью, за что был арестован в 1908 г. и отправлен на два года в ссылку. Впрочем, ссылка была формальной: вместо Архангельской губернии его высылают в Европу, где он, по сути, продолжает (после гимназии) свое обучение в Берлине и Йене. Эти два года дают ему, по его собственному признанию, бесценный опыт. В статье «Лицо России», к которой мы обратимся подробнее ниже, мы находим следующие строки: «Кто пил горькую чашу изгнания и жил с предчувствием, что годы – может быть, целая жизнь – отделяют его от России, тот знает острее всякого другого, что значит тоска по родине» [3, с. 105]. Однако тема родины и культурных национальных особенностей, которые выпукло проявляются на контрасте с иной культурной традицией и иным природным ландшафтом, вошли в сознание Г.П. Федотова поначалу только как национальный колорит – природное своеобразие и особенности социального общения, пережитые в виде ностальгических воспоминаний. Другим фактором, вызвавшим сильное ощущение безусловной ценности родины, Г.П. Федотов называет Первую мировую войну: «В начале войны у части русских социалистов проснулось право на отечество как самостоятельную ценность». Военные поражения только обострили это переживание: «Теперь мучительно думать, как родные поля топчутся немецкой ратью, как родина отторгается от России, становясь иноземной страной, “заграницей”, разрывая с кровью то, что в душе слитно и неразрывно» [3, с.105].

Этот пережитый опыт впервые формулируется Г.П. Федотовым в виде методического осмысления значения национального в теоретическом (историко-философском) и практическом (социально-политическом) плане в уже упомянутой статье «Лицо России», которую совершенно справедливо считают его программным сочинением [3]. Сами обстоятельства издания этой статьи подтверждают эту мысль. Журнал «Свободные голоса», где была опубликована статья, хотя и просуществовал недолго (вышло всего два номера в апреле и июне 1918 г.), был задуман как печатный орган философско-религиозного кружка А.А. Мейера, известного своими левыми политическими взглядами. Федотов не только входил в идейный костяк этого сообщества, но и был издателем-редактором журнала. В первом его номере, в статье «От редакции», принадлежавшей перу Федотова, журнал заявлял себя как идейная альтернатива тому политическому процессу, который большевики «выдавали» за социализм. Таким образом, формулируя кризис, а не победу социализма в России, статья «Лицо России» очевидно задумывалась как предполагаемый путь преодоления сложившейся ситуации (в самом общем плане). В этом смысле, это и в самом деле манифест, озвучивающий центральные темы будущего разговора.

Эту статью-манифест «Лицо России» Г.П. Федотов начинает патетически, с указания необходимости «...любви к родине, но любви не абстрактной, а любви к лицу» [3, с. 106-107], то есть ясного понимания того, что именно мы любим. Это обращение к постижению «лица России» есть по сути обращение к истории России. Федотов пишет следующее: «Лицо России не может открыться нам в одном поколении... оно в живой связи всех отживших родов, как музыкальная мелодия в чередовании умирающих звуков». Таким образом, постижение «лица России» есть не что иное, как историческое исследование, и исследовать предстоит «не историю города Глухова, а трагическую историю великой страны». «Россия, не нищая, а насыщенная тысячелетней историей страна, предстанет взорам» [3, с. 107].

Такие пламенные высказывания, которые были частью жанра, тем не менее не должны скрывать от нас своего методического указания. Высокие оценки русской культуры были продиктованы не великорусским шовинизмом; нам представляется, что эти пассажи проясняют следующее высказывание Г.П. Федотова, которое

\* Юшкевич Михаил Андреевич, аспирант кафедры философии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

E-mail: mickle-yoush@yandex.ru

© Юшкевич М.А., 2018

\*\* Работы выполнены при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект №16-03-00687.

мы находим в статье 1932 г. «Россия Ключевского»: «Революция была кризисом русского сознания... раскрывшаяся пропасть между «интеллигенцией» и «народом» снова поставила на очередь трагический вопрос о русской культуре и русской «идее». Мысль возвращается к проблематике сороковых годов, к переоценке вечного спора между западниками и славянофилами: о содержании и смысле древнерусской культуры, о ее всемирно-историческом «месте»» [5, с. 176-177]. Обращение к историческим традициям народа, относительно любых их конкретных социальных приложений, – это попытка вернуться к вопросу о возможных путях развития страны (укрепление собственных традиций или освоение чужого опыта), но вернуться к «спору» предлагается по-новому и в новых условиях. Во-первых, революция выявила несостоятельность избранного пути общественного, культурного и политического развития. Сама ситуация революции требовала переосмысления происходящего. И в качестве возможного ответа предлагалась не попытка новых построений, но просеянный сквозь сито критики опыт предыдущих поколений. Таким образом, отвергались революционные пути развития общества и утверждалась эволюция. Это утверждение базировалось на мысли о силе инерции исторического развития. Во-вторых, в конце XIX – начале XX вв. произошла серьезная переоценка культурных достижений русского народа. Главным образом, это произошло и в результате развития гуманитарных наук в России, когда «Петербург» мог по праву считать себя собеседником «Берлина и Йены». Так, для Федотова эта переоценка «спора западников и славянофилов», видимо, мыслилась именно в русле исследований национального сознания, поисков в историческом опыте народа ответов на запросы дня сегодняшнего. При этом опыт этот оценивался как единственно творчески продуктивный.

Эту мысль подтверждает и содержание статьи из второго номера журнала «Свободные голоса» – «Мысли по поводу Брестского мира». В этой статье Г.П. Федотов формулирует одну из исторических предпосылок революционного срыва государства и военной катастрофы, то есть предпринимает попытку выстроить перспективу государственного и социального развития исходя из фактической истории жизни нации. Историческая наука, таким образом, предстает коррелятом социальных, политических, экономических и культурных предприятий и решений.

В статье «Лицо России» мы видим именно этот подход. И так, понять, сформулировать, артикулировать – что такое России – ставится задачей, но для кого? Рассматривая эту статью как продолжение «журнального предисловия» – «От редакции», мы должны признать, что адресатом выступает интеллигенция из числа «русских социалистов». Такое обращение к политически активному общественному слою переводит статью в плоскость практических задач и решений, но так, что политика соединяется с научным изысканием.

Интересно отметить, что это обращение к национальной истории в те времена мы находим и у коллеги Г.П. Федотова по семинарам И.М. Гревса и участника кружка А.А. Мейера – Н.П. Анциферова. В его книге «Из дум о былом» мы находим: «Я ушел в ту работу на культурном фронте, которая так молодо бурлила в первые годы советской власти. А позднее – в конце 20-х годов – в краеведенье, которое меня теснее связывало с родиной, увводя из круга научных интересов, удерживавших меня в средних веках западного мира» [1, с. 327]. Однако у Г.П. Федотова совсем иное настроение. Призыв обратиться к русской традиции в поисках исторических форм социального устройства вовсе не значил для него отказ от медиевистики. Напротив, в 1920-е гг. он продолжает исследовать культуру европейского раннего средневековья и проторенессанса. Кажущаяся непоследовательность, очевидно, объясняется пониманием Г.П. Федотовым своего «дела» (профессии) в масштабе участия в жизни нации. Сама наука мыслилась им как развитие национальной культуры. Г.П. Федотов считал, что всякое настоящее «дело» есть «возвращение на историческую почву: «Наука несет с собой традицию, всечеловеческую связь, – пусть не национальную, но историческую почву» [5, с. 59]. Таким образом, мы можем предположить, что он мыслил свое дело как сохранение и развитие национальной традиции в ее научном приложении, а именно – отечественной медиевистики европейского средневековья. «Через науку, – напишет он, – личность включается в цепь поколений, в определенном звене ее, ее дело определяется уже не ею самой, а коллективным разумом» [5, с. 59]. Таким образом, занятие медиевистикой не противоречило его взглядам на необходимость обращения к национальной истории, поиску национального самосознания.

Эта его позиция, это отношение к профессии как к призванию, похоже на отношение к про-

фессии И.М. Гревса. «И.М. Гревс рассматривал науку не просто как средство познания мира, а как необходимое условие общественного существования и прогресса. Развитие науки связано с самой жизнью, которая так же зависит от нее. Именно историческое изучение позволяет сохранить и развивать накопленные культурные ценности. Отсюда и стремление к популяризации исторического знания» [2, с. 62].

Это понимание практической ценности исторической науки в социальном процессе, в духовной и политической жизни нации, будет более четко сформулировано Г.П. Федотовым в его статье 1929 г. «Будет ли существовать Россия?». Вопросительная формулировка названия статьи звучит апокалиптически, и для этого, считает Г.П. Федотов, есть все основания. Поражение России в Первой мировой войне есть симптом не только экономической и политической слабости государства (война как испытание государства на прочность), но и утраты русским солдатом национального сознания. «Народ, который столько веков с героическим терпением держал на своей спине тяжесть империи, вдруг отказался защищать её. Потерял сознание нужности России. Ему уже ничего не жаль, ни Белоруссии, ни Украины, ни Кавказа. Пусть берут, делят, кто хочет» [4, с. 129]. Национальное сознание, таким образом, на мировоззренческом уровне определяется Г.П. Федотовым как активное, мотивирующее чувство единства, рождающее чувство личной приобщенности национальному и государственному целому и, как следствие, – ответственности. Не просчитываемые математически экономические выгоды, но обусловленный национальной традицией личный выбор рассматривается Г.П. Федотовым как фактор политической жизни государства и народа.

Оставляя в стороне причины разложения национального сознания, которые перечисляет автор, перейдем к предполагаемому им выходу из указанной ситуации. Здесь мы снова встречаем идею необходимости поиска лица России. «Наша эпоха, – пишет Г.П. Федотов, – уже не знает бессознательно-органической стихии народа (бессознательного носителя национального сознания – прим. авт.). Русский народ вступил в полосу рационализма, верит в книжку, печатное слово... Оттого так безмерно вырастает влияние интеллигенции» [4, с. 133]. Это последнее есть обоюдоострый меч. Г.П. Федотов называет сепаратистские настроения национальных окраин Российской империи,

подогреваемые местными националистами, плодом работы именно интеллигенции (помимо всех прочих факторов), в то время как в России западничское крыло интеллигенции было «традиционно» антинациональным, а славянофильское крыло, в творческих своих вершинах развивавшее национальные традиции, выродилось в национальный шовинизм.

«Мы должны выйти из своей беспечности и взять пример с кипучей и страстной работы малых народов, работы их интеллигенции, из ничего, или почти из ничего, кующей национальные традиции», – полагает Г.П. Федотов [4, с. 133]. И так, интеллигенция, историк в широком смысле слова, исследователь духовной культуры призваны играть роль национальной памяти, без которой не может жить нация и не может существовать государство. Так, «на русскую интеллигенцию ложится тяжкая ответственность: не сдать своих культурных высот... Уже не только для себя, ... но и для национальных интересов России» [4, с. 138].

Говоря о работе по возрождению национального сознания, Г.П. Федотов акцентирует внимание прежде всего на возрождении памяти, переоткрытии национальных традиций, духовных достижений народа в любых областях общественной жизни. Таким образом, поиск лица России – это поиск национального сознания, но не выдуманного, а находимого в самой исторической жизни народа, явленного в его достижениях – от политики до искусства и науки, от военного подвига до монашеской аскезы, другими словами – все лучшее, что было совершено нацией, должно стать предметом изучения и вдохновения. Это поиск того, чем была «жива Русь», но не в смысле абстрактных лозунгов, а в значении действительных ее исторических выборов. При этом большую важность в этом процессе, по мнению Г.П. Федотова, имеет духовная культура (религиозность, наука, искусство и проч.), которая для него есть не что иное, как конкретные исторические формы проявления национального сознания, народного гения.

В статье «Национальное и вселенское» 1928 г. национальное показано именно как творческий и созидательный путь развития нации, а уход в «духовное эсперанто» признается для народа путем саморазрушения [4, с. 120]. При этом историческая традиция, запечатленная в национальном сознании, явленная в творческих достижениях нации, есть не инертная часть «надстройки», а властный фактор жизни нации, выплавленные в опыте социальные прак-

тики, действующие как основа жизни общества. В статье «Religious background of Russian culture» мы находим следующий пассаж: «В сознании многих американцев Россия родилась в революцию... в то время как она имеет тысячелетнюю историю... и какую бы пропасть не воздвигла революция между прошлым и современностью... она не способна прервать непрерывность жизни. Воды потопа отступают, проявляя естественные очертания берегов» [8, с. 35]. Отсюда и критика Г.П. Федотовым «интернационалистов, которым ничего не говорят русские национальные традиции» и для которых «Россия мыслится национальной пустыней» [4, с. 127]. В предисловии к книге «Святые Древней Руси» эта мысль переходит в методическую плоскость: «Осознание нашего личного исторического пути поможет нам сосредоточить на нем возможно более организованные усилия, избавив, может быть, от бесплодной растраты сил на чужих, нам непосильных дорогах» [7, с. 28]. Одна из самых известных книг Г.П. Федотова посвящена историко-философскому исследованию русской традиции святости – национального преломления и осмысления христианской, православной традиции. При этом русская святость рассматривается сквозь призму жития конкретных святых, как отражение национального понимания святости в ту или иную эпоху.

Но национальное для Г.П. Федотова не мыслится вне личного, вне индивидуального, вне конкретного. В статье «О гении» Г.П. Федотов формулирует три направления духовного выражения, три пути гения: ученый, художник и святой [6, с. 347]. Именно исследованию третьего пути и посвящена эта работа. Таким образом, максимум национального выражения формулируется в личном достижении, как гениальная речь реализует потенциальные возможности языка. Эта позиция Г.П. Федотова согласуется с воззрениями на историческое исследование его учителя – И.М. Гревса. По воспоминаниям Н.П. Анциферова, И.М. Гревс в своих исторических исследованиях стремился показать эпоху через ее «индивидуальные черты, лицо эпохи, лицо культуры, лицо города» [1, с. 169]. Любую общую тему И.М. Гревс всегда, насколько это было возможно, «портретизировал», рассматривал через проявление в биографии отдельных персонажей, общеисторических тенденций. Так, например, «через призму Августина Иван Михайлович взирал на уникальное время перехода европейского общества от Античности к Средневековью...» [2, с. 65].

Именно эта уникальность, индивидуальность понимается Г.П. Федотовым как историческая позиция. Подвиг святого рассматривается не только с точки зрения его конкретно-исторической реализации, но в свете христианской традиции, как возрождение того или иного опыта христианского пути, которым вдохновлялся русский подвижник, но в своей земле и в свое время, в своих обстоятельствах. Этот тезис также приложим и к пути развития нации, целой страны. В статье «Россия, Европа и мы» мы находим: «В свете конкретного идеализма меркнут кумиры, обожествленные идолопоклонниками идей. Мы начинаем осознавать, что капитализм-социализм-национализм... не абсолютные, а относительные, исторические ценности. И это открывает возможность понять наконец различие исторического дня России и Европы» [5, с. 188]. Так, «релятивизация» исторических идей выдвигается как требование для определения конкретной исторической позиции нации, сверхличного единства – основы для любой социальной практики. Развитие идет не по законам, что не отменяет, однако, закономерности. «Конкретный идеализм» как раз и означает идеализм в свете истории. Идея не перестает играть свою роль, но она перестает быть равна самой себе. Г.П. Федотов требует историко-философского исследования, открытия ее «лица», конкретизации в материале. Тогда она может стать не утопическим проектом, но, напротив, ориентиром для практической деятельности. Примером такой попытки выстроить историческую перспективу развития страны, признавая всю сложность задачи, может служить статья «Проблемы будущей России», в которой Г.П. Федотов и делает наброски относительно будущего позитивного социального и политического развития России. Правильный шаг вперед можно сделать только тогда, когда ты трезво оцениваешь, где ты находишься. Так, национальное не мыслится Г.П. Федотовым вне исторического, а историческое – вне конкретных обстоятельств жизни нации.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.
2. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
3. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911-1925 гг. М.: Мартис, 1996.

4. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 2: Статьи 1920-х – 1930-х гг. из журналов «Путь», «Православная мысль» и «Вестник РХДС». М.: Мартис, 1998.

5. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 4: Статьи 1930-х годов из журналов: «Вестник РХДС», «Современные записки», «Числа», «Версты», «Новый град». М.: Мартис; Sam&Sam, 2012.

6. Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. Т. 7: Статьи из журналов «Новая Россия», «Новый град», «Современные записки», «Православное дело», из альманаха «Круг», «Владимирского сборника». М.: Мартис; Sam&Sam, 2014.

7. Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990.

8. Fedotov, G.P., 1943. Religious background of Russian Culture. Church History: Studies in Christianity and Culture, Vol. 12, no. 1, pp. pp. 35-51.

#### REFERENCES

1. Antsiferov, N.P., 1992. Iz dum o bylom: Vospominaniya [From the thoughts of the past. Memoirs]. Moskva: Feniks; Kul'turnaya initsiativa. (in Russ.)

2. Sveshnikov, A.V., 2016. Ivan Mikhaylovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva [Ivan Grevs and the St. Petersburg school of medievalists in the early XXth century. The fate of an academic community]. Moskva; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. (in Russ.)

3. Fedotov, G.P., 1996. Sbranie sochineniy v 12 t. T. 1 [Collected works in 12 volumes. Vol. 1]. Moskva: Martis. (in Russ.)

4. Fedotov, G.P., 1998. Sbranie sochineniy v 12 t. T. 2 [Collected works in 12 volumes. Vol. 2]. Moskva: Martis. (in Russ.)

5. Fedotov, G.P., 2012. Sbranie sochineniy v 12 t. T. 4 [Collected works in 12 volumes. Vol. 4]. Moskva: Martis; Sam&Sam. (in Russ.)

6. Fedotov, G.P., 2014. Sbranie sochineniy v 12 t. T. 7 [Collected works in 12 volumes. Vol. 7]. Moskva: Martis; Sam&Sam. (in Russ.)

7. Fedotov, G.P., 1990. Svyatye Drevney Rusi [The saints of ancient Russia]. Moskva: Moskovskiy rabochiy. (in Russ.)

8. Fedotov, G.P., 1943. Religious background of Russian Culture. Church History: Studies in Christianity and Culture, Vol. 12, no. 1, pp. pp. 35-51.



